

Жизнь каждую весну словно бы начинается заново. Будто впервые видишь прозрачное, как стекло, небо, чистую даль горизонта и это по-весеннему молодое солнце.

Бута остановился, вдыхая пьянящий аромат ранней весны. Он уже сменил ватный чапан на белый, бязевый, слегка окрашенный синькой халат. Но даже и в нем было жарко. Всю зиму задышался в тесном маленьком домике и теперь жадно впитывал глазами и сердцем буйный разлив весны. Он не пропускал ничего. Его радовал и цветущий бело-розовыми кораллами урюк, и тюльпаны, зацветшие на окраинах глиняных крыш. А мимо пробегали девочки, украсившие свои косички веточками тала, унизанными пушистыми цветочками. И сами девочки походили на цветущие, звенящие смехом колокольчики тюльпанов.

Встречались ему и молодые, степенно проходившие девушки, тоже принарядившиеся ради весны — у каждой из-под тюбетейки свисает на висок пучок фиалок.

Бута остановился на берегу арыка, с жадностью втянул благоухание мяты. Пристальный взгляд его, отмечающий пробуждение мира, заметил и муравьев, спешивших по своему делу. Он готов был позавидовать этим труженикам: они никогда не устают.

В тополиной роще хором приветствовали весну птицы. В развилке ветвей чинара, который вздымался в середине кишлака, замер над своим гнездом на одной ноге аист, время от времени издавая отрывистый клекот вслед цепочке журавлей, проплывающих в голубой выси.

Властно и торжественно входит весна на улицы Заркишлака. Праздник на душе не только у Буты, все люди чувствуют себя по-праздничному. Иначе почему бы в чайхане набралось так много народу, ведь время еще только за полдень.

Под зелеными куполами тополей расставлены широкие скамейки, и все они заняты людьми.

Щеголеватый чайханщик с серебряной монетой в ухе проворно обслуживает посетителей, он несет по два чайника в каждой руке и подает их с поклоном, будто букеты. В Ленинском уголке.

на столе, покрытом красным полотнищем, играет граммофон. И до чего это чудно вертится пластинка и поет! И, конечно, вокруг него собралось едва ли не все молодое поколение Заркишлака. Чайханщик машет полотенцем на ребятишек, сбежавшихся послушать граммофон и досаждающих его почтенным клнситам:

— Марш отсюда, мелюзга!

Но дети не обращают внимания на окрик чайханщика. Они, наклонив темноволосые головенки, с изумлением следят, как крутится черная пластинка да еще и поет.

Прежде чем войти в чайхану, Бута умыл лицо и руки в арыке, утерся поясным платком, потом сел на скамейку и заказал себе чаю.

— Чинак¹ пришел, — шепнул чернобровый джигит соседу. Он притворился, будто слушает музыку, даже ухо приставил к самой трубе, а меж тем внимательно оглядывал каждого входящего в чайхану.

— Что ты сказал?

— Чинак, говорю, пришел. Ты что, оглох, Назир?

Назиркул обернулся, посмотрел на высококого большеголового Буту, сидевшего подперев голову руками и о чем-то глубоко задумавшегося, и даже сплюнул от негодования.

— Что мне на него смотреть, не Хизир² праведный, а всегонавсего председатель колхоза. Неужели и перед ним ковром растилаться?

Чернобровый джигит усмехнулся, словно услышал речь неразумного ребенка, подошел к Буте и сел рядом с ним.

Бута был председателем колхоза в Заркишлаке. Когда-то он жил в нем, но в мятежные годы первых лет революции долго сражался с басмачами в партизанских отрядах так далеко от кишлака, что люди позабыли его имя. Да и прозвище «Чинак» очень подошло ему: одно ухо у него стало короче после того, как по нему прошлась басмаческая пуля.

— Откуда пожаловал, почтенный? — спросил чернобровый.

— Был в центре, — уклончиво ответил Бута. — Ты не видел Батыра-ака?

— Тут вертедся. Выпил один чайник с секретарем хлопкома, а потом исчез.

Бута отказался от лепешки, торопливыми глотками выпил чай, перевернул пилалу и, бросив на донышко две десятикопеечные монеты, встал.

Пройдя к выходу, он обернулся к чайханщику.

¹ Чинак — корноухий.

² Хизир — имя святого.

— Через часок подберось немногo клевера моей лошади.

Чайханщик, приложив руку к груди, проговорил:

— Будет исполнено, почтенный, — и долго смотрел ему вслед.

Бута пришел в правление, поздоровался с секретарем Низаметдиновым, все с той же задумчивостью сел за стол и закрыл глаза, словно старался отвязаться от какой-то навязчивой мысли.

— Эй, Бута-ака, идите-ка домой, отдохните! — посоветовал Низаметдинов, что-то писавший. — Дома лучше спать, чем за столом.

Бута открыл глаза, с трудом отрываясь от дум.

— Должно быть, собрание на всю ночь затянулось? — с участием продолжал Низаметдинов.

— Да. — устало кивнул Бута. И вдруг долго сдерживаемое раздражение прорвалось, он готов был пожаловаться каждому, лишь бы слушали. — Столько времени зря потеряли, даже обидно! Инспектор паробраза оказался таким пустомелей, что и ночь миновала, и рассветать стало, а он все не мог закончить свою речь.

— Это Худайкулов? Знаю, знаю, — засмеялся Низаметдинов. — Этот любит поговорить. Чтобы его дослушать, надо в отпуск уйти, не то все дела свои запустишь, — так у нас про него говорят.

Бута кивнул, охотно соглашаясь.

— Так и получилось. Половина слушателей заснула, так что же ты думаешь? Он дал им спать? Как бы не так! Он для этого случая звонок припас — и дрынь-дрынь, никому спать не дал. Теперь я понимаю, — закончил Бута, качая головой, — почему у нас учителя такие худые, это он их засушил.

Оба улыбались. Бута откровенно признался:

— Так измучился, что работать не могу, пойду усну немного.

Низаметдинов, сочувственно вздыхая, проводил его, потом подошел к окну и оглядел улицу. На противоположной стороне стоял вышедший из чайханы Назиркул, слуга ишана. И, разинув рот, смотрел на проезжавшего мимо велосипедиста. Низаметдинов окликнул его. Назиркул подошел к окну, услужливо спросил:

— Чего изволите, эфенди?

Он с любопытством заглянул в правление колхоза, обозрел бумаги на столе.

— Вай бу-у, неужели все эти бумаги вы исписали! Ах и черк у вас, эфенди, до чего же красив!

— Кому как, а мне эта писанина надоела! — пожаловался Низаметдинов. — Все дела на мне, а председатель почивать пошел.

— Как, среди белого дня? — изумился и покачал головой Назиркул

— Всю ночь, говорит, не спал. И глаза у него покраснели. Должно быть, выпил изрядно.

— Не может быть, эфенди, у нашего председателя нет такой привычки, — с сомнением проговорил Назиркул.

Но Низаметдинов поторопился переменить разговор.

— Слушай, окажи мне небольшую услугу.

— Разве я когда-нибудь вам отказывал?

— Так скажи своему хозяину, что я сегодня приду попозже.

— Скажу! — кивнул Назиркул, собираясь уйти.

Но Низаметдинов остановил его.

— Ты свою госпожу, ишан-ая¹, видишь?

Назиркул насторожился и враждебно отвел глаза в сторону.

— Я на этот вопрос не хочу отвечать!

— Как ты смеешь, поганый! Да тебя проклянет наш духови-дец ишан!

— Вы сами, эфенди, поступаете недостойно. Ведь вы разве-лись с нею когда-то. Вас еще за это бог накажет!

Низаметдинов нахмурился.

— Пошел прочь! И не смей задевать меня, а то сгною в тюрьме.

Бедный слуга никак не ожидал такого ответа. Изумленно округлив глаза, он попятился и мгновенно исчез.

Низаметдинов захлопнул окно, запер правление на замок и ушел.

Когда Бута проснулся, уже темно. Он вышел во двор, досадуя, что проспал так долго. Из-за холма, как большое медное блюдо, поднималась луна. Ночное затишье изредка нарушалось то стуком топора, то мычанием тележка. С соседнего дворика доносился запах пережаренного хлопкового масла — там готови-ли ужин.

Бута постоял среди двора, затем направился к площади. При лунном свете сняли, как серебряные, кусты цветущего урюка.

Бута медленно шел по улице, невольно прислушиваясь к до-носившейся из темного сада песне. Эта песня была ему давно знакома, но и давно уже забыта им.

Есть в Намангане яблоки и груши, есть сады!

Есть среди сада заросли джиды.

В душе влюбленного растет его любовь!

Лишь я одна несчастна, где же ты?

¹ Ишан-ая — жена ишана, духовного лица.

Сердце Буты взволнованно забилося. Кто это поет? Такой нежный голос!

Он повернул на звук песни и подошел к плетеному забору, За плетнем, на террасе домика, сидела молодая женщина и пела, качая люльку.

Бута остановился как зачарованный. Женщина пела слабым, немного надтреснутым, но приятным голосом. Мерно качалась люлька на длинных веревках. Ярко светила луна, и тень люльки металась по террасе.

Откуда-то послышался мужской кашель. Бута сразу смутился оттого, что заглянул в чужой двор, и торопливо зашагал прочь, к таловой роще. Но здесь он остановился, словно все еще прислушивался к песне.

Вдруг он стиснул зубы, словно услышал голос своего сердца: «Что поделаешь, ты пропустил счастье! Видно, такая у тебя судьба!..»

Да, именно эту песню он слышал одиннадцать лет назад. Ее пела Саломат. Где теперь она? Жива ли?

Грустные думы навеял на него знакомый напев. Он вспомнил сладкие, мучительные мгновения далекого прошлого, словно оно оживало в лунных узорах на траве, в журчании арыка.

Бута вспомнил маленькую кузницу, оставшуюся ему от отца. Он, по его примеру, тоже занимался кузнечной работой. В те времена белый царь уже слетел с лошади, но ишан Саид Джалалхон, жестоко угнетавший жителей Заркишлака, еще не оставлял седла. Он и до сих пор, притаившись в своей усадьбе, пытается держать верующих под своим влиянием. А тогда в Заркишлак приходили к нему на поклон из разных мест, начиная от Намангана и Ферганы и кончая Ташкентом. Все это были верующие, избравшие ишана своим духовным наставником — ири.

Бута вспоминает, как в те далекие времена, закрыв кузницу, он отправлялся домой, проходил мимо сада ишана и думал: «Вот где рай!»

Да, это был настоящий райский сад. Деревья гнулись от плодов, всюду было море цветов и зелени. Груши величиной с чайник; лозы, едва удерживающие гроздья винограда... Наливалась янтарным соком айва...

Однажды Бута, проходя мимо сада, огороженного высоким дувалом, услышал песню, которая запала в его сердце. Эта песня была так сладка и нежна, что в груди юного джигита проснулось необычное волнующее чувство. Он остановился, охваченный каким-то внутренним огнем, от которого не помогла бы и самая прозрачная влага из родников Заркишлака. В следующее мгновение он влез на ореховое дерево, росшее по эту сторону,

дувала, и заглянул в сад ишана. Там он увидел девушку лет шестнадцати, с ленточками, вплетенными в кончики косичек, в ситцевом платье. Она рвала гранаты и укладывала их в корзину. Девушка была так увлечена своим занятием, что не замечала ничего вокруг. Не заметила она и лихого джигита, сидевшего уже верхом на заборе. Звонким голосом она пела:

Есть в Намангане яблоки и груши, есть сады!
Есть среди сада заросли джиды...

Бута долго слушал песню, не отрывая взгляда от девушки. Еще не сознавая, что в сердце запала искра любви, не слушая рассудка, подсказывающего уйти, он продолжал с волнением следить за девушкой. Вдруг от нечаянного движения из дувала вывалился ком сухой глины и с шумом упал на землю.

Девушка оглянулась и увидела джигита. Она поспешно стянула платок с головы на лицо, но не убежала, а спросила побледневшего Буту:

— Что вы тут делаете? Зачем заглядываете в сад? Дядя ишан вас сейчас проучит!

По ееговору Бута понял, что она сама из Намангана, и, преодолев волнение, спросил:

— А вы что делаете в чужом саду?

— Разве вы слепой? — пожалала плечами девушка. — Вы же видите — я гранаты собираю. Уходите скорее! Плохо вам придется, если вас здесь кто-нибудь застанет.

Но Бута не испугался ее угроз, вместо того чтобы бежать, он спрыгнул к ней. Она отступила от него, но Бута придержал рукой ее корзину.

— Я крикну и позову мюридов¹!

Но в молодого джигита словно шайтан вселился, он дерзко ответил:

— Зови, я никого не боюсь.

Девушка уже оправилась от испуга и насмешливо смотрела на него.

— Вон вы какой удалец! Сейчас узнаем, бонетесь вы или нет! Эй, люди!

Из глубины виноградных беседок послышались чьи-то шаги. Зашуршали засохшие листья, оставшиеся с осени после прорежи-

¹ Мюрид — ученик и последователь духовного наставника.

вания винограда. В то же мгновение Бута нырнул под ветви граната, нависшие над землей.

Раздвинув лозы виноградника, вышел джигит лет семнадцати, высокого роста, широкоплечий. Это был подаренный еще ребенком ишану его преданный слуга Назиркул.

— Что тебе надо, ты звала?

Девушка растерялась.

— Говори же, чего ты испугалась?

Назиркул хотел было взять девушку за руку, но она перепрыгнула на другую сторону арыка.

— Отнеси корзину с гранатами, мне некогда, надо набрать еще одну.

— Только и всего? — спросил Назиркул, с нежностью поглядывая на девушку. Но, не получив ответной улыбки, вскинул корзину на голову и пошел прочь.

Девушка приподняла ветви граната.

— Храбрец дрожит, как степной заяц. А по заборам лазает, как памирский тигр!

Бута не обиделся на ее насмешливый тон; улыбаясь, он вышел из укрытия.

— Я ничего не боюсь. А если бы знал, что это Назир, так и прятаться бы не стал.

— Значит, это вы от храбрости спрятались под куст? Ну, а теперь уходите, не то я снова закричу, и тогда уж вам не сдобровать.

— Теперь я и вовсе не уйду. А если встречу кого, так скажу, что вы меня сами позвали и показали, откуда легче пробраться в сад.

Девушка, ошеломленная таким вероломством, только махала рукой и шептала:

— Сейчас же уходите! Уходите скорее.

Но Бута, осмелев, дерзко заявил:

— Я уйду только в том случае, если вы еще раз споете песню, которую пели полчаса назад.

— О горе! — всплеснула руками девушка. — Неужели от вас никак нельзя избавиться?

— Пойте, не то я просижу здесь дотемна.

Девушка, хмурия брови, смотрела себе под ноги, не зная, что делать и как вести себя с этим упрямым джигитом. Она пробовала сердиться — не помогло. Попробовала улыбнуться.

— Хорошо, но только отойдите подальше и не смотрите на меня.

Бута прилег на траву у арыка. Обернувшись спиной к нему, девушка запела. Она пела все громче и громче, словно и сама

увлеклась песней, как вдруг из виноградных лоз послышался сердитый голос женщины:

— Салом, куда ты провалилась? Я устала ждать тебя!

Девушка умолкла, испуганно замахала руками.

— Бегите! Ишан-ая идет сюда! — в смятении взглянув в ту сторону, откуда раздался строгий окрик, она торопливо ответила:

— Аяджан, я сейчас, я несу гранаты!

Бута живо вскочил на забор, но, прежде чем исчезнуть, успел шепнуть:

— Завтра увидимся!

— Не смейте! — замахала рукой девушка. — Не приходите! Ишан-ая нас увидит.

Но Бута, не дослушав ее, исчез за забором.

С того дня Бута каждый вечер пробирался в сад и слушал песни Саломат.

Так все началось с песни, а потом стало ясно, что причиной вздохов, вырывающихся то у него, то у нее, была молодая робкая любовь.

Назиркул первый открыл их тайну. Он стал мешать их свиданиям, а потом и сам стал заигрывать с Саломат. Но она решительно отклонила его ухаживания.

Счастье шло навстречу молодому кузнецу. Он уже задумывался о скорой свадьбе, но неожиданно грозные события нарушили его мечты.

Главарь басмачей курбаша Халходжа, собрав вокруг себя головорезов, вознамерился покарать неверных мусульман. А к неверным он причислил всех дехкан и батраков.

Почти каждый день бандиты налетали на кишлаки, происходили ожесточенные бои, лилась кровь, и горели дома дехкан.

В одну темную ночь, во время налета бандитов, Саломат исчезла. После этого Бута видел ее еще один только раз, а искал потом многие годы...

Все это вспомнил Бута, шагая по зеленому коридору улиц, освещенных матовым кругом луны, и только что услышанная песня напомнила ему и гранатовый сад, и его любовь. Тоска по Саломат с новой силой сжала сердце. Нахлынули забытые воспоминания. Где ты, девушка с вплетенными в косички лентами? Быть бы тебе рядом со мной, пожить бы вместе в эти счастливые дни, когда наступила новая жизнь, когда радуется сердце бедняка.

Где ты, где ты, моя Саломат? Спишь ли ты вечным сном? Где могила твоя? Или живешь ты счастливо с другим? Отзовись на мой призыв!

Наружный двор Азимбая со всех четырех сторон окружен высокими крепкими стенами. Двор как крепость. Под широким навесом стоит фаятон. Старые, тенистые ивы окружают пруд с цементированными берегами. В пруду плавают серебристые рыбки. Прошедший утром дождь вымыл выложенный квадратными кирпичиками двор.

Азимбай торопливо прошел к калитке и с нетерпением встретил гостей.

— Где задержались? Плов совсем разварился!

Не ожидая ответа, он повел гостей к дому. Дойдя до веранды, тихо спросил:

— Вас никто не видел?

Низаметдинов успокоил его взглядом: «Все в порядке».

Азимбай снял с тутовника полотенце, перекинул его через плечо, взял кувшин с водой и стал поливать на руки гостям.

Миновав зеленую веранду, прошли в богато убранную коврами гостиную, стены которой были украшены рисунком, изображавшим плачущие ивы с напизанными на веточки, словно по счету, листочками.

Над глубокой нишей для одежды висела литография священного города Медины. Великолепный ковер, свешивавшийся с потолка, играл при свете керосиновой лампы искусно подобранными яркими красками.

На толстом стеганом одеяле сидел, навалившись на подушки, ишан Саид Джалалхон. Мерно покачиваясь, он перебирал четки. Увидев гостей, хотел было подняться, но Назиркул проворно приблизился к нему.

— Не утруждайте себя, таксыр¹!

Ишан тяжело опустился на подушки.

Назиркул взял руку ишана и в знак глубокого почтения потер ею свои глаза; потом, согнувшись, отступил к двери и присел там.

— Значит, явился, Низаметдинов? — протяжно, словно читая молитву, произнес ишан.

— Истинно пророчите вы, — произнес Назиркул, сложив руки на груди.

— Что удивительного?! — улыбнулся Низаметдинов, остано-

¹ Таксыр — почтенный.

вывитыйся в дверях. — Вы пророчествуете, как духовидец, который, увидав кошку, угадал погоду¹.

Ишан засмеялся шутке, но укоризненно покачал головой.

Азимбай куда-то вышел и вскоре вернулся, придерживая рукой полу чапана. Наклонившись, он выкинул из нее на одеяло бутылки. Они стукнулись одна о другую. Ишан сказал с упреком:

— Опять ты грех затеял, Азим?

Хитро щуря глаза, Азимбай поклонился:

— Снова пророчествуете, таксыр! Но не сердитесь на нас, мы допустим грех только в пределах, дозволенных шариатом.

Ишан закрыл глаза, шепча про себя молитву.

— Вино для брэнной старости дано! — сказал поэт Хуваидан Чимени². — напомнил Низаметдинов.

Ишан, раскрыв беззубый рот, хрипло засмеялся.

Азимбай, сделав знак Назиркулу, сказал:

— Теперь можно запереть калитку!

Назиркул, почтительно попятившись к двери, вышел. Звякнула щеколда. Вернувшись, он снова занял место у порога.

Когда пиала с вином дважды обошла круг, через окно просунулась женская рука и подала плод.

Азимбай после двух пиал почувствовал себя навеселе.

— О мой эфенди, как жаль, что мы лишились граммофона, послушали бы сейчас Абдуллу Фonusчи, облегчили бы обливающимся кровью сердце. Может быть, принести дутар?

— Не те сейчас времена! — сердито ответил ишан. — Как можно говорить о волосах, когда речь идет о голове. Это раньше мы могли реветь в карнаи и бить в бубны. А теперь, когда одна нога в Заркишлаке, а другая в Сибири — надо быть по-тише!

Назиркул много раз бывал на угощениях Азимбая. В этой самой гостинной, бывало, резались в карты до рассвета, любовались танцами молодых джигитов, наряженных девушками. Назиркул сидел у двери, где сидел и сейчас, и заряжал гостям чилмы, мыл калоши, отвозил опьяневших на извозчике домой. Он умел и любил услужить всем и, получив в благодарность небрежный кивок, принимал его с умилением. Среди пиров он никогда не был сыт, его пинали, как щенка, но он был глух к оскорблениям.

Прошли, прошли те времена, исчезли, как сон. И вот его ду-

¹ «Увидев кошку, угадать погоду» — известное изречение некоего мудреца, который, увидев кошку, вбежавшую в комнату со снегом на шерсти, «угадал», что идет снег.

² Хуваидан Чимени — поэт-мистик.

ховный наставник, ишан Саид Джалалхон, слава которого гремела по всей Ферганской долине, сейчас бонится даже собственного голоса. Кашляя, он уже закрывает рот ладошкой. И слава его с каждым днем заматается пылью, все меньше жертвуют прихожане, скудеет доход.

Ишан молча ел плов, потом вытер руки и хлебнул остывший чай. Пошевелив подведенными сурьмой бровями, он опять пробормотал молитву и взялся за четки.

— Кажется мне, что и Назиркул мечтает стать колхозником. Говорят, он уже подал заявление...

— Пусть покарает меня господь! — отозвался Назиркул. — Клянусь хлебом, это неправда!

Ишан засунул четки в складки платка, завязанного на животе. Его лошадиное лицо приняло строгое выражение. Он сузил глаза, словно сосредоточился на важной мысли.

— Тогда ты сделал ошибку, верблюжонок мой! — раздельно и назидательно произнес он. — Мудрецы говорят: будь не возле врага, а внутри врага. Скорее подавай заявление! вступи в колхоз, покажи себя работающим, деятельным. В колхоз тебя примут; ты же бедняк, никто не оттолкнет тебя. Подавай заявление. входи.

— Но мне не с чем входить!

— Об этом не беспокойся! Дадим тебе быка и плуг, с этим имуществом и войдешь. Этот проклятый колхоз надо разрушать не снаружи, а изнутри. Люди будут верить тебе. Никто, кроме нас, не знает, что ты был джигитом Халходжи.

Как только ишан произнес имя главы басмачей, Назиркул покорно сложил руки на груди. Он никогда в жизни не перечил ишану и теперь, низко кланяясь, изъявил свое согласие.

— Прежде всего надо свалить этого нечестивца Бутабая, — с ненавистью сказал Азимбай.

— Верно! — злобно подхватил Низаметдинов. — Надо опозорить этого «чинака». Простой люд подобен стаду: куда погонишь, туда и пойдет, что скажешь, тому и поверит. Надо сбить с толку женщин, довести их до того, чтобы они от отчаяния рвали на себе волосы, вопили о помощи и проклинали Буту.

— Говорят, что в этом проклятом колхозе все бросят в одну кучу. Весь кишлак, говорят, будет спать под одним одеялом. Земля, скот, женщины — все будет общим, даже женщины! — язвительно повторил Азимбай. — Выколоть бы себе глаза, чтобы не увидеть этих дней.

— Это еще халва! Будет так, что по колоколу будешь вста-

зять, по колбколу чихать и кашлять и нүжду справлять! — добавил Низаметдинов.

— Сгинь, сгинь, сгинь! — простонал ишан. — Неужели вступившие в колхоз не знают об этом?

— Знают, знают, таксыр мой! В колхоз вступили только лентяи и нечестивцы. А те, кто не знают, сами увидят. Говорят, что и наши женщины, подобно русским женщинам, подстригут волосы и наденут платья до колен.

Ишан снова залепетал свое: «Сгинь, сгинь!» Низаметдинов выразительно взглянул на Азимбая и незаметно кивнул в сторону Назира. Бай приказал Назиркулу:

— Братец, ты напился чаю, выйди во двор, нам еще надо поговорить.

Назир низко поклонился и вышел.

Высоко и привольно плыла на просторе луна. Шелестела от ветра трепетная листва тала. Заложив руки за спину, Назир ходил по двору, поглядывая вокруг. Иногда он подходил к окну, прислушиваясь к разговору. Сквозь дым, плавающий по комнате, люди плохо видны, голоса их приглушены. Вот что-то доказывает Низаметдинов, размахивая руками; ишан, свесив голову, впал в глубокую задумчивость; бай сидит и таращит глаза, как мальчишка, которому строго выговаривают за провинность.

Назиркул много раз был свидетелем таких тайных бесед, многих из их участников уже нет в живых.

В те времена, когда он был джигитом Халходжи, он по ночам являлся в кишлак, грузил на арбу ящики с патронами и, завалив их сверху сеном, возвращался в горы. Но Халходжа нашел свой конец под снежным обвалом, джигиты его разбежались. Назиркулу пришлось вернуться в кишлак. Старые, любезные сердцу друзья взяли его под свою защиту. Активист кишлака Низаметдинов уберег его от возмездия, скрыл, что он был басмачом.

Азимбай с лампой в руке вышел во двор.

— Назир, проводи нашего эфенди. Но сначала выйди на улицу, посмотри, не идет ли кто.

Назир поторопился исполнить приказание.

— Вай, какая темная ночь! — воскликнул Низаметдинов. — Азимбай, предложи почтенному ишану, пусть заночует у тебя. Нечего ему ковылять в темноте по переулкам.

— Конечно, конечно! — охотно согласился Азим.

Спустившись с веранды, Низаметдинов остановился.

— Лампу не выносите, а то еще кто-нибудь заметит нас.

Он попрощался и ушел.

Ишан-ая постелила постель в ичкари¹, поставила у двери кувшин для омовения и, держа в руке посеребренную лампу, вошла в гостиную.

Было тихо. Лампа слегка мигала, когда весенний ветерок, шевеля занавески, врывается в комнату. И только стенные часы, не знающие усталости, нарушили тишину, пробив двенадцать.

Сидя на подоконнике, ишан-ая прислушивалась к шороху листьев в саду. Она грустила. Ей было не больше сорока пяти лет. Она была еще красива: с бровей ее никогда не сходила сурьма, со щек — пудра. Стройная, с гордой походкой, она выделялась среди женщин, окружавших ишана. У ишана было много красавиц, пожертвованных отцами-фанатиками, но все они разбежались по своим краям. И ей все скучнее жить с ишаном, который давно опирается на посох; да и богатые дары уже не текут к нему, как в былые дни, а еле-еле просачиваются, как несякающий родничок в песке.

Теперь ишан-ая мечтала только об одном: поскорее проводить дышащего на ладан ишана в место, уготованное ему аллахом, и заполнить его добро, чтобы обеспечить себе безбедную старость. У Сауда Джалалхона нет детей, и никто, кроме нее, не имеет прав на наследство.

Неожиданный стук в калитку испугал ишан-ая, она поспешно засунула ноги в кавуши² и, шлепая ими, подошла к двери.

— Кто там? — тревожно спросила она.

Незнакомый голос попросил открыть.

— Отец наш послал меня.

— А по какому делу? — недоверчиво допытывалась хозяйка.

— Почтенный отец наш остался у Азимбая ночевать и послал меня кое-что передать вам.

Ишан-ая откинула цепочку, и створки двери со скрипом отворились. Перед ней стоял высокий усач с длинным, опущенным вниз носом. Это был Низаметдинов.

— Не узнаешь? — спросил он.

Ишан-ая вскрикнула и прислонилась к двери. Она побледнела, как извстень, и дрожащей рукой придержала сердце, будто унимая его.

Низаметдинов ласково улыбнулся, но усы, как у зверя, поднялись над губой, и ряд хищных зубов блеснул в темноте.

¹ Ичкари — поместье для женщин,

² Кавуши — кожаные галоши,

— Муж твой не придет сегодня.— Он накиннул цепочку на дверь.— Вот мы и увиделись снова!— заговорил он, обняв ишан-ая за плечи и ведя ее в соседнюю освещенную комнату.

Она покорно шла за ним, несвязно говоря:

— Вы живы? Где же вы были все это время?

Низаметдинов спокойно сел за низенький столик. Он не торопился отвечать взволнованной женщине, засыпавшей его ненужными вопросами. Будто он так глуп и наивен, что расскажет ей о себе! Да и разве можно все рассказать? В эти бурные годы ему столько пришлось пережить, что всего и не вспомнить.

— Чаю приготовить?— спросила ишан-ая, встревоженная его молчанием.

— Не утруждай себя. Я сыт, сядь ближе.

— Поужинаем вместе,— ответила ишан-ая и, как он ни удерживал ее, взяла казан и понесла его на очаг.

Низаметдинов, оставшись один, огляделся и вдруг увидел свое отражение в зеркале. Он с любопытством подошел поближе, будто впервые видел свое лицо. Да, прожитые годы оставили на нем глубокие следы. Молодость давно миновала, скоро, быть может, придется распрощаться с жизнью, а он все так же ненасытно рвется к ее благам.

Низаметдинов закурил и, шурясь от дыма, думал о прошлом. Встреча с этой женщиной невольно толкала его на воспоминания.

Пожалуй, все началось с того, когда он, ученик бухарского медресе Гиясиддин, был публично проклят своим отцом Низаметдином, торговцем мануфактурой из Бувайды, и проклят-то был, в сущности, за пустяк: проиграв присланные отцом деньги и оставшись без средств, он попытался ограбить лавку одного еврея. Пойманный с поличным, он вкусил полную меру позора. Его вымазали сажей, посадили на ишака лицом к хвосту и под свист и улюлюканье мальчишек провезли через весь базар. С тех пор отец не присылал ему денег, и он стал жить на случайные заработки.

Гиясиддин бросил ученье, запасся двумя бурдюками и начал обслуживать торговые ряды «живительной божественной влагой», окончательно преступив закон корана, запрещающий мусульманам употреблять вино. Его отец, узнав об этом, приехал в Бухару, разыскал сына, отвез его в Ташкент, устроил в русско-туземную школу и вернулся в Бувайду. Прошли годы, а состязания в остроловни, происходившие в чайхане и на-тоях, по-прежнему не обходились без упоминания о «Гиясе-воришке».

Когда об этом дошли слухи до Бувайды, отец, напившись пьяным, порезал себя.

Гиясиддин тотчас же прибыл в Бувайду, продал стповский дом и на вырученные деньги купил себе дом в Андижане.

Там он зажил большим человеком. Он знал грамоту, понимал и по-русски, и по-узбекски, и это помогло ему занять в городе видное положение. Он получил должность переводчика при правителе города.

Вскоре на него обратил внимание сам городской староста, накопивший небольшой капиталец на своем выгодном посту. Он стал приглашать юношу к себе в дом и однажды, нарушив все правила приличия, «невзначай» показал ему свою дочь, когда девушка внесла в гостиную угощение.

— Мой дом — ваш дом, заходите запросто, — сказал он.

С тех пор Гиясиддин не выходил из дома старосты.

До Гиясиддина доходили слухи, будто староста навязывал дочь и прежнему переводчику; рассказывали, что, когда староста уезжал в кишлак по своим делам, у его подъезда всю ночь стоял извозчик, на котором приезжал этот переводчик. Но Гиясиддин не верил этим слухам. Очарованный умом и красотой девушки, он считал их клеветой. Вскоре сыграли свадьбу. Однако на другой же день к старосте пришел от Гиясиддина человек и заявил:

— Бери обратно свой товар!

С наступлением темноты староста помчался к зятю улаживать дело.

— Напрасно вы это так близко принимаете к сердцу, — сказал он зятю. — Говорят, один из наших святых тоже женился не на девушке, а на женщине... Что ж, всякое бывает в жизни. Вы ведь и сами в Бухаре... — Встретив грозный взгляд Гиясиддина, он сразу умолк. Потом заговорил о деловых вопросах. — Я собирался поехать с вами к нотариусу, чтобы передать вам мой хлопковый завод. А вы повели себя так враждебно... Не знаю, как уже теперь и быть...

Доводы старосты были весьма «весомы», и это заставило Гиясиддина не только промолчать, но и пожалеть о своем поспешном решении.

— Посоветуйте, что же мне делать? — сказал он, подсаживаясь поближе к тестю. — Ведь надо мной будут смеяться... И тот злодей...

— Тот злодей уже давно там! — староста указал рукой на землю. — Обо всем этом знают только аллах да мы с вами.

На следующее утро тесть и зять уселись на извозчика и отправились к нотариусу. Завод старосты перешел в руки Гиясиддина.

Ветер счастья надул паруса юного отпрыска зувайдинского купца. Капитал его стал расти. Но Гиясиддин не остепенился, и вскоре его корабль пошел ко дну.

Ходили разные слухи. Кто говорил, будто Гиясиддина застали с женой господина хакима¹, а кто говорил, что со стражником господина. Как бы то ни было, но очень скоро Гиясиддин вылетел из своего теплого домашнего гнездышка. С горя он снова увлекся азартными играми, и ему опять не повезло. Он проиграл свой дом и перебрался в дом тестя. Скоро проиграл и завод. Потом проиграл и жену. Староста выкупил дочь, а зятя прогнал со двора, однако выкупить завод уже не смог.

Обозленный старик поджег его — ни тебе, мол, ни мне, — а дочь отдал без свадьбы и венчания ишану Саиду Джалалхану.

Гиясиддин продолжал играть, и когда он проиграл все до нитки и уже не мог заплатить своих долгов, его привязали к тополю и кинули перед ним сноп соломы в знак того, что за него требуют выкуп. Выручайте, кому он нужен!

И такой человек нашелся. Это был Азимбай из Заркишлака. Он купил сгоревший завод вместе с хлопкоочистительной машиной, он же убрал лежавшую перед Гиясиддином солому и выкупил его.

После этого Андижан стал не мил ему.

Он вспомнил старых дружков в Бухаре и перебрался туда. Но и там ему не повезло. Опустившийся, похудевший, он снова вернулся назад.

В это время произошла революция, и столбы, на которые рассчитывал опереться Гиясиддин, валялись один за другим. Наступили трудные дни. Он пытался ухватиться то за одно, то за другое, но никак не мог найти себе дела, которое дало бы средства к существованию. Выручил опять тот же Азимбай. Он свел Гиясиддина с курбаши Халходжой, и Гиясиддин стал его лазутчиком в Андижане. Но Халходже вскоре пришел конец. Поумневший Гиясиддин, которого жизнь научила приспособляться ко всему, по совету Азимбая нашел себе занятие — стал переводчиком и постепенно втерся в доверие к новой власти.

Закрытый казан так и остался закрытым. Толмач Гиясиддин, став теперь товарищем Низаметдиновым, оказался активистом кишлака.

...Ишан-ая принесла на китайском блюде жареное мясо. Она успела повязать голову голубой косынкой, словно чалмой, осветила лицо пудрой и сурьмой и, снова красивая, сидела теперь перед своим бывшим мужем.

¹ Хаки́м — градоначальник.

А он задумчиво теребил бахрому скатерти не в силах оторваться от своих горестных воспоминаний.

Прошли годы. Много воды утекло, другие люди стали хозяевами страны, но эти двое, сидящие друг против друга, достигли за это время только того, что приблизились к старости.

Гиясиддин, запятнавший себя с молодых лет грязными делами, остался таким же и до сих пор. Ишан-ая все так же ждет своего часа, чтобы порадоваться жизни. Теперь она ожидает смерти ишана; а он, хоть и дышит на ладан, но все еще не торопится в рай, который заслужил давно своими ночными бдениями. Она ждет, а ее голова уже начала сесть. Кого только не было в ее спальне за эти годы ожидания, а вот счастья ей не дал никто...

Мясо на блюде остыло.

— Знаешь,— заговорил Гиясиддин, подвигаясь к женщине,— есть очень важное дело к тебе.

Ишан-ая вопросительно посмотрела на него.

— Ты знаешь Буту?

— Корноухого Бутабая?

— Он самый! — хмуро подтвердил Гиясиддин.— Нам нужно опозорить его перед всем кишлаком. Не подкажешь ли ты что-нибудь простое и оскорбительное, как пощечина?

Ишан-ая ожидала совсем другого разговора. Услыхав просьбу Гиясиддина, она разочарованно опустила голову.

Низаметдинов угадал ее желание, подвинулся к ней и взял ее за подбородок. Она кокетливо отодвинулась.

— Не пора ли спать? — сказал Низаметдинов, притворно потягиваясь.

Ишан-ая тоже нарочито лениво, словно молодая невеста, начала стелить постель. Низаметдинов убавил огонь. Уже выгоревший фитиль слабо мигнул и погас.

Только луна освещала мертвенным светом комнату, будто наполняющуюся призраками далекого прошлого.

4

Правление колхоза разместилось в маленьком невзрачном домике. Беден и стол председателя: четыре неотесанные доски на разлапистых козлах, покрытые красным полотнищем со следами плохо отмытого лозунга на арабском языке. Под чернильницу приспособлен пузырек из-под лекарства. Комнату украшает только висящий в простенке против председательского стола портрет Ахунбабаева, изображенного в огромной, опушенной мехом шапке, с красной лентой на груди.

11

Одностворчатая некрашенная дверь, ведущая в кабинет председателя, испещрена разными надписями. Половина окна заклеена пожелтевшей от солнца газетой, в которой любопытствующие могут прочесть статью о Китайской Восточной железной дороге, набранную арабским алфавитом, но с заголовком латинского шрифта — свидетельство борьбы за приближение печатного слова к народу.

На углу стола свалены кучей осовашихимовские инструкции, лежит деревянный макет винтовки, а на гвозде, над столом, висят два противозага. На лаколичном плакате «Курить запрещается!» кто-то вывел угольком «Но можно жевать насвай!» — и большинство посетителей, взглянув на добавление к надписи, начинают жевать, сплевывая зеленую жижу прямо в угол.

Бутабай держал в руке письмо, прибывшее из хлопкома, и, не умея читать по-русски, нервничал, ожидая, когда явится Низаметдинов.

Низаметдинов пришел не один. За ним тенью следовал старый колхозник Турсунбай, которому секретарь пытался что-то втолковать, поминутно хихикая. Бута с удивлением услышал его последние слова:

— Приходит час, и каждый человек помирает, а Чемберлену и подавно смерть не заказана.

Низаметдинов снова засмеялся. Турсунбай-ата сердито взглянул на него.

— До чего же странно вы рассуждаете, сын мой! Барану дорога его шкура, а мяснику его сало. Что тут смешного?

Бутабай с недоумением посмотрел на Низаметдинова. Тот с усмешкой кивнул на старика:

— Бедный старик жалеет подошедшего Чемберлена.

— Чемберлен умр? Туда ему и дорога! Стоит ли жалеть его, ата? — изумился Бутабай.

Но старик гневно взглянул на председателя и запричитал:

— Ия-йия, почтенный, и вы туда же? Да ведь если бы я не успел зарезать его, так он просто сдох бы. А вы только подумайте, почтенный, какой это убыток для такого бедняка, как я. А теперь, сынок, если вы позволите, я сдам мясо в амбар, ведь я и не дотрагивался до него! Сдам и шкуру, и внутренности — все, все, только дайте мне другого взамен, благодарить буду.

Низаметдинов, уловив, что Бутабай сердится на его шутку, кивнул старику — перестань, мол, и принялся пояснять:

— У старика был козел, и я прозвал его Чемберленом, уж очень прыток был этот шайтан. Перелетал, черт рогатый, через любой забор. Но нынче ночью он запутался в аркане и чуть было не издох — едва успели прирезать.

— Правильно, правильно, милый, рассказываешь! — подтвердил старик. — И никакого от него проку не было. Верно говорят, что от паршивого козла ни шерсти, ни молока. А у меня ведь куча детей. Вы бы взяли теперь мясо и шкуру, а нам дали бы дойную козу, детишки были бы так рады...

— Сколько же у вас душ? — обернулся Низаметдинов к старику.

— Хватит нашего выводка, сынок. Вон почтенный председатель знает. Дочь вдова с тремя детьми осталась, а зятя моего басмачи зарубили. Да и у меня четверо детей, двое из них в колхозе. Старуха моя работать уже не может: параличная она. И отец ее умер от паралича, передается эта болезнь, что ли? И отчего она, эта болезнь, происходит? Кто говорит, что от льняного масла, а кто говорит, что так бывает, когда заварка чая попадает во внутренности. Никогда не глотайте заварку, дети, вредноносная это, оказывается, штука. Но на все, видно, воля бога. Вон наш ишан чай выливает, а заварку жует и проглатывает. Ему бы и быть паралитиком, так нет же! О великий аллах, прости нас грешных!

Словоохотливый старик почувствовал, что уж очень далеко отклонился от своей цели и, спохватившись, снова начал подводить разговор к козе. Теперь он вспомнил о другой болезни.

— А вот молоко козы излечивает лишай. Так, говорят, считал сам премудрый Лукман¹. А у моих внуков как назло завелись эти лишай...

— Ладно, ата, оставьте, не тяните, — перебил его Низаметдинов. — Вы же насчет козы? Вот товарищ председатель решит ваше дело.

— Да, да, сынок, пусть решит.

— Товарищ Низаметдинов, напишите старику заявление. — Бута, положив руку на плечо Турсунбая, успокоил его. — А вы, ата, мясом вашего козлика накормите детей. Пока я временно выпишу вам козу. Можете доить ее, а там, если все в колхозе будет благополучно, она станет совсем вашей.

— Ах, милый ты мой, пусть песок родит тебе золото и пусть твое звание станет еще более великим.

Пока писалось заявление, старик не переставал изливать свою душу.

— Вот, ата, подпишитесь, — сказал Низаметдинов и показал, где поставить подпись.

— По примеру наших дедов и прадедов нажмем вот этим

¹ Лукман — лекарь, живший в восточных странах в древние времена.

пальцем! — торжественно проговорил старик, сунул большой палец в чернильницу и поставил его отпечаток под заявлением.

— Будет теперь у вас коза! — еще раз обрадовал старика Бута и, написав на заявлении: «Выдать Турсунбаю, сыну Мусабая, дойную козу», протянул бумагу старику: — А теперь идите на скотный двор, покажите эту бумагу и выбирайте любую!

— Ата, — пошутил Низаметдинов, — а что если я и этой козе дам прозвище?

— Пожалуйста, сынок. Если после прозванного тобой Чемберленом козла у меня появилась дойная коза, так, может, с твоей легкой руки после этой козы появится корова! — старик погасил усмешку и торопливо добавил: — Простите меня, дети, пойду! Там читают молитву над моей старухой, надо и мне быть дома. Дай бог вам изобилия!..

Турсунбай-ата, постукивая посохом, вышел.

Бута протянул бумагу из хлопкома Низаметдинову.

— Прочитайте, что там сказано. Неужели нельзя писать такие бумаги по-узбекски! Хорошо, что в колхозе есть вы да Махсум. А то пошел бы искать: где ты, человеке, разумеющий по-русски. Как бы мне хотелось самому научиться читать по-русски, да вот никак не выходит.

Низаметдинов улыбулся уголками губ: «Так тебе и далась русская речь! Научись-ка сперва говорить как следует по-узбекски, а то в каждом слове слышен звон кузнечной наковальни!»

Бутабай хмуро ожидал, что вычитает Низаметдинов.

— Просят один экземпляр договора.

— И только-то! — он даже рассмеялся. — А вы разве не посылали?

— Не успел еще!

— Сейчас же пошлите!

Бута, ничего больше не сказав, вышел на улицу. Спросил у ребятшек, сидевших рядом возле колхозного сарая, не видели ли они сторожа. Один показал в одну сторону: туда ушел, другой — в противоположную; нет, вон туда. Бутабай, махнув рукой, вошел в сарай. Сторожа не было. Посмотрев по сторонам, он наконец увидел его голову, торчавшую из-за сложенных штабелями дров у забора.

Сторож вышел из укрытия с кувшином для омовения.

— Оседлайте коня, дядюшка, — попросил Бута.

— Ия, потерпи малость, дорогой. Только что совершил омовение. Дай же прочитать намаз!

Бута, не дослушав, пошел на конюшню. Когда он вышел с

Конем в поводу, сторож, подостлав чапан, всё еще сидел на корточках и совершал челобитье.

Бута вскочил на коня и поехал на колхозные поля.

Небо чистое. Молодая нежная трава переливается на солнце всеми оттенками радуги. В гнезде, на верхушке чинары, подняв одну ногу, неподвижно стоит аист. Вдали сверкает серебром вершина горы Аровон. Над сплошной зеленью холмов низко плывут облака. Бутабай едет, ослабив поводья, беззаботно помахивая плеткой.

Уже давно ходит дехканин в поле за плугом, запряженным парой быков. Земля, досыта впитавшая в себя талые воды, набухла, как подошедшее тесто. Там, где плуг поворачивает пласт, поднимается пар. На прутьях тутовника висит кое-где завернутая в платки незатейливая снедь пахарей. Из вырытых на межах ямок с наскоро сложенными очагами валит синий дымок, окутывая котлы и кумганы.

Подъехав к главному участку, Бутабай слез с коня, разнуздал его, привязал к тутовому дереву и, шагая по пашне, направился к колхозникам. Они сеют хлопок: сунув в разрыхленную землю два пальца, делают ямку, бросают в нее семена и снова заравнивают. Часть колхозников, рассеявшись на обочине двумя группами — мужчины отдельно от женщин, — обедает.

— Хорманглар! ¹ — приветствовал Бута колхозниц.

— Да будет долгой ваша жизнь! — хором ответили они.

Бута направился к мужчинам.

Беседа была в разгаре. Пожилой безбородый колхозник рассказывал, очевидно, что-то очень интересное. Слушатели смотрели ему прямо в рот.

— Провалиться мне на месте, если вру! — воскликнул безбородый.

Другой острослов немедленно подхватил:

— Скажите уж лучше: «Пусть выпадет моя борода».

Все захохотали. Бута поддержал второго остряка:

— Можно поклясться и так: «Тому свидетель моя седая борода».

Снова поднялся хохот.

Но безбородый остряк не сдался. Кивнул на куцее ухо Буты, он подмигнул слушателям.

— Должно быть, слова мои слишком велики, чтобы войти в ваши уши!

¹ Х о р м а н г л а р — приветствие.

Услышав этот намек, кое-кто засмеялся, другие, сдерживаясь из уважения к председателю, отвернулись, пряча улыбки.

— Эх, и голова же ты, Муса! Даже раиса¹ не уважаешь!

— Ради острого словца не жалеют и отца! Неужели молчать и ждать, что скажет раис?

Бутабай, словно признавая свое поражение, поднял обе руки.

— Хватит, хватит, сдаюсь!

Но безбородый насмешник не унимался: видно, знал, что смех прогоняет усталость. Он провел пальцами по воображаемым усам, словно зачесывая их на затылок, и с сожалением вздохнул:

— Эх, Бута, были бы у меня твои усы, я бы их на уши наматал и сразу бы нашел себе невесту... А то что за усы у твоего секретаря, который вечно сидит в правлении, закинув ногу за ногу?! Не усы, а словно жук уселся под носом.

— Да, у него усики — что аркан в зубах!

— Ладно уж, хватит тебе, Муса! — вытирая выступившие от смеха слезы, сказал Бутабай. — Хотя и говорят, что острословие лучше песни, но давай перейдем к делам. Поговори теперь как бригадир...

Безбородый острослов Муса с самого основания колхоза был выбран бригадиром, и колхозники не ошиблись в своем выборе: острить он не перестал, но острил теперь на пользу делу. Ленивые и недобросовестные — а где их не бывает, есть они и в Заркишлаке — побаивались его насмешек, а о хороших колхозниках Муса умел сказать к месту доброе слово. И сейчас он, сразу став серьезным, деловито ответил:

— Сам видишь, дорогой раис, что мы отдыхаем весело. — Он показал на участок пашни, простирившийся до забора находившегося вдалеке сада. — Здесь уже сев закончили. Вот допьем чай и перейдем на следующий участок.

Бута, встав с места, направился к засеянному полю. Пройдя в глубь грядок, он опустился на корточки и, копнув несколько раз пальцем, нащупал и вытащил одно из семян. Затем снова закопал его и, отряхнув пыль с рук, пошел по направлению к тополевой роще.

Колхозники разошлись по пашне, позади тутовых насаждений. Бригадир Муса-куса² не стоял на одном месте. Он то внушал мужчинам, что посев на грядках должен быть ровный и что ямки должны быть не глубже четырех сантиметров, то обращался к женщинам, работавшим отдельно, с лицами, закрытыми

¹ Раис — председатель.

² Куса — безбородый.

платками. Муса-куса разговаривал с ними издалека. Но это ничуть не мешало ему шутить, смешить их и разжигать азарт к работе.

— Нас понукаете, Муса-ака, а женушку свою не беспокоите! — бросила одна из молодых колхозниц.

— А это потому, что мы с ней вчера поругались. Она мне целое светопреставление устроила, зачем, мол, не побрился.

Но молодая не желала сдаваться:

— У вас для бритвы на бороде волос не хватит. Вы бы взяли у жены щипчики для бровей да повывергали...

Тут уж за Мусу заступилась его жена:

— Что ты задеваешь пожилого человека? Как тебе не стыдно!

— Оставь, жена, пусть и ей попадет такой же безбородый жених, как я! А ну, люди, помолитесь за нее! — и он воздел руки!

Со стороны тополевой роши вдруг послышался крик женщины.

— Вайдод¹, сюда, помогите!

Мужчины и женщины, бросив работу, устремились на крик...

Произошло же следующее...

Турсунбай-ата, чтобы мясо убитого козла не испортилось от жары, решил созвать и угостить старух — подруг своей жены, а заодно и ишан-ая — пусть прочтает молитву во здравие.

Пока ишан-ая читала молитву, другие женщины чинно сидели и обрывали хвостики с ягод кишмиша. Больная, закрыв глаза, лежала на одеяле. Турсунбай-ата возился с пловом около очага и слушал, как ишан-ая протяжно читала молитву.

Больной стало легче, и она открыла глаза.

Плов поспел, и старухи, усевшись вокруг блюда, оживленно затараторили. Больше всех говорила ишан-ая. Когда она вступила в разговор, гости почтительно умолкали, ловя каждое ее слово.

— Милые, все мы бренны, и нам надо всем сердцем внимать молитвам духовидца нашего. Очистительны они для нас. Явится ли еще в мир такой отмеченный богом человек, как наш духовидец, или не явится, одному всевышнему известно.

— Да, духовидец наш тоже состарился! — прошамкала беззубая старуха, перекатывавшая во рту кусок мяса из стороны в сторону в тщетных попытках разжевать его. — Откуда теперь возьмутся такие люди, как он?! Свет так и льется с его лица. Жив этот человек, и кишлак наш спасен от нечисти, не видим мы ни черта, ни дьявола. Ведь говорят, что черт бежит за сто

¹ Вайдод — крик о помощи.

верст от места, где обитает праведный человек, преданный и помыслами и делами богу.

— Если так, то, значит, и вокруг Кумуш-сая не должно быть чертей, — произнесла чернобровая, но с рыжими волосами и ресницами женщина.

— Конечно же, — произнесла старуха, вытащив изо рта неразжеванное мясо, — духовидец наш посещает и Кумуш-сай.

Ишан-ая, игриво шевеля пальцами, на которых сверкали драгоценные камни, заговорила снова:

— Один человек чист, но тысячи нечисты. Запущена мечеть Заркишлака. И дивно, как еще до сих пор кишлак не провалился сквозь землю. Духовидец наш до самого белого господнего рассвета читает молитву и не выпускает четок из рук. Я уж говорю: «Ложитесь, вы достаточно помолились за единую душу свою, и светел будет ваш лик в день воскресения мертвых». И что он мне, вы думаете, отвечает? «И ты, говорит, и я исполнили перед всевышним обязанности раба божьего. Не за себя теперь я молюсь, а за верующих, чтобы всевышний простил их грехи и послал им смиренне».

Некоторые из женщин вздыхали, другие даже заплакали. Старуха, успешная спрятать под войлок недожеванное мясо, заголосила басом.

Ишан-ая продолжала:

— А десять дней назад, как раз в полночь, духовидец разбудил меня и приказал: «Фатима, открой калитку!» Удивилась я, спрашиваю: «Кто-нибудь должен прийти? Постучали?» А он не отвечает. «К богу, думаю, обратился, не ко мне». И я открыла калитку настежь. Открыла и чуть не лишилась сознания. Ночь черная-пречерная, а во дворе через калитку все льется и льется какой-то сверкающий желтый луч. А вслед за этим лучом показался старик с седой бородой, с большущей чалмой на голове, в рыжем чапане. Ноги у меня подкосились, руки опустились. «Салям!» — сказала я. «Алик», — ответил он, и вдруг глаза его подернулись печалью. «Верблюжонок мой, — говорит он, — верующие сбиваются с пути истины. Женщины теряют стыд. Москва выслала два огромных одеяла, каждое на сотню человек. В колхозе мужчины и женщины будут спать вместе под такими одеялами. Скоро придет пророк с карающим мечом в руках и всех рабов своих, изменивших вере и вступивших в колхоз, наинжет на этот меч! А в знак того, что это скоро сбудется, пусть твои четки превратятся в жемчуг!» Тут я потеряла сознание и прислонилась к калитке. А когда раскрыла глаза, уже светало. Четки в руках моих так сверкали, что слепили глаза. И я с плачем надела их на шею...

Женщины взглянули на крупные, с горошек, жемчужины, которые тремя рядами свисали с ее шеи.

— Ах, милая, сам бог наградил вас. С его посланцем, Хазратом Хизиром¹ встретились вы.

— Да, да, ишан-ая, вы отмечены милостью бога.

— Увидеть бы и мне хоть раз Хизира — опоры всего сущего, и я умерла бы без сожаления.

Прослезившиеся женщины целовали руки и подол платья ишан-ая, терли свои глаза платочком с ее головы.

— Ах, боже, что же нам теперь делать? Чтобы сдох, этот Бута, затеявший колхоз! Карающий меч навлек он на нас! Да еще какой меч! В ножнах он длиной в аршин, а как вытащит его оттуда, так окажется в сто сажен.

Рыжеволосая выронила из рук пшалушку, чай разлился по дастархану.

— Ах, как я на старости лет буду лежать под одним одеялом с неверующими. Не лучше ли мне умереть?

Все женщины заговорили разом, громко, перебивая друг друга. Когда шум утих, ишан-ая, воздев руки, прочитала молитву, провела ладонями по лицу и собралась уходить.

— То, о чем мы говорили здесь, храните в себе. Коль спросят, откуда, мол, это пошло, прикусите язык и молчите. А не то наш духовидец проклянет вас.

Простившись с женщинами, ишан-ая направилась через таловую рощу домой. Пересекая поле, на котором бригада Мусы-куса сеяла хлопок, шел Бутабай. Ишан-ая, увидев его, спряталась за большущим пнем. Как только Бутабай подошел к пню, ишан-ая выскочила и загородила ему дорогу. Сбросив паранджу, она расстrepала свои волосы и завопила:

— Вайдод, мусульмане, сюда! Спасите!

Бута опешил. Думая, что женщину ужалила змея или укусила какая-нибудь тварь, он невольно тронул ее за плечо. Ишан-ая вцепилась ему в воротник.

Когда подбежали колхозники, Бутабай стоял бледный от возмущения и гневно ругался. Ишан-ая, паранджа которой висела на плече, во весь голос кричала:

— Чтоб ты сгинул, Чинак, чтоб ты сдох на этом месте! Не нашел себе в любовницы ровню! Ведь я жена святого человека. Вайдод! Что за дни настали! На улицу не выйдешь из-за этих распутников!

Ишан-ая, не переставая кричать и вопить, снова бросилась на

¹ Хазрат Хизир — святой.

Буту и рванула рукав его халата так, что он порвался от плеча до локтя.

— Если ты так нападаешь на женщину в парандже, то что же вы творите со сбросившими паранджу? Ведь я не моложе твоей матери. Мало того, что имущество делите, теперь решили и женщин по кругу пустить! Светопреставление настало, скоро всех поглотит земля...

Никто не издал ни звука. Молчал и Бута. Эту тишину нарушил Муса-куса. Он закричал на свою жену:

— Сейчас же иди домой!

Вслед за женой пошел и он сам. Сухой хворост и листья шуршали у него под ногами. Не пройдя и десяти шагов, он обернулся и пронзил Буту таким взглядом, словно готов был убить его. Он хотел сказать крепкое словцо, но, вспомнив о присутствии женщин, сдержался. Только зло сплюнул на землю и пошел дальше.

Бутабай гневно взглянул на ишан-ая и сказал:

— Знал я, что ты проститутка, но не знал, что такая тварь! Будь ты мужчиной, я бы твои кишки чалмой намотал на твою же голову!

Одна из женщин охнула и закричала:

— Вон что натворил распутник да еще и угрожает!

Бута быстрым шагом вышел из роши. Женщины, склонив головы одна к другой, взволнованно зашептались.

5

На следующий день из шестидесяти четырех женщин, работавших в поле, вышли только двадцать две. Из девушек не вышла ни одна: отцы строго-настроено приказали им сидеть дома. Носились слухи один страшнее другого. Говорили, что раис — распутник и волокита, что он пристает к каждой встречной женщине. И что в колхозе так может поступать каждый.

Слухи росли и множились с каждым днем, будто где-то сорвалась лавина и накатывается на колхоз, становясь все страшней и грозней.

«Уже проснулся Хазрат-Али¹. С карающим мечом в руке он бродит по окрестностям, чтобы наказать всех, вступивших в колхоз».

Говорили, что скоро из Москвы прибудет одеяло на сто человек... И как будто уже вышел закон, отменяющий браки. Жен

¹ Хазрат — святой.

скоро объявят обими. А о Бутабае поползли страшные слухи. Расходясь кругами, эти слухи обрастали все новыми и все более ужасными подробностями. Люди, прежде называвшие его «почтенный Бутабай», теперь при встрече отворачивались в сторону, всем своим видом показывая, что им и смотреть-то на него противно. Работы на полях шли хуже и хуже. Лишь на немногих участках еще продолжался сев, да и там больше разговаривали, чем работали. И получалось так, что во всем случившемся виноват уже не один только Бутабай, но и весь колхоз, самые колхозные порядки.

Многие из колхозников, ушедшие на строительство плотины, вернулись, якобы на побывку, а на самом деле для того, чтобы был глаз да глаз за женами. Поэтому и на плотине дела пошли плохо.

Секретарь партийной ячейки Заркишлака Батырали Бектемиров, руководивший работами на плотине, был вынужден вернуться в кишлак, оставив за себя бригадира. Он пытался разобраться в слухах и толках, волновавших людей. Но найти источник этих слухов не удавалось.

Вечером Батырали созвал правление колхоза и партийную ячейку. Собралось всего девять человек. Из бригадиров Мусакуса пришел после всех и, ни с кем не поздоровавшись, сел отдельно.

Низаметдинов, раскрыв большую тетрадь, объявил результаты сегодняшней работы. Вместо трех десятин была засеяна одна с четвертью. Из женщин вышли в поле только семь старух. Да и мужчины работали больше для отвода глаз.

Сидевший под окошком Муса, хмурый и злой, пробубнил:

— Вот что получается, когда председателем избирают распутника. Пока проваливаемся с хлопком, а вот подождите, скоро женщины, сбросившие паранджу, снова ее напялят. А это уж политическое дело — вопрос воспитания. Если хотите, чтобы мы справились с посевом и чтобы колхоз снова встал на ноги, вы должны отстранить от дел этого распутника.

Он сидел нахохлившись, выставив вперед свой острый голый подбородок, готовый хоть кулаками защищать свое мнение и ожидая, что первым на него накинется именно Бутабай. Но Бутабай кивнул головой и спокойно сказал:

— Я тоже так думаю. Большинство женщин бросили работу. Завтра могут бросить все. Если мы потеряем время, то посев хлопка сорвется. Пока вы будете разбираться в моей правоте или вине, за колхозом может укрепиться дурная слава. Поэтому сейчас меня надо снять с поста председателя и успокоить людей. Можете называть меня как угодно — хоть вором, хоть разврат-

ником. Со временем разъяснится, что я оклеветан, тогда можно будет поговорить и обо мне.

Муса-куса тут же выпалил:

— Нечего тут расследовать. Сами своими глазами видели! Разве от расследования твоя вина убавится?

Бута ничего не ответил. Батырали опросил всех. Большинство были согласны с Мусой. Батырали сердито ткнул папиросу мимо пепельницы и сказал:

— Мы очень хорошо знаем Бутабая. Он никогда ничего предосудительного не совершал. И в этом деле тоже еще ничего не ясно. Но пока мы в нем разберемся, Бутабая придется временно освободить. Теперь подумаем о том, кто должен быть председателем?

Все молчали. Муса-куса кашлянул.

— Вы что-то хотели сказать, Муса-ака? — спросил Батырали.

— Нет... Да ладно уж, скажу кое-что. А скажу я вот что! Бута наш, свой. Но он выкинул скверную штуку, которая замутила весь колхоз. Сколько раз я ему говорил: «Эй, Бута, не пора ли тебе жениться?» А что получилось? И его надо строго наказать, чтобы все знали: Советская власть поблажки таким людям не дает. А если мы вспомним, что это не первый проступок Бутабая, тогда станет ясно, что держать его в колхозе — то же самое, что разводить костер в джугаре: не сейчас, так через минуту будет пожар...

Бута, подняв голову, посмотрел на Мусу. Взгляды их встретились. В глазах Бутабая мелькнула явная растерянность: неужто и Муса клеветает на него?

— Говорите яснее, Муса-ака, — произнес Низаметдинов. — На что вы намекаете?

— Как будто вы сами не знаете? Забыли про дело Садыктаранг¹?

Низаметдинов засмеялся. Муса сердито крикнул:

— А вы не смейтесь, эфенди!

— Почему вы называете меня эфенди? Я такой же товарищ, как вы!

— Можете считать себя кем угодно! Но ничего смешного я не сказал!

Бута сидел неподвижно, опустив голову и наматывая на палец кончик поясного платка. Он представлял себе сейчас сердитое лицо Садыка.

¹

¹ Т а р а н г — упрямый.

Садык-таранг был дехканином среднего достатка. Когда в Заркишлаке был создан колхоз, он пошел против воли большинства и отказался вступить в него. Бутабай попытался было подействовать на него уговором. Садык-таранг не поддался. Тогда Бутабай, взяв с собой двух колхозников, приехал на поле, которое пахал Садык, выпряг его быков и погнал их в кишлак. Садык-таранг с криками и воплями шел за председателем до самого правления. Но там Бутабай схватил его за ворот, приволок в подвал и запер. А на другой день распространился слух, что Садык-таранг подал заявление о приеме его в колхоз. Но когда состоялось собрание, Садык-таранг объявил во всеуслышание, что заявление писал Бутабай и он же подписался за Садыка.

Дело перешло в район, и там постановили: вернуть Садыку его быков, а вопрос о Бутабае поставить на заседании партчейки.

Однако Бутабай не унялся и включил Садыка в список кулаков. Пришлось опять вмешаться секретарю партчейки Батыр-рали Бектемирову и вычеркнуть Садыка из списка. Обо всем этом и напомнил коммунистам Муса.

— Значит, вы забыли про то дело? — спросил он. — Ну, если забыли, то вспомните другое!

Бута, подняв голову, ждал, что еще скажет Муса, который совсем уже рассвирепел. Батыр-рали попросил:

— Вы только спокойнее, Муса-ака. Что вы еще хотели сказать?

— А кто перепахал засеянные пшеницей земли единоличников и заставил их сеять хлопок? Кто? А?

Бутабай вскочил с места.

— Если я и сделал это, так не для себя, а для того, чтобы было больше хлопка у Советской власти. А кроме того, этот вопрос уже разбирался на собрании и меня тогда же наказали!

— Хоть и наказали, ты все равно не стал зрячим! Не мальчик же ты! Это если провинившегося мальчишку побьют, так он только погладит себя по больному месту и снова озорничает. Да ладно уж! Женился бы ты, черт, что ли! До каких же пор ты, как услышишь тоненький голосочек, будешь навастривать уши! Когда ты станешь настоящим мужчиной? Я кончил. И нечего с ним канителиться. Не временно, а совсем освободить его надо.

— Муса-ака, — перебил Батыр-рали, — обвинить легко, а вот оправдать невинно наказанного трудно. Ну, а вдруг Бутабай не виновен в этой последней истории? Товарищ Ленин советовал хранить людей, как зеницу ока, оберегать их от клеветы и вражеских интриг. Я вношу другое предложение: для расследования дела Бутабая создать комиссию из трех человек.

— Тавба¹, — снова разгорячился Муса-куса. — Значит, он будет творить всякие пакости, а мы — создавать комиссии? Да неужели у нас других дел нет?

Однако предложение Батырали поддержали все, кроме Мусы. Сказалось тут и влияние Батырали, который не очень-то верил обвинению жены ишана, и уважение бригадиров к своему, теперь уже бывшему, председателю, и то спокойствие, с каким сам Бута принял свалившееся на него несчастье. Была создана комиссия, в состав которой вошли — от ячейки сам Батырали, а от правления Низаметдинов и Муса-ака. Низаметдинову же было поручено временно исполнять обязанности председателя.

— А теперь, товарищи, — сказал Батырали, останавливая уже собиравшихся уходить бригадиров и членов правления, — надо спешить с посевом. Пусть каждый бригадир разъяснит колхозникам, чтобы они поговорили со своими женами и домашними, убедили их выйти в поле.

Люди разошлись. В правлении остались Бутабай, Батырали и Низаметдинов.

— Ты уж не обижайся, товарищ Бутабай. Мы все хорошенько проверим. Первым делом вызовем жену ишана и устроим ей допрос.

Бутабай промолчал. Пожав плечами, он повернулся, чтобы уйти, как вдруг Низаметдинов спросил:

— Товарищ Бектемиров, печать останется у Бута-ака?

Бутабай, не дожидаясь ответа Батырали, выложил из кармана печать на стол и быстро пошел к двери.

Батырали вытащил папиросу. Подняв взгляд на Бутабая, взявшегося за ручку двери, он невольно подался вперед. Но дверь уже хлопнула. Батырали закурил, сел. Наступила глубокая тишина. Батырали тихо барабанил пальцами по столу, о чем-то думая. Наконец он решительно встал.

— Вызовите жену ишана и допросите ее. Я сегодня уйду на плотину. Вернусь послезавтра.

— Ладно.

Батырали вышел. Низаметдинов взял печать со стола, рассеянно покрутил ее в руках. Затем, стоя неподвижно, как камень, посмотрел куда-то в пространство перед собой и улыбнулся.

Бута — распутник, Бута — враг освобождения женщин от паранджи, Бута убил Саломатхон...

¹ Т а в б а — слово, выражающее удивление: «Дивно!», «Поразительно!».

Таковы были материалы, собранные Низаметдиновым, входившим в состав комиссии.

Бутабаю нельзя было показаться на улице. Если он появлялся в чайхане, люди кивали на него головой, указывали на него пальцами. Пойти в правление он тоже не мог — там для него больше не было дела.

Вот уже три дня Бутабай безвыходно сидит дома.

«Неужели за мной так и закрепится слава распутника? Хоть бы было за что! Но от работы меня правильно отстранили: колхоз мог бы развалиться. А правду не утопишь во лжи: она все равно выплывет».

Бутабай лежит в саду. Пока что просвета не видно. Что же делать? Может, пойти в милицию и сказать им: или посадите меня, или оправдайте.

Для человека, который в жизни знал только труд, был всегда честен, которого все уважали, не находилось теперь места в родном кишлаке. Или уйти отсюда? Нет. Это значило бы признать за собой вину, окончательно опозориться.

Вечерело. Людям пора возвращаться с поля. Уже слышно мычание коров, телят.

Тому, кто привык всегда работать, тяжело сидеть без дела. Бутабай не знал, куда деть себя. Целый день он возился на своем маленьком дворике, расчистил поросшие травой берега арыка, обмазал глиной очаг, потрескавшийся после весенних дождей, срубил засохшие ветви двух урюковых деревьев в саду, сложил их для топки около очага.

Больше всего он боялся остаться без дела и сам не заметил, как выполнил все работы, намеченные на завтра.

Сегодня он еще найдет, чем заняться. Ну а завтра? «Может быть, отремонтировать заднюю стену дома? — подумал он. — Сделать это хорошенько, неторопливо, оштукатурить песком...»

Со скрипом отворилась калитка. Бутабай приподнял голову, взглянул. В калитке стоял сторож правления.

— Вы дома, почтенный?

— Как видите! Заходите, пожалуйста.

— Низаметдинов вас ожидает.

— А кто еще в правлении? Один Низаметдинов?

— Не знаю, не заходил туда! — сторож помолчал. — Ох, и выкинули же вы штуку, Бутабай-ака! Разве можно подходить ю женщине, не зная, что у нее на уме? А теперь началось такое, что хуже и не придумаешь. Я вот, к примеру говоря, никак не могу столковаться с этим новым эфенди. То чай ему принеси, то в магазин сходи. И все по пустякам, лишь бы я не сидел без дела.

Бута вышел вместе со сторожем.

— Скажите по совести, почтенный, это правда, что про вас говорят?

Бутабай ничего не ответил. Сторож покачал головой: «Да неужели такое могло с ним случиться? Не может быть!» — и тяжело вздохнул.

Бутабай вошел в правление. Низаметдинов, навалившись грудью на стол, курил, а перед ним на табуретке сидела женщина в парандже и громко всхлипывала.

Низаметдинов поздоровался с Бутой за руку, приветливо указал ему место за столом и затем грозно обратился к женщине.

— Говорите правду! Если будете клеветать, ответите перед советскими законами. И когда входите в правление колхоза, надо снимать паранджу. Здесь — советское учреждение. Иначе мы вас и слушать не будем.

Женщина приподняла чачван, и Бута узнал жену ишана. Его даже передернуло от негодования, а ишан-ая, словно только и ждала его появления, чтобы заголосить еще громче.

— А зачем мне клеветать? Я вышла в рощу, чтобы привязать теленка к дереву, как вдруг кто-то налетел на меня сзади и схватил за руку. Смотрю, а это вот он, — кивнула на Буту. — Конечно, я испугалась. А он показал мне нож и закричал: «Если пикнешь, раскулачу твоего мужа!» Тут уж я совсем в ужас пришла. Хорошо еще, что поблизости люди оказались, дай бог им здоровья, спасли меня.

— Зачем вы лжете, ая? Вы стояли на дороге. Я даже не приблизился к вам, не сказал вам ни слова. Вы сами, как только увидели меня, закричали и начали обвинять меня.

— Да как ты смеешь наговаривать на честную женщину, бессовестный! Не стыдно тебе? Если тебе нужна женщина, так женился бы по закону!

Низаметдинов посмотрел на Бутабая.

— Что теперь делать? Вы подтверждаете ее слова?

— Нет!

— Чем вы можете доказать лживость ее слов?

— Ничем! — грубо сказал Бутабай. — Для этого вы и звали меня?

— Да. Завтра с плотины вернется товарищ Бектемиров. Он предложил мне разобраться во всем этом деле.

Низаметдинов посмотрел на женщину.

— Вы можете идти, ая. Если нужно будет, мы вас позovem.

Женщина встала и снова накинула паранджу.

— И не болтайте что попало,— строго сказал Низаметдинов.— Вашу болтовню всякий истолковывает по-своему. Мы расследуем все и разберемся, где белое и где черное.

— Я знаю,— злобно произнесла женщина,— все вы заодно. Но только попробуйте не наказать этого насильника! Я это дело так не оставлю, я до самого Ахунбабаева дойду, а правды все равно добьюсь!

Женщина вышла. Низаметдинов, словно закончив трудное дело, надул щеки и тяжело вздохнул.

— Что я тут могу поделать, дружище? Если бы вы могли как-нибудь опровергнуть это заявление! Я даже попытался уговорить ее отказаться от него, обещал, что вы не останетесь перед ней в долгу. Она же, как и всякая женщина, любит деньги и украшения... Куда там! Стоит на своем. Сует обе ноги в один сапог. Что теперь будем делать?

— Не надо ни упрашивать, ни увещевать. Решить по правде — и только!

— А как решить по правде? У вас нет доказательств, что она лжет. Ее показания подтверждают свидетели. Все члены бригады Мусы-ака подтвердили, что видели вас вместе с ней, она была вся растерзана и отбивалась от вас.

Низаметдинов вытащил из ящика толстую папку и кинул ее на стол.

— А это видите?! Материал все накапливается.— Он развязал папку, вытащил какую-то бумагу. Пробежав глазами исписанный арабским алфавитом лист, ткнул указательным пальцем в подчеркнутую строку: — Скажите, Бутабай, вы были знакомы с девушкой по имени Саломат, служанкой в доме ишана?

— Да,— опешив, произнес Бутабай.

— Где сейчас эта девушка?

Бутабай пожал плечами.

— Зачем вы спрашиваете?

— Да так.

— Скажите прямо, в чем дело?

Низаметдинов, словно решая трудную задачу, потер лоб, встал с места и, приблизившись к Бутабаю, положил руку на его плечо.

— Не обижайтесь на меня, Бутабай. Как бы вы поступили на моем месте? Если бы это зависело от меня, я давно замял бы все это дело. Но что я могу поделать? На вас подано еще одно заявление: будто бы вы виновны в исчезновении Саломат. Заявление подписали пять человек.

— Это же клевета, товарищ Низаметдинов! — воскликнул взволнованный новым неожиданным обвинением Бутабай.

— Мне тоже не верится... Но в этом проклятушем заявлении все сказано очень ясно!

Бутабай вскочил на ноги.

— Ладно! Можете утверждать, что я внук белого царя, что я бай. Говорите все, что угодно! Но сюда меня больше не вызывайте! Все это клевета! Все! Все!

— Клевету нужно фактами опровергнуть, друг, фактами! Мы с вами знакомы всего полтора года. Я новый человек в вашем кишлаке. Я не знаю, кто ваш отец, кто вы сами. А обвинение против вас исходит от ваших земляков-кишлячников, которые вас хорошо знают. А на меня, пожалуйста, не обижайтесь, дружище. Я беспристрастен. И не могу судить, хороший вы человек или плохой.

Бутабай снова сел.

— Послушайте. Вы действительно не знаете меня. Я родился и вырос тут. Я не из тех, которые бьют себя в грудь и кричат: «Это я установил здесь Советскую власть». Но я также не из тех бесчестных людей, которые дрожали за свою жизнь, когда шла борьба за Советскую власть. Что же это такое? Слова человека, который дрался с басмачами, который, несмотря на восемь ран, не бросал пятазарядку, который выявлял кулаков при организации колхоза, работал в нем, не разбирая дня и ночи; слова этого человека ставят ни во что, а принимают во внимание то, что говорит жена ишана, присосавшегося пивявкой к народу, дочь аксакала, падаль, купленная и брошенная толмачом господина хакима?! Так, что ли? Ладно! Но в наше время, при Советской власти, правду не так-то легко растоптать.

«Толмач господина хакима!..»

Бумага, которую держал Низаметдинов, упала на стол. Чтобы не показать, как дрожат у него руки, он начал рыться в карманах.

«Толмач господина хакима!» Сказал ли это Бута понаслышке, или ему что-нибудь известно?

— Значит, вы хорошо знаете ишан-ая, Бутабай?

— Хоть я ее и не знаю, но слышал о ней довольно.

— Вы сказали — толмач, — начал выпытывать Низаметдинов, — кто был этот человек?

— Прежний муж ишан-ая. Я слышал, что он был толмачом хакима.

Низаметдинов не нашел нужным продолжать этот разговор. Он закрыл папку.

— Ладно, смогу — помогу, а нет — так не обижайся на меня,

— А я не нуждаюсь в вашей помощи

Бутабай вышел, с треском захлопнув дверь.

Низаметдинов вскочил с места. Отвернув занавесь, выглянул в окно. Прямо посередине улицы, не оборачиваясь по сторонам, быстро шагал прочь от правления Бутабай. Пока он не скрылся из глаз, Низаметдинов не отходил от окошка.

Он прикидывал про себя:

«Жене ишана вряд ли поверят, она и не заслуживает доверия. Ее бывший муж — толмач хакима. Сама она — дочь аксакала. Поэтому Буту оправдают. Но погоди, я пришью тебе дело посерьезней. Ноги твоей не будет в Заркишлаке. Саломат камнем повиснет на твоей шее, и я отправлю тебя на самое дно. Тогда только и успокоюсь. Или свернешь на мою тропку, или простишься с жизнью».

Сторож принес чаю.

— Как, уважаемый эфенди, дело нашего раиса? Сдается мне, что тут пахнет клеветой.

— Во-первых, я вам не «эфенди», а тем более «уважаемый». Во-вторых, не суйте свое рыло туда, где ваш мозг не кумекает!

— Да я только спросил. Что вы так сердитесь, почтенный? Конечно, вы люди ученые, с понятием. А мы темные, неграмотные.

Сторож, потемнев от обиды, вышел, не закрыв за собой дверь.

— Оббо¹, еще не хватало тебя! Всего только сторож и туда же — учит, вмешивается.

Старик, немного успокоившись, внес лампу.

— Ата,— мягко сказал Низаметдинов,— когда придут бригады, скажите, чтобы они принесли сводки завтра утром. Что-то у меня голова разболелась. Видимо, придется лечь...

Низаметдинов, надев фуражку, дошел было до порога, но снова вернулся. Подойдя к столу, он вытащил из ящика папку.

— Видите, атахон, вот эту папку? Полным-полно бумаг. И все грехи вашего раиса. А вы еще застываетесь!

— Откуда мне знать его грехи? Я, сынок, всего-навсего выживший из ума старик. Значит, и правда, что пестрому легче всего спрятаться среди народа.

Низаметдинов ушел. Старик, убавив фитиль в лампе, вышел на улицу. Из чайханы доносился звук граммофона.

¹ Оббо — междометие, выражающее удивление.

Бектемиров вернулся с плотины утром часов в десять. Взяв из рук Низаметдинова папку, он тщательно прочитал все собранные так быстро материалы по делу Бутабая.

— Все это пока еще халва, — сказал Низаметдинов, стараясь не глядеть в лицо Бектемирова. — Среди жалобщиков есть и неграмотные. Многие просили меня написать за них, но я не стал; еще скажут, что тут, мол, все написано рукой одного человека...

Бектемиров, прищурив один глаз, посмотрел на него, словно стрелок, взявший на прицел дичь.

— Вы не слышали пословицу: «Когда враг убегает, число богатырей возрастает?» Ну, а Бутабай еще не убежал. — Помолчав, он спросил: — А как идут дела в колхозе? Сколько женщин вышло вчера в поле?

— Ни одна не вышла.

Бектемиров, сняв тубетейку, почесал затылок.

— А как посев? Сколько десятин?

— Вчера чуть больше двух с четвертью.

Низаметдинов, вытащив из ящика пачку бумаг, положил их перед Бектемировым.

— Что это?

— Прочитайте.

Это были заявления от имени восьми женщин о выходе из колхоза с просьбой вернуть скот и инвентарь, с которым они в него вступали.

— Вот так обстоят дела, товарищ Бектемиров. Уж в очень трудное время вы назначили меня председателем. Видели, как с посевом? А с трудовой дисциплиной еще хуже. Боюсь, как бы не погубил я себя, еще утонешь в грязи, которую развел другой.

Бектемиров промолчал. Положив папку с «делом» Бутабая и заявления женщин, он встал.

— После полудня я съезжу в район. Подготовьте сводку о ходе посева.

— Что? И сводку, и дело Буты в райком? Не попадет ли нам?

— Если бояться, выжидать да тянуть, так мы скоро лишимся всех членов колхоза. Кроме того, с посевной дело худо оборачивается. У людей после этой истории душа не лежит к работе. В таких случаях, товарищ Низаметдинов, надо искать помощи и совета у старших товарищей.

Низаметдинов пожал плечами.

Бектемиров, взяв папку под мышку, пошел к Бутабаю. Бута,

напялив старый чапан, сбивал кетменем многолетнюю глину с крыши дома. Облако пыли стояло вокруг.

— Эй, распутник, враг женщин, что ты там делаешь?

Бутабай, почувствовав в голосе Бектемирова шутку, улыбнулся:

— Да вот, Батыр-ака, караю врага женщин. Потрошу крышу. Вот тебе, вот тебе! — ударив еще несколько раз кетменем и обрушив последнюю глыбу глины, он соскочил вниз и поздоровался с Бектемировым.

Оба уселись в саду и довольно долго молчали, не зная, с чего начать разговор. Наконец Бектемиров сказал:

— Ну и задал ты мне задачу! Легко ли для тебя работу найти? А не дай тебе работы, ты не то что крышу, а и весь свой дом сломаешь! Хотел было направить тебя в одну из бригад, но боюсь, что бригада разбежится...

— Да, Батыр-ака, люди бегут сейчас от меня, как от прокаженного. Не знаю, что и делать.

— Потерпи, брат! Тут, конечно, сговор. Жену ишана явно кто-то подпирает широким плечом. Сама она на такую провокацию не решилась бы. Но мы докопаемся до самых корней! Люди, которых мы лишили власти и земли, не скоро успокоятся. «Чем одать, лучше стрелять», — говорят они и, конечно, прежде всего пытаются развалить колхоз. А для этого надо опозорить его руководителей. Если раньше они открыто пускали в ход ножи, то теперь попрятали их в рукава и стали еще опаснее. Тут куда труднее разобрать, кто друг, кто враг...

Бутабай принес чаю.

— Да, кстати, знал ли ты девушку по имени Саломат? — спросил Бектемиров, беря протянутую Бутабаем пиалу.

— Знал, — печально ответил Бута, — она была служанкой ишана. Ее похитили басмачи.

— Исчезновение этой девушки тоже сваливают на тебя.

— Слышал.

Снова замолчали.

— Решил съездить в район. Надо поговорить в райкоме партии об этой истории. Хочешь, — поедем вместе, проветришься.

Бута согласился. Бектемиров пошел за лошадьми.

От кишлака до районного центра дорога небольшая — всего девять километров. Всадники молча ехали по пыльному кривым улочкам кишлака. С обеих сторон дороги стояли приземистые домики со стогами соломы и клевера на крышах, тянулись дувалы, облепленные кизяком. Потом показался заплесневелый купол бани, построенной возле реки, около старинного кирпичного моста. Вот и мечеть, с портала которой свисают кусты дикой

дыни. Пешеходы попадались редко. На этой дороге будет многолюдно с середины мая, когда по ней потянутся в город на базар арбы, груженные клубникой, огурцами, урюком-скороспелкой. Ну, а к августу пыль из-под колес арб, из-под копыт лошадей, осликов и скота поднимется в полнеба: в это время дехкане везут в город плоды своего летнего труда.

Много раз хаживал Бутабай по этой дороге. Еще свежи в памяти воспоминания о том, как гнал он когда-то по рыхлой пыли этих улиц чужие стада, как с коромыслом на плечах таскал каждый день молоко на базар в Ходжаабад, как, наконец, с пятизарядкой за плечом гнался по этим же дорогам за бандами Халходжи. И в душе его опять появилась горечь. Неужели люди не поверят ему? Ведь он вырос на глазах у всего Заркишлака! И люди кишлака знают, кто такие ишан и жена ишана!

Говорят, что даже один враг опасен! Одна спичка может уничтожить дом, дворец, город. Одно семя худой травы может погубить все поле. Вырвать бы эту траву с корнем! Но в том и беда, что Бутабай никак не может добраться до этих корней!

Бектемиров тоже был занят своими думами. Он понимал, какие мысли мучают ехавшего рядом с ним Бутабая, но не смог придумать, чем его утешить.

Конечно, вся эта история гроша медного не стоит. Но, как из куска железа можно сделать любую вещь, так из этой выдумки враг собирается выковать опасное оружие против Буты и колхоза.

Заркишлак стараниями Санда Джалалхона и ему подобных испокон века жил в слепоте. И сейчас еще в нем сильна власть религиозных предрассудков. Не так-то легко изменить укоренившиеся взгляды, отворотить от духовидца его почитателей и учеников, которые верят в чудесную силу ишана и его жены. И пока ишан остается в кишлаке, будут у него и фанатичные приверженцы, враги всего нового. А как умно задумали они этот свой удар по колхозу! Верующие уже запретили своим женам и дочерям выходить в поле. И в какие дни! В самое горячее время, в разгар сева, когда нельзя терять и часа!

Да, тут действует рука опытного врага. Но кто он? Как его найти?

8

Бутабай и Бектемиров договорились встретиться после полудня. Около конторы Заготзерно они разошлись. Бутабай направился в управление милиции. Узнав у дежурного, что начальник у себя, он вошел без стука,

Высокий, худощавый, длиннолицый человек сидел в исподней рубахе, положив на колено полинявшую гимнастерку, и неумело пришивал белый подворотничок. Один его глаз был завязан узеньким платочком. Как только открылась дверь, он, нахмурив брови, поднял голову.

— Ия-йя, не совсем, оказывается, пропал Чинак! А то как стал раисом, так и загордился!

Здороваясь с начальником, Бутабай улыбнулся.

— Я уже не раис: сняли.

Начальник, приняв его слова за шутку, продолжал шутить.

— И хорошо, что сняли. А то перестал узнавать старых друзей. А ну, садись, рассказывай, как дела? Как посев? Не сыщется ли дело и по нашей части? Видно, в кишлаке стало спокойно, никто к нам не обращается.

— В кишлаке-то спокойно, а вот я потерял покой.

— Что случилось? — начальник милиции уже встревоженно посмотрел на Бутабая, собравшегося ответить на его вопрос, остановил его движением руки, откусил нитку зубами и надел гимнастерку. Вытащив из ящика стола широкий ремень с висевшим на нем наганом, он туго затянул его на талии и сразу превратился в солидного представителя власти. Он приподнял крышку чайника, стоявшего на столе, и звякнул ею. — Ну, теперь рассказывай, что случилось? Почему ты потерял покой?

Но тут открылась дверь, и на пороге появился смуглый человек лет сорока, высокого роста, полный. На нем была бархатная гимнастерка, на голове чувская тибетейка, на широком ремне, похожем на подпругу, висел наган. Кончики лихо закрученных пышных усов касались ушей. Грудь вошедшего была увешана значками: осоавиахимовским, МОПРа, «Красного полумесяца». За ухом воткнут под тибетейку тюльпан.

— Что прикажете, товарищ начальник?

— Принеси чаю!

Дежурный, взяв чайник, вышел четким строевым шагом.

— Знаешь его?

— Еще бы! Разак-«фасонщик»!

— Да, фасонить он любит! — засмеялся начальник. — Но парень хороший и службу несет исправно. Недавно снова отличился при поимке бандитов. Имеет две благодарности.

Разак принес чаю. Догадываясь, что речь шла о его особе, «фасонщик» вытащил карманные часы.

— Товарищ начальник, вы к двенадцати созывали собрание, не забыли?

— Разак, покажи свои часы Чинаку! — сказал начальник, желая доставить своему подчиненному удовольствие.

Разак протянул Буте часы на длинной цепочке.

— Смотри, Чинак! Эти часы подарил ему сам товарищ Дзержинский в тысяча девятьсот двадцать шестом году. Вот на крышке написано: «Товарищу Разаку Хайдарову от Дзержинского».

Разак стоял, гордо выпрямившись, покручивая усы и сияя ослепительной улыбкой.

— Иди, Разак, я помню о собрании.

Разак вышел.

— Ну, говори! — сказал начальник.

— Оклеветан я, друг. И оклеветала меня жена ишана.

Бута подробно рассказал всю происшедшую с ним историю и высказал подозрение, что все это было направлено не столько против него, сколько против колхоза. Его самого избрали лишь мишенью для удара.

Начальник слушал внимательно.

— Да, враги, несомненно, метят далеко, — сказал он наконец. — Кого ты подозреваешь?

Бутабай пожал плечами.

— Не Азимбай ли подстроил всю эту штуку? — сказал он.

— Возможно. Почему вы не включили его в список кулаков?

— Включали! Но его почему-то вычеркнули из списка здесь, в районе, а может, и в центре.

— Пстой-ка, пстой! В вашем списке Азимбая, кажется, не было.

Начальник подошел к шкафу и открыл его. Из груды папок он вытащил одну и, подойдя к окну, начал ее перелистывать.

— Вот, пожалуйста! Мы три раза получали списки, составленные вами в Заркишлаке. В двух из них имя Азимбая вписано и перечеркнуто, а в третьем — окончательном — его и совсем нет.

Бута удивился.

— Вот странная история! Кто же мог его вычеркнуть?

Начальник пожал плечами.

— Только не у нас и не в центре. Через кого ты посылал список?

— Через секретаря.

— А он надежный человек?

— Как будто надежный. Грамотен, обходителен. Дела ведет старательно.

— А кто он такой? Из жителей Заркишлака?

— Фамилия его Низаметдинов, он не из наших мест.

Начальник посмотрел на часы.

— Будь спокоен. Я это дело сам проверю. А если узнаешь что-нибудь, сообщи немедленно.

Когда Бутабай вышел, начальник спросил Разака.

— Как дело, которое я поручал?

— Еще не закончил, товарищ начальник. Дайте две недели
ки срока.

— Нет,— сказал начальник.— Два дня! Потом поедешь в
Заркишлак. Там есть для тебя дело. Скажи следователю, пусть
принесет списки басмачей родом из Заркишлака.

— Есть, товарищ начальник!

Разак вышел. Начальник, забарабанив пальцами по столу,
задумался.

Когда Бектемиров вошел в приемную секретаря районного
комитета партии, там было шумно и многолюдно. Заведующий
отделом образования сидел на скамейке вместе с группой деву-
шек и весело с ними беседовал.

— Вы прибыли как нельзя кстати,— сказал он, увидев Бекте-
мирова и поднимаясь ему навстречу.— Ваш кишлак, наконец,
получит учительницу. Вот,— он кивнул на девушек,— вчера при-
были из Ташкента. Первые женщины-учительницы. Сейчас пере-
говорим с товарищем Каландаровым и решим, кого куда послать.

В эту минуту открылась дверь кабинета, и секретарь райкома
Каландаров пригласил заведующего и учительниц войти.

Народ все прибывал. Кто-то крутил ручку телефона на стене
и вызывал отдаленные кишлаки. Девушка-секретарь что-то пе-
чатала на машинке.

Председатель районного исполнительного комитета, чернобо-
родый человек лет пятидесяти, вошел в приемную, бросил на
стол дехканскую треугольную войлочную шляпу и, кивнув голо-
вой на дверь кабинета, спросил:

— У себя?

— У себя! — ответила девушка, не отрываясь от машинки.

Председатель райисполкома поправил поясной платок, повя-
занный поверх чапана, и открыл дверь в кабинет.

Оттуда донесся смех учительниц: очевидно, Каландаров, по
своему обыкновению, вставил в деловую беседу веселую шутку.

Зазвонил телефон. Секретарь сняла трубку и стала слушать.
Сказав в ответ несколько слов, она положила трубку и пошла
в кабинет. Из кабинета ей навстречу вышли учительницы во
главе с заведующим народным образованием.

— Вот кого мы посылаем к вам,— сказал он Бектемирову,
указывая на самую старшую из учительниц. Ей можно было дать
лет под тридцать.

Бектемиров невольно обратил внимание на ее лицо. В нем
необычно сочетались женственность и сила воли; в твердом реши-
тельном взгляде из-под темных густых бровей была затаенная

грусть. Эта женщина, очевидно, немало видела горя за свою недолгую жизнь.

— Хакимова, — назвала она себя, крепко пожимая Бектемирову руку.

— Видите, все получилось, как я говорил! — похвалился заведующий. — Товарищ Каландаров даже сказал, что в Заркишлак надо послать не одного, а двух учителей. Но второго мы подберем позже. А теперь, товарищ Бектемиров, позаботьтесь о своей новой односельчанке. Квартира, питание... Смотрите, не обижайте ее!

— Все будет сделано: мы народ гостеприимный! — улыбаясь, ответил Бектемиров.

В приемную вышли Каландаров и председатель райисполкома.

Каландаров, заметив Бектемирова, кивнул ему, чтобы он прошел в кабинет.

— Ну, что у вас там стряслось? Только, пожалуйста, покороче, очень спешу. Приезжает товарищ Ахунбабаев, надо успеть на станцию.

Бектемиров вкратце рассказал обо всем, что случилось в Заркишлаке. Каландаров записал что-то в свой блокнот.

— Сейчас я ничего не скажу. Пусть Бута придет ко мне послезавтра. Напрасно вы сняли его с работы даже временно. Поверили словам какой-то легкомысленной бабенки и опорочили честного человека! Нехорошо! И новому председателю, как видно, это место не по плечу. Да, скверная история вышла. Надо быть бдительнее. Работу среди женщин поручите учительнице. Кстати, Батырджан, не уезжайте: сегодня вечером товарищ Ахунбабаев проведет собрание актива района.

Когда они снова вышли в приемную, Каландаров обратился к учительницам, чтобы они тоже пришли на собрание. Пусть хоть немножко узнают о положении дел в районе.

Хакимова сказала, что выедет в кишлак через два дня. Бектемиров, пообещав прислать ей арбу, пошел разыскивать Бутабая.

9

— Сегодня вечером в районе состоится собрание актива, — говорил Бектемиров новому председателю. — Проводить будет товарищ Ахунбабаев. Поедем и мы — человека три-четыре. Поучимся, как надо вести собрания! И еще одно: найдите комнату получше, товарищ Низаметдинов, к нам учительница приезжает. Его перебил появившийся в дверях Турсунбай-ата.

— Детки мои, да будут благословенны ваши дни, разьясните мне, что это значит?

— Что случилось? — недовольно спросил Низаметдинов. — Чемберлена вы прирезали, а теперь, видно, и Чан Кай-ши кишки выпустили?

Старик раскрыл было рот, но Низаметдинов сам заговорил с Бектемировым.

— У отца был козел по имени Чемберлен. Он чуть было не подох, но отец успел прирезать его. Вместо этого козла Бутабай выписал ему другую козу. Эту я называл Чан Кай-ши. А дальше рассказывайте сами, ата!

Старик протянул Бектемирову и Низаметдинову коробку с насваем, но оба, извинившись, отказались. Старик наполнил ладонь зелеными крупницами, метнул их под язык. Натруженным, глухим голосом он начал.

— Жена моя в параличе лежит, на руках у меня дочь-вдова. Мужа ее Халходжа расстрелял, двое детей у нее...

— Вы покорооче, ата! — сказал Низаметдинов.

— Э,— произнес старик, зло сплюнув насвай,— не бейте мою речь, как мулла кораном, надо же толком рассказать!

— Говорите, отцу, говорите,— успокоил старика Бектемиров.

— Вот-вот, милоч. Когда умер Чемберлен, Бутабай, дай бог ему изобилие, выписал мне Чункайчи.

— Не Чункайчи, а Чан Кай-ши! — поправил Низаметдинов.

— Да помолчите же, эфенди. Язык мой говорит, как умеет, а вы обязательно должны вмешаться. Совсем как толмач: он тоже во всякую речь вмешивался!

Низаметдинов побледнел: «Что это несет старик? Знает он обо мне или просто так, к слову?» — молнией блеснуло у него в голове.

— Так вот,— продолжал Турсунбай,— стал я сегодня эту самую козу доить, как вдруг приходит человек и требует, чтобы я ее отдал ему.

— А почему? — уставился Бектемиров на старика.

— Он мне сказал: «Бута оказался врагом! Подпись его теперь недействительна!» Да и козу, оказывается, мне дали не колхозную.

Бектемиров вышел из себя.

— Как это не колхозную?!

Низаметдинов пожал плечами.

— Разве вы не знаете, сынок, что на скотном дворе на каждую скотину нашелся хозяин? Там теперь такая кутерьма идет! Каждый хочет увести свою скотину.

Бектемиров вскочил.

— А ну-ка, пойдите туда, товарищ Низаметдинов! Вы, ата, доите спокойно свою козу, никому ее не отдавайте!

Едва Бектемиров с Низаметдиновым вышли на дорогу, как им повстречался старик, ведший быка. Увидев их, он остановился.

— Куда путь держите, атахон¹? — спросил Бектемиров.

— Да так, — уклончиво ответил старик.

— А куда вы ведете быка?

— Куда? Конечно, домой, — грубовато ответил теперь старик. — Ведь вышел указ, чтобы каждый забрал свою скотину!

— Кто сказал?

— Все говорят!

— Ата, все это враки! Их придумал и пустил какой-то колхозный враг. Пойдемте, отведите быка обратно.

Старик, не зная что делать, почесал затылок.

— Ведь другие тоже забирают.

— Не заберут.

— Не поймешь вас. Ведь раис уволен, колхоз распушен, — ворчал старик.

Бектемиров посмотрел на Низаметдинова.

— Впервые слышу, — покраснев, произнес Низаметдинов.

Они ускорили шаг. На скотном дворе было полно народа. Кто тянул за своего быку, кто к своей лошади. Колхозный конюх ругался, его отталкивали от коновязи.

Увидев Бектемирова, конюх кинулся к нему. Кучкарбай, молодой еще джигит, высокий, с пышными усами, загородил ему дорогу.

— Где лошадь? Найди лошадь!

— Э, на твоём коне Бута сбежал! — крикнул кто-то.

Бектемиров закричал во весь голос:

— Постойте, послушайте! Не поддавайтесь на провокацию! Колхоз не распушен.

Воцарилась тишина. Бектемиров заговорил спокойно, твердо...

— Кто вам сказал, что колхоз распушен? Это мог сказать только враг! А вы и поверили ему? Колхоз будет стоять всегда!

Усатый Кучкарбай, требовавший лошадь, бросил:

— Раис в бега ударился. Что вы на это скажете?

— Вздор! Бутабай никуда не сбежал! Он ездил со мной в район и уже вернулся. Конь стоит на колхозной конюшне. Чем ловить заезжий слух в торбы, вы ловили бы лучше провокаторов!

¹ Атахон — ласкательное от «ата» — «отец».

В наш район прибыл товарищ Ахунбабаев. Приедет, наверно, и к нам в кишлак. В хорошем виде мы предстанем перед ним, если вы будете поддаваться на удочку врага! — Бектемиров мгновенно помолчал. — Кто будет говорить дурное про колхоз, немедленно сообщайте нам. Советская власть будет беспощадно карать своих врагов.

Вмешался Низаметдинов.

— Того, кто не пустит жену на работу, предадим суду. Засадим в тюрьму!

Бектемиров одернул его.

— Вы, товарищ Низаметдинов, не вмешивайтесь! Разве можно угрожать колхозникам тюрьмой?

Из толпы послышалось:

— Такого дурака, который отдал бы свою жену раису, среди нас не найдешь!

— Если Бута действительно виноват, мы его покараем. А пока перестаньте шуметь. Все, что я сказал сейчас, я сказал от имени Советской власти, от имени партии.

Кто-то закричал:

— А что вы скажете про большое одеяло из Москвы? Небось, уже скоро прибудет?

— Какое одеяло? — удивился Бектемиров.

Все напряженно молчали. Потом тот же голос, но уже не так уверенно, продолжал:

— Говорят же, что прислали одеяло, под которым будут лежать вперемешку все жены и мужья.

Бектемиров впервые слышал эту «новость». Он опешил. Почесывая затылок, он смотрел на старика, задавшего вопрос. Затем, не в силах сдержаться, захохотал.

— Зачем смеетесь, почтенный? — зло спросил Кучкарбай.

Опираясь на посох, вышла вперед старуха.

— Смейся, смейся! Холостяки стали во главе колхоза. Что вам горсвать! Жены нет, дочерей тоже. Смейся, а нам надо о своих детях думать! — Она вдруг вцепилась в свои седые волосы и начала рвать их, причитая все громче и громче: — Эй, мусульмане, где бог, где совесть? Ведь у меня молоденькая невестка! Что за дни настали, вай, вай! Женщины и мужчины под одним одеялом, вай-дод! Хазрат-Али обнажил свой меч! Он идет по земле и спрашивает: «Где вступившие в колхоз?!» Светопреставление! Светопреставление!

Толпа неистовствовала. Бектемиров взглянул на Низаметдинова. Тот, схватив с земли доску, приготовился защищаться от старухи, собиравшейся наброситься на них. Бектемиров удержал руку Низаметдинова, и доска упала на землю. Старуха

бросилась на Бектемирова, вцепилась в воротник и разорвала его.

— Бей! Бей его! Лучше мне сдохнуть, чем спать под одним одеялом с таким нечестивцем.

Кучкарбай, услышав ее крик, прыгнул и ударил головой Бектемирова в грудь. Бектемиров, шатаясь, отступил назад и стукнулся о забор.

Толпа разделилась. Одни заступались за Бектемирова, другие готовы были разорвать его.

— Эй, эй, а он-то в чем виноват? Что ему прикажут, то и делает!

— Как бы не так! Все это через него!

— Клевета!

— Правда! Знаем уж! На станцию уже прибыли два вагона одеял.

— Враки!

Среди шума, гама и толкотни несколько пинков пришлось в живот и в спину Бектемирову. Кто-то заехал ему кулаком в скулу. Он сплюнул кровь. Как ни болело тело от ударов, Бектемиров владел собой и терпел, сжав зубы.

Кучкарбай снова закричал:

— Хватит! Забирай свое!

Он направился было к конюшне, но Бектемиров загородил ему дорогу.

Все стихли, ожидая, чем кончится столкновение между Бектемировым и усачом.

Усач, избегая взгляда Бектемирова, закричал:

— Все равно выйду из колхоза. Заберу и коня своего и быка! Ничего больше не хочу знать! Хватит, поморочили голову. Ни чем я не обязан Советской власти. И бояться мне нечего!

— Вот как! — сказал Бектемиров, поймав занесенный над его головой кулак и отводя его. — Не затевай драку!

Озлобившись, Кучкар схватил Бектемирова за горло и ударил кулаком в грудь.

— Бей! Бейте его!

Но ни у кого не поднялась рука. Бектемиров пристально смотрел в глаза Кучкарбаю. Усач отступил на несколько шагов.

— Бояться мне нечего, мой язык не уймешь, так и знай!

— А короткая же у тебя память, Кучкарбай, — прогворил Бектемиров. — Забыл, как был в банде Халходжи? А Советская власть тебя простила. Это раз. При реформе Советская власть дала тебе землю? Два. Мы заставили Азимбая выдать тебе твой

шестилетний заработок. Три! И ты мстишь власти, которая сдала тебе столько хорошего? Так иди, забирай! Забирай и коня, и быка! Вон из колхоза! Тот, кто ест соль нашей власти и плюет в солонку, нам не нужен.

В глазах усача появилась растерянность. В толпе послышался одобрительный гул. Бектемиров почувствовал почву под ногами.

— А ну, кто хочет выходить из колхоза, пусть забирает свой скот! — Бектемиров посмотрел на скотника. — Отдайте! Пусть хоть одна корова останется, все равно мы будем пахать колхозную землю. Прибудут тракторы. Станем трактором пахать, трактором и сеять.

Но никто уже не рвался к скоту. Стоявшие впереди начали понемногу отступать. Драчливый усач, глядя в землю, прислонился к тополю. Бектемиров и не заметил, как все разошлись. Он сел на колесо арбы у забора и облегченно закурил, поглядывая на Кучкарбая. Усач медленными шагами подошел к нему. Он хотел было что-то сказать, но Бектемиров перебил его:

— Собираешься извиняться? Ладно! Я не храню злобы. Иди!

Джигит медленно направился к калитке. Не пройдя и половины пути, он обернулся.

Мгновение он задумчиво смотрел на Бектемирова, который утирал платком окровавленные губы, потом снова подошел к нему.

Низаметдинов исподлобья смотрел на Кучкарбая.

— Видишь, что ты натворил! Поднял руку на представителя власти! Теперь пеняй на себя!

Бектемиров сердито остановил Низаметдинова.

— Станный вы человек. Кто научил вас грозить народу? И зачем вы его пугаете? — Он повернулся к джигиту. — Иди спокойно, дружище. Я уже сказал: обиды не храню.

— Вышло как-то неладно, товарищ Бектемиров... Разгорячился я.

— Хватит, хватит. Иди, занимайся своим делом!

Усач еще минутку топтался на месте, потом повернулся и медленно вышел.

— И вы уходите! Вечером встретимся на активе! — сказал Бектемиров Низаметдинову.

Низаметдинов, не проронив ни слова, ушел.

Бектемиров, дымя папиросой, принялся шагать взад и вперед по двору. Думал он все об одном и том же: «Кто распространяет эти провокационные слухи?»

Низаметдинов вернулся с актива подавленный. Но причиной тому были не горькие слова, сказанные Каландаровым в адрес их колхоза, а совсем другое. Во время доклада он вышел в коридор покурить и вдруг увидел женщину лет тридцати, в красной косынке. Она появилась в дверях, взглянула на него и ушла обратно в зал. При виде этой женщины в глазах у Низаметдинова помутилось. Голова загудела так, словно в нее забрался шмель. Обессилевшие ноги задрожали.

Он старался не показываться больше на глаза этой женщине. Таился в сторонке, прятался в толпе, но чувствовал себя так плохо, что, пробравшись к скамейке, на которой сидел Бектемиров, униженно прошептал:

— Батырджан, я что-то неважно себя чувствую. Голова кружится, слабость. Я, пожалуй, поеду домой.

— Вы бы все-таки послушали речь Ахунбабаева! Он будет говорить сразу после перерыва.

Низаметдинов безнадежно сморщил лицо.

— Боюсь, как бы не протянуть здесь ноги.

Бектемиров, взглянув на него, покачал головой.

— Да, вид у вас действительно такой, что... Ладно, идите.

Низаметдинов вышел на улицу. Женщина в косынке стояла, прислонившись к стене у самых дверей, и о чём-то думала. Низаметдинов, отвернувшись, быстро прошел мимо. Женщина не заметила его, так она была занята своими мыслями.

Вернувшись в кишлак, Низаметдинов зашел в чайхану и попросил остуженного чаю. Попивая чай, он незаметно кивнул Назиркулу, который лениво полулежал, подложив под бок скатанный чапан.

— Скажи Азиму, что я зайду ближе к ночи. И еам будь там.

Назиркул, решив, что будет пиршество, пошел весьма довольный к Азимбаю.

Низаметдинов задумался, сидя над пустой пналой.

— Эфенди, подать вам еще чаю?

Низаметдинов не ответил на вопрос чайханщика. Он разглядывал только что прибывшую арбу. Арбакеш выгрузил из нее тяжелый мешок.

— Что это ты привез? — спросил чайханщик.

— Мешок Махсума. Тяжел проклятый, не поднимешь!

Пришел и Махсум. Он попросил чайханщика спустить мешок к речке и, взяв под мышку моток проволоки, тоже ушел туда.

— Что он там будет делать? — спросил Низаметдинов.

— Говорит, что покажет чудо,— испуганно ответил чайханщик.

Низаметдинов махнул рукой и пошел к правлению. Сторож сидел у калитки и чинил свои кавуши.

— Ата, возьмите этот ключ, отдадите Бектемирову, когда он придет. Я иду домой. Если спросит, скажите, что я плохо себя чувствую, у меня температура.

Сторож, взглянув на его бледное измученное лицо, начал перечислять все известные ему, и уж конечно, чудодейственные средства лечения.

— Зажарьте чеснок в горячей золе и съешьте. Выпейте горячей шурпы и поспите в тепле. Так вспотеете, что болезнь вылезет из вас, как волосок, когда его тянут из теста.

Увы, слишком тяжел был недуг Низаметдинова, чтобы его можно было излечить чесноком или даже самой отменной шурпой! Добравшись до дома, он схватился за голову и сел на железную кровать, мучаясь, словно его ужалила змея.

«Нсужели и в Заркишлаке не будет мне покоя? Неужели опять, бросив и дом и постель, пускаться в бега? Заркишлак был последним моим пристанищем. Больше не осталось ни одной дыры, куда я мог бы спрятаться. Нет, чем пластом лежать, лучше стрелять».

Свет, падавший из окошка, постепенно угасал, в комнате становилось все темнее. Но Низаметдинову ничего и никого не хотелось видеть. Муха, запутавшаяся в паутине под потолком и монотонно жужжащая, и та действовала ему на нервы. Взяв с порога веник, он залез на табуретку и смахнул паутину. Наступила полная тишина.

Но Низаметдинов был охвачен тревогой и страхом. Как в сказке жизнь старухи-колдуньи таилась в яйце голубя, так сейчас и его жизнь была в руках неожиданно встретившейся сегодня женщины, и не только его жизнь, но и жизнь ишана Саида Джалалхона и Назиркула.

Низаметдинов, тяжело вздохнув, ударил себя ладонями по коленям и вскочил с места. Он собирался дать последний бой.

В комнате уже было темным-темно. Низаметдинов нарочно не зажигал лампы: в темноте легче собраться с мыслями. Но сколько ни думал Низаметдинов, мысли таяли подобно дыму и пропадали.

Он вытащил из-под подушки револьвер и положил в карман брюк. Зажег спичку, осмотрел стол, ниши с одеждой и, подойдя к порогу, остановился.

«Вернусь ли я еще в эту комнату или снова буду бродить по дорогам?» — подумал он.

Он вышел на улицу, даже не заперев комнату на замок. Луна еще не взошла. Мычали во дворах коровы и телята, с перекрестка из чайханы доносился шум и говор людей.

Несмотря на тяжелое настроение, Низаметдинов поддался обаянию тихой ясной ночи. Небо над далекими холмами начало светлеть, хотя луна еще не взошла. Низко, прямо над чинаром, сверкала звезда. А вода! Она так журчала, словно где-то поблизости на шее ягненка тихонько звенел колокольчик.

Низаметдинов вздохнул. Смех людей, их голоса, доносившиеся из чайханы, раздражали его. Никогда люди не были ему так чужды, как сейчас. Они думают о жизни, а он должен бояться смерти.

«А может быть, застрелиться?» — он даже остановился на мгновение, но тотчас же отбросил эту мысль.

Пусть издеваются, пусть топчут ногами, пусть плюют в лицо, лишь бы не смерть!

Мысли его окончательно смешались. Не в силах принять какое-либо решение, он отправился к Азимбаю.

Азимбай, подмяв под грудь подушку со сборками и уткнувшись в шахматную доску, играл сам с собой в шахматы. Когда вошел Низаметдинов, он отшвырнул прочь подушку и кинулся ему навстречу.

— Эх, как вы вовремя пришли, эфенди! Уже давно парится кази¹. Вкуснющая до того, что пальчики оближете!

Низаметдинов, поморщившись, сел на краешек низкого подоконника.

— Кази ваше останется нетронутым, бай. Боюсь, как бы завтра вашей женушке не пришлось нести вам передачу.

— Пусть ваши слова рассеются прахом, что это за намеки, эфенди?

— Садитесь-ка сюда! Где Назир?

— Я послал его в чайхану достать «целебной воды».

Низаметдинов побледнел, как стена. Казалось, глаза его выскочат из орбит.

— Тысяча проклятий и вам и Назиру! Вы думаете только о кази и о водке, а надо думать о том, как спасти свою жизнь.

Азимбая охватила тревога.

— Говорите яснее, эфенди. Что случилось? Выкладывайте. Посоветуемся.

Низаметдинов, присев рядом с Азимбаем, прерывающимся голосом произнес:

— Саломат жива.

¹ К а з и — колбаса из конины.

— Что?!

— Сам ее видел. Столкнулись лицом к лицу на собрании. Не знаю, узнала ли она меня или нет.

— Проклятущая, значит, она жива? И зачем она прибыла?

— Она будет у нас учительницей!

Азим разинул рот от удивления.

— Не сегодня, так завтра, все равно она нас узнает.

Стукнула калитка, Азимбай вскочил, потушил лампу и вместе с Низаметдиновым вышел во двор.

Низаметдинов выхватил из кармана револьвер. Его глаза уже искали пролом в дувале, через который он мог бы спастись. Азим подошел к крытому проходу, ведущему к калитке.

— Кто?

— Я, я, Назир!

— Слава аллаху! — произнес Низаметдинов и засунул револьвер обратно в карман.

11

В Заркишлаке, что ни день, то новость, что ни день, то чудо.

Сегодняшняя новость поразила всех. В чайхане уже давно поговаривали о лампе, которая якобы горит без керосина и без фитиля. Но всерьез этому никто не верил: «Так, пустые слова!.. В городе это еще может быть, а чтобы в кишлаке — никогда!»

«Да еще какая лампа! — говорили другие. — Сунут в реку проволоку, а в доме повесят пузырек вроде коробки для насвая, и в ней вспыхнет огонек. И кто, думаете, все это собирается сделать? Наш Махсум!»

Верь не верь, а посмотреть все-таки надо. И к вечеру на перекрестке у чайханы людей собралось больше, чем на свадьбе. Между тем Махсум, не обращая внимания на зрителей, установил на крыше мельничного колеса какую-то машину, которую называл «динамо». Потом протянул от этой машины провод через ветви чинара прямо в чайхану, в Ленинский уголок. В чайхану набилось столько народу, что яблоку негде было упасть. Заслышав о чуде, пришли даже женщины, не спросив разрешения (может быть, впервые!) у своих мужей. Впрочем, и мужья, настроенные великодушно, словно бы и не замечали (может быть, тоже впервые!) этого явного неповиновения своих жен. Женщины, закрыв лица, стояли поодаль, сгорая от любопытства. Детвора, падкая до зрелищ, досаждала всем и каждому, носилась вокруг с визгом, криком и громким смехом.

Ужé начало смеркаться, но «лампа без керосина и фитиля» все не зажигалась.

63

— Я с самого начала не верил. Этот шалопаи только голову нам морочит,— говорил в толпе зрителей Кучкарбай.

— Плохие слова вы говорите, сосед! — возражал ему другой джигит. — Про большое одеяло поверили. Тому, что Хазрат-Али с обнаженным мечом едет в кишлак, тоже поверили. Такой чепухе верите, а делу нет. Мы хорошо знаем Махсума. Он нас еще никогда не обманывал. И отца его мы хорошо знали. Хотя покойник был урус¹, но во всем походил на узбека.

— Молодцы эти русские! Что задумают, то уж, будьте уверены, сделают! Смотрите: хороший доктор — из русских, аэроплан гоняет, говорят, тоже русский. Да вот я расскажу, что мне пришлось видеть в Андижане. Никак не мог я достать билет на поезд и зашел к русскому начальнику. Зашел и рот разинул, прямо обомлел. Сидит начальник и, приложив к уху какую-то штуку, вроде крышки чайника, разговаривает со своим другом в Ташкенте.

— Да не заливай ты! — с явным пренебрежением к рассказчику и к его словам произнес Муса-куса.

— Провалиться мне на этом месте, если я вру! Я же видел это собственными глазами, слышал собственными ушами.

— Не клянись зря! — поддержал рассказчика кто-то. — Многие знают, что в мастерстве равных русским нет. А Муса пусть сам поедит по свету, если не верит.

Тут в разговор вмешался еще один из стоявших на помосте.

— Да ведь ты, Куса, и сам был в позапрошлом году на Куксае, когда там был концерт? Сдается мне, что был... А если не был, так послушай. В Куксае на площади устроили концерт. А после концерта показывали штуку, которая называется кино. И машину эту крутил русский. Вай, какое, велик аллах, это было чудо! Взяли большой занавес, ну точно такой, на каком мы сушим тутовник, и повесили на стенку. И что только началось! Рисованные люди, ну как всамделишные, забегали и туда и сюда. И песни они пели — лучше, чем граммофон! И даже из ружей бабахали друг в друга. Я тихонько подкрался и посмотрел за занавес, думал они там, а там никого нет!

Тут внезапно зажглась лампочка, и стало светло как днем. Мгновение царил мертвая тишина. Потом поднялся шум. Несколько человек с испугу метнулись в сторону. Кто-то творил заклинания. Кучкарбай схватился за свои пышные усы, должно быть, испугавшись, не запылала ли она, вскочил с места и спрыгнул, сотрясая непрочный деревянный помост. Чайник, сто-

¹ Урус — русский.

явший перед его соседом, опрокинулся. Несколько человек закричали, заулююкали вслед джигиту.

— Догоняет! Беги! Беги!

— Спасай душу! Скорей!

Сосед его, человек лет пятидесяти, с намотанным вокруг тюбетейки, как чалма, поясным платком, приготовившийся было влечь попить чайку, сперва разинул рот от удивления, потом заворчал вслед.

— Эх, сдохнуть бы тебе, пичужка трусливая! Чай-то какой опрокинул. Вайзанский чай! ¹ Эх ты!

Кучкарбай меж тем опомнился и, нерешительно приблизившись, сел на свое место. Старик попросил другой чайник, вытащил из складок пояса заварку, размял ее на ладони, бросил в чайник и прикрыл его полой халата.

Чайханщик проворно бегал между рядами гостей, держа в каждой руке по три чайника и кокетливо поводя плечами, словно все торжество было делом его рук. Но всякий раз, очутившись под лампочкой, он, словно ожидая удара, втягивал голову в плечи и начинал быстро мигать.

Через некоторое время вошел, стряхивая с себя пыль, Махсум. Руки его были в глине. Чайханщик, разбавив горячую воду холодной, подал ему умыться. Затем он выпрямился и гордо посмотрел вокруг, словно совершил великое дело.

Один из зрителей, видя, что чайханщик услужил Махсуму, «ученику святого», воскликнул:

— Хвала тебе, брат!

— Должно быть, наш чайханщик и по-русски кумекает! — воскликнул другой и позвякал крышкой чайника. На звук мгновенно примчался чайханщик с чайником.

— Стой-ка, браток, хочу спросить у тебя, ты, наверно, и по-русски знаешь?

Чайханщик выпрямился, всем своим видом подтверждая обширность своих познаний, но почел за благо поскорей удалиться, пока не обнаружилась ложь.

— Видал? Хотя он только чайханщик, а молодец, не простой человек. Помяни мое слово, потихонечку, незаметно, глядишь — еще и большим человеком станет.

Из правления вышел Бектемиров со свернутой в трубку бумагой в руках. Люди, потеснившись, освободили ему почетное место. Бектемиров, протянув бумагу чайханщику, что-то шепнул ему на ухо и занял место среди сидящих полукругом людей. Чайханщик, с четырьмя зажатыми в губах гвоздиками, с бума-

¹ Вайзанский — чай низкого сорта по фамилии заводчика Вайзьяна.

гой в одной руке и молоточком в другой, протискался между людьми и, развернув бумагу, прибил ее на освещенной электрическим светом стене.

Турсунбай-ата остановил чайханщика.

— Что написано на этой бумаге, сынок?

— Прочитайте, ага, узнаете.

— Да если бы я знал грамоту, неужели побежал бы к тебе спрашивать?

Бектемиров встал с места и громко прочитал объявление.

«Членам колхоза будет выдано в счет годового заработка по семьдесят четыре рубля аванса».

Сразу же начались оживленные разговоры. Кто-то втолковывал своему, видимо, не сильному в арифметике приятелю, сколько муки и масла можно закупить за семьдесят четыре рубля, другой рассчитывал, хватит ли этих денег на свадебный пир.

Старик, любитель вайзанского чая, утерев после очередного чайника пот с лица поясным платком и перекинув его через плечо, прошептал на ухо чайханщику:

— Спроси, а как все-таки с большим одеялом?

Чайханщик, улучив момент, передал эти слова Бектемирову.

Бектемиров засмеялся. Затем, отыскав взглядом старика, кивнул ему, приглашая сесть рядом с собой.

Старик живо вскочил с места, подошел с довольным видом к Бектемирову, учтиво поздоровался с ним и сел рядом. Бектемиров столь же учтиво протянул ему пиалу с чаем. Они довольно долго перешептывались. Старик то и дело прикладывал руки к груди, очевидно, извинялся за что-то, а Бектемиров улыбался и качал головой. Все с любопытством поглядывали на них.

— Аксакал-то наш стakнулся с почтенным руководителем, — не вытерпел кто-то.

Бектемиров, окинув взглядом завсегдатаев чайханы и зрителей, собравшихся посмотреть на чудо Махсума, начал:

— Кое-кто из вас, товарищи, поверил слухам, будто из Москвы скоро привезут большое одеяло, под которое и засунут вас всех на одну постель. Вот это ложь так уж ложь, на самых длинных ногах! Ну скажите-ка сами, можно ли в это верить? Ложь эта пущена в ход баями, ишанами, муллами. Бывает, что в ином доме заводится клоп. Раздави эту тварь, так она, проклятая обдаст тебя такой вонью, что дурно станет. Этим зловонием она мстит даже после того, как подойдет. Клевета и ложь, что плетут вокруг колхозов наши враги, забившиеся, как клопы, в щели, — это есть та же самая вонь.

Чайханщик расхохотался, схватившись за живот.

— Чтоб они подошли, вонючки эти! — вырвалось у Мусы.

Смеялись все. Бектемиров продолжал:

— Вы все знаете Бутабая. Видели ли вы когда-нибудь от него худое? Можете ли верить в то, что он приставал к ишан-ая?

— Сами видели! — сразу став угрюмым, произнес Муса.

Бектемиров улыбнулся.

— Ну, а если жена ишана все это разыграла? Если не он на нее набросился, а она на него? Женщина, да еще такая, как жена ишана, может из мести пойти на что угодно. Может быть, ей было нужно опозорить Бутабая? Ведь этой клеветой она не только Буту опозорила, но и причинила большой вред нашему колхозу, чуть не сорвала сев! А что за человек эта ишан-ая? Может быть, сказать вам?

— Да она тот же самый клоп!

Это был голос Мусы.

— Правильно! — согласился Бектемиров. — А вы вместо того, чтобы защитить Буту, попались на эту удочку. Надо поступать так, чтобы враг видел — мы дружны, спаяны, идем все вместе, взявшись за руки.

— Верно! — произнес Муса-куса. — Истинную правду сказал ты, Багырджан!

— Пора уже вывести этих клопов!

— Обдать бы их кипятком!

— А еще лучше скипидаром все щели промазать! — слышалось со всех сторон.

О чем только ни толковали в тот вечер в чайхане, освещенной тремя лампочками: о лисьих повадках Чемберлена и о том, сколько может вспахать один бык за день; о количестве навоза, потребном на десятину земли, и о том, что эмир Бухары Алимхан пристрастился в Афганистане к опиуму; о лишаях, которые можно вылечить козьим молоком, и о Бачи Сакао, усевшемся на афганский трон.

И, конечно, больше всего толковали о неперестававших изумлять и поражать всех стеклянных штучках, похожих на банки для насвая, — о лампах без керосина и фитиля, которые свешивались сейчас с потолка и с ветвей карагача.

— Дело мастера боится. Даже воробушка должен резать мясник. И наш Махсум тоже спец в своем деле. Но вот что я вам скажу — одну маленькую лампочку в городе уже ни во что не ставят. Там сейчас построены станции, от которых загораются сразу три-четыре тысячи лампочек, — заговорил Бектемиров. — И мы можем построить такую. Конечно, один человек с таким делом не сладит. Но если взяться всем колхозом, так наверняка выстроим. Такую станцию возведем на водопаде Бешикташ —

Махину! Тогда не останется ни одного дехканского дома в нашем кишлаке, где бы не горела лампочка. Да что лампочка! Скажу — не поверите! На электричестве будете плов варить, на электричестве будет мельница работать и даже парикмахеры будут электричеством брить. Вот как еще будет!

— Вай, вай! — у Мусы вытянулось лицо. — Ну теперь, братец, ты уж, наверное, врешь.

— И несколько не врет. Все правда! — вмешался Махсум. — Все будет делать электричество. И машину крутить, и землю пахать, и корову доить, и шить. Почитай, даже цыплят электричеством будем выводить.

Люди недоверчиво переглянулись. Кто-то кинул: «Обманывает!», но другой тотчас же возразил: «Урусы лжи не любят».

— Товарищ Ленин потому и сказал, что Советская власть первым делом должна позаботиться об электричестве. Вот эта махсумовская лампочка — только начало, первая малюсенькая лепешка из большой печи...

— Скажите лучше — первая ласточка, Батыр-ака.

— Правильно! Ласточка и есть. И надо сказать спасибо товарищу Махсуму. Есть еще такая штука — радио. Вот построим плотину, станет наш колхоз на ноги, и мы проведем радио в каждый дом. Придете домой с работы, сунете ноги в сандал¹ и будете себе слушать песни Туйчи хафиза².

Махсум стал рассказывать об электричестве. Затем Бектемиров прочитал газету. Заговорили о событиях на Китайской Восточной железной дороге...

Только поздней ночью народ разошелся по домам. Махсум ушел одним из последних. Он то и дело оборачивался назад и любовно смотрел на гирлянды лампочек, весело освещавших чайхану и весь перекресток.

12

Настоящее имя Махсума — Максим. Он родился в Андижане, но еще в детстве попал с отцом в Заркишлак.

Отец его — Максим Максимович — работал в Андижане на хлопковом заводе Гиясиддина-толмача. Азимбай из Заркишлака, узнав, что староста поджег завод, подаренный зятю, а сам зять вконец проигрался, выкупил толмача и перевез в кишлак уцелевшую хлопкоочистительную машину вместе с прессом.

¹ С а н д а л — низкий квадратный стол, ставится над углублением в земле, где лежат горячие угли, а сверху накрывается одеялом; служит для согревания рук и ног зимой.

² Х а ф и з — певец.

Вскоре Азимбай построил в кишлаке свой маленький заводик. Пообещав золотые горы, он привез в кишлак и Максима Максимовича вместе с сынишкой.

Махсум еще помнит то время, когда он жил в городе, но каждый раз, когда он видит Низаметдинова, задумывается: ему все кажется, будто он где-то видел этого человека раньше. Однако опознать в нем владельца хлопкоочистительного завода в Андижане, у которого служил его отец и которого он изредка видел, навещая отца на работе, он не может: слишком мал он был тогда, слишком давно это было.

Максим Максимович работал хорошо, а молодой бай не упускал своей выгоды, и через два года приобрел еще одну хлопкоочистительную машину и прессы. И дехкане, и богатые землевладельцы, вроде ишана Саида Джалалхона, проживавшие в Заркишлаке и Кумуш-сае, стали очищать свой хлопок у Азимбая. Дела бая шли все лучше и лучше. Но тут началась революция, завод постановили реквизировать, и Азимбай последовал примеру старосты — сжег его.

Бандиты курбаши Халходжи совершали набеги на кишлаки. Азимбай, всячески помогавший им, злобно бродил вокруг останков сожженного им завода. Бай полагал, что Советская власть исчезнет, как проходит весенний дождь, и что его время вернется. Но курбаши, обещавший вернуть это время, сам засел между гор, подобно волку, очутившемуся в западне. Басмачам никто не помогал, оружие попортилось, чинить его басмачи не умели. И вот в эти дни, когда Халходже небо казалось с овчинку, Азимбай помог ему советом. Он сказал курбаши, что его бывший мастер Максим Максимович умеет чинить пулеметы и ружья, а в помощники ему посоветовал взять молодого кузнеца Буту.

Однажды ночью басмачи напали на Заркишлак и увезли Максима Максимовича вместе с его инструментами. Максим Максимович два дня сидел взаперти в грубо сколоченной хибарке в зарослях джиды. За это время басмачи поймали и привели в горы молодого кузнеца Буту. Вскоре оба предстали перед грозным курбаши.

— Хотите остаться в живых? — были первые его слова.

Бута и Максим Максимович переглянулись.

Халходжа, не ожидая их ответа, приказал:

— Ты, урус, починишь пулемет и ружья. Понял? — затем он посмотрел на Буту. — Ты — сын мусульманна. Ты поможешь этому урусу в его деле, потом станешь моим джигитом. Я знаю, что ты стрелял в моих людей, но я прощаю тебя. Служи мне верно и останешься жив, Будешь ковагь наших коней. Потом я

подарю тебе в твоём Заркишлаке десятину земли с садом и домом. Завтра в это же время дадите мне ответ.

Их отвели обратно. Стражник принес большое блюдо плова с перепелиным мясом. Бута хотел было пинком опрокинуть блюдо, но Максим Максимович удержал его.

— Не дури! Давай поедим, а потом посоветуемся.

Покончив с пловом, они выпили зеленого чая, потом долго сидели молча.

— Пусть хоть на сорок частей изрубят меня, все равно я не стану его джигитом, — ударив себя кулаком по лбу, сказал наконец Бута.

— А я решил починить пулемет, — спокойно возразил Максим Максимович.

— Что? Починить пулемет?

— Да.

Бутабай сверкнул глазами.

— Вы шутите?

— Нет, не шучу.

Бута отвернулся от него.

— Не думал я, что у вас заячья душа. Что ж, идите служите басмачам. А потом пули из починенного вами пулемета полетят в партизан и красноармейцев. Об этом вы не думаете.

— Думаю.

Бута скрипнул зубами.

— И все-таки собираетесь чинить пулемет? Опомнитесь!

— Если я откажусь, меня сейчас же расстреляют. А умирать напрасной смертью — это не заслуга, сынок.

Бутабай вскочил с места.

— Если мы останемся в живых — это и будет предательством! А если мы с вами умрем, то сэкономим жизнь многих красноармейцев.

— Э-э, глупец! — сказал Максим Максимович. — Умереть легко. Настоящий воин накладывает на себя руки только тогда, когда уже нет выхода или когда он смертельно ранен и его вот-вот схватят. А ведь наше положение еще безвыходное. Мы еще потягаемся с ними. Предложение курбаши мы примем. Потом я скажу, что делать. А теперь — спать.

Максим Максимович лег на солому и, уставившись в потолок, задумался. Бутабай долго не мог заснуть, пытаясь угадать, что же задумал старик, и все ворочался с боку на бок.

Слышно было, как веселились джигиты курбаши. До полуночи они били в барабан, хлопали в ладоши, кричали. Поблизости несколько пьяных орали какую-то цыганскую песню:

Карабины наши метко бьют,
Пулеметы Халходжи
Красным жару поддают!

— Тьфу, гады! — вырвалось у продолжавшего лежать Максима Максимовича. — Пулеметы им! Я вам покажу пулеметы!

На другой день Бута и Максим Максимович приняли предложение курбаши. Их повели к закрытому навесу, где грудой было навалено оружие. Там лежали два поломанных пулемета и больше семидесяти английских карабинов.

— Тут темно работать, — сказал Максим Максимович.

Ему отвели место под чинаром в стороне от лагеря. Туда же доставили инструменты. Пока Максим Максимович разбирал карабины, Бута соорудил маленькую кузницу.

Мастерская находилась на небольшом холме. Отсюда хорошо были видны лагерь басмачей, палатки курбаши и других главарей.

Пленные принялись за дело. Максим Максимович, надев очки, разбирал пулеметы — он решил собрать из двух полуманых один. Бута, держа наготове разожженный горн, помогал ему.

Бута вспомнил свой кишлак и друзей. Что они думают про него, про Максима Максимовича? Занятый своими мыслями, он вдруг заметил, как из зарослей джиды вышли четыре женщины. На одной из них поверх красного атласного платья был надет жакет в полоску, а голова была обвязана желтым платочком. На двух других были узкие в талии бархатные жакетики. Позади шла девушка в простеньком платье и рыдала, нагнув голову.

— Ата, атахон, смотрите — Саломат!

Максим Максимович обернулся, посмотрел. Саломат сильно изменилась: похудела, пожелтела и была так печальна, словно возвращалась с похорон любимого человека.

Женщины прошли мимо мастерской. Бута не мог оторвать взгляда от Саломат.

— Бедняжка, она совсем обессилела!

Саломат, вздрогнув, обернулась. Взгляды их встретились, Бута невольно сделал несколько шагов к ней.

— Предатель! Не думала я...

Она с презрением отвернулась в сторону.

— Я... — Бута не мог говорить.

Саломат, не оборачиваясь, пошла дальше. Бута и Максим Максимович сидели, глядя им вслед.

— Эй, почему бездельничаете? — крикнул кто-то.

Максим Максимович обернулся. Один из главарей банды в мехнотой шапке, с маузером в деревянной кобуре, хмуро смотрел на них, держа в поводу гарцевавшего на месте черного как смоль коня.

— Сейчас, сейчас, господин, — произнес Максим Максимович. — А ну, сынок, берись за дело!

— Когда будет готов пулемет? Сегодня?

— Сегодня не успею, господин. Завтра после полудня, думаю, закончу.

— Делай скорей! А ты, малый, до полудня подкуешь вот эту лошадь. Это конь самого господина курбаши. Если не успеешь или плохо сделаешь, пеняй на себя!

— Хорошо, таксыр. будет исполнено! — покорно ответил Бута, хотя сердце его кипело от гнева.

Он взял из рук басмача повод и привязал коня к чинару. Басмач ушел. Бута подошел к Максиму.

— Вы в самом деле к завтрашнему дню почините пулемет?

— Да он уже с утра готов. Иди за мной.

Максим Максимович ввел его в помещение, где хранилось поломанное оружие. Покопавшись в углу, он достал оттуда три пулеметные ленты.

— Видал? А теперь слушай меня! Подкуй коня как можно скорее! На нем и ускачешь. Погони не бойся. Не догонят.

— А вы?

— Мне не уйти. Побегу не побегу — все одно убьют.

— Нет! — решительно воспротивился Бутабай. — Бежать, так вместе, а нет — так умрем вместе.

Все еще споря, они вышли из мастерской. Максим Максимович показал рукой на лагерь басмачей, который был виден как на ладони, и сказал:

— Ты знаешь теперь то, чего никто другой не знает, и сумеешь привести сюда красноармейцев. Подковывай коня!

Внизу среди деревьев урюка, у палатки курбаши, собрались басмачи. Турецкий офицер в каракулевой папахе что-то говорил им.

Стражник, приставленный к Буте и к Максиму Максимовичу, положив винтовку на колени и закатив пьяные глаза, распевал какую-то песню.

Бута быстро подковал коня и указал глазами на джигита. Максим, ничего не ответив, подошел к нему и уселся рядом.

— Откуда вы, джигит?

Джигит, перестав петь, взглянул на него.

— Я? Из Булакбаши. А что?

— Детки есть?

— Две девочки и сын. А зачем спрашиваешь?

— Да так. Подите скажите своим, чтобы мне дали бутылку ружейного масла.

— А что, у тебя нет? — поленился джигит.

— Было бы, не стал бы спрашивать!

Джигит нехотя направился в сторону палатки.

— Ну, давай! — приказал Максим. — На коня! Передай привет парням! Поцелуй моего сынка!

Бута хотел броситься ему на шею, но Максим Максимович отстранил его.

— Прощай. Время не терпит. Гони коня в реку. Не бойся.

Максим Максимович смахнул невольную слезу.

Бута вскочил на неоседланного коня и взмахнул рукой. Конь карьером помчался вниз. Раздался выстрел часового. Бута повернул к реке, и конь бросился в воду.

Джигиты, толпившиеся около палатки курбаши, вскочили и метнулись к коням. Поскакали.

Максим Максимович дал им приблизиться и застрочил по ним из пулемета. В лагере поднялся переполох. Максим Максимович то и дело поглядывал в сторону реки. Вот Бута уже переплыл реку. Максим Максимович снова прильнул к пулемету.

Никто из басмачей не мог пуститься в погоню за Бутой. Пулемет Максима Максимовича не умолкал. Любой вырвавшийся вперед вылетал из седла. Несколько джигитов стали обходить Максима Максимовича. Скоро пуля угодила ему в правое плечо, он уже не мог пошевеливать рукой. Видя, что стрелять невозможно, он поспешно начал вывинчивать части и раскидывать по сторонам. Ударом ноги он толкнул пулемет с кручи вниз. Вторая пуля попала в грудь. Максим Максимович упал...

Бутабай прискакал в кишлак. Шея и лицо его были в крови. Пуля оторвала половину правого уха.

К концу дня красноармейские части окружили лагерь, но басмачей уже не застали. Нашли только изрубленное тело Максима Максимовича. Труп перевезли в Заркишлак и с почетом похоронили на площади. Так маленький Максим остался сиротой, но приобрел друга и старшего брата в лице Буты.

После этого Халходжа много раз налетал на Заркишлак со своими джигитами. Курбаши обещал награду в двадцать пять тысяч тому, кто доставит ему голову Буты, и в пятьдесят тысяч тому, кто вернет ему карабаира¹. Но напрасно. Бута вступил в отряд Каландарова, а карабаира оседлал комиссар отряда.

¹ Карабаир — порода лошадей.

Максиму, сыну Максима Максимовича, было в ту пору пятнадцать лет. Для способного парнишки, перенявшего профессию отца, в кишлаке хватало дел. Он охотно, умело и нередко без мзды чинил котлы, кумганы и стальные часы, которые, как новинка, входили в те времена в обычай. Частенько бегал он в кузницу к Бутабаю. Был частым гостем и в батрачке, читал дехканам письма, приходившие туда на русском языке.

Когда в Заркишлаке создавался колхоз и дехкане стали входить в него, кто с арбой, кто с быком, а кто с омачом¹, Максим, на потеху всем, явился со своими инструментами и грудой железного лома.

Участники собрания, на котором его принимали в колхоз вместе с его «металлоломом», весело смеялись над ним. Однако Максим оказался одним из самых полезных членов колхоза. Маленькая кузница Буты превратилась в колхозную мастерскую, и Максим с Бутой ковали серпы, кетмени, подковы, гвозди для арб.

Люди Заркишлака говорили про Максима: «Хоть и урус, но похож на узбека, хоть и неверного сын, но похож на сына мусульманина». Они считали его своим человеком и звали его на узбекский лад — Махсум. Но крепче всех Махсум дружил с Бутабаем.

Всякое обидное слово, брошенное в сторону Бутабая, задевало за живое Махсума. Выйдя из чайханы и оглядываясь на лампочки, он все думал о своем друге. Захотелось поговорить с Бектемировым. Он остановился около моста, ожидая, когда Бектемиров выйдет из чайханы.

Они довольно долго ходили вместе при лунном свете.

— Кто подучил эту женщину? — спрашивал Махсум. — Кому было нужно опозорить Буту и оттолкнуть женщин от колхоза?

— Не только мы, но и райком интересуется этой загадкой. К сожалению, мы ее никак не можем разгадать. Да, дела идут у нас совсем не так, как нужно. Низаметдинов работает плохо. С колхозниками он груб, на поля не ходит. И вообще этот человек мне не нравится. Что-то в нем есть...

— Его со вчерашнего дня не видно.

— Заболел. Надо, пожалуй, навестить его. У него здесь никого ведь нет.

Они пошли к дому, в котором жил Низаметдинов. При лунном свете белые от цветов ветви айвовых деревьев, свешивавшиеся через забор на узкие улицы, казались восковыми. Ветер покачивал на освещенных лампами верандах сетчатые перепелиные клетки с круглым тыквенным дном.

¹ Омач — соха.

В комнате Низаметдинова было темно. «Видно, очень болен, даже лампы зажечь не мог...» — подумал Бектемиров. Он позвонил дверным колечком, и незапертая дверь со скрипом открылась.

Они вошли в комнату.

— Товарищ Низаметдинов, что вы сидите без света?

Ответа не было. Бектемиров зажег спичку. Комната была пуста. Решив, что хозяин вышел во двор, Бектемиров начал искать лампу. Шаря рукой по нишам, он задел сложенные стопой книги. Они упали на пол. Пока Махсум зажигал лампу, Бектемиров положил книги на место.

Низаметдинов не приходил. Бектемиров наконец не вытерпел:

— Ты останься, Махсум, а я пойду пришлою еды. Он, наверно, скоро вернется. Если температура у него высокая, завтра вызовем доктора из района.

— Ладно, я подожду.

Бектемиров ушел. Махсум, оставшись один, долго сидел, напевая какую-то песенку. Но вот и песенка кончилась, и сидеть без дела надоело. Он взял одну из книг, лежавших в нише. Это была напечатанная арабским алфавитом книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Положив ее на место, Махсум взял другую, пожелтевшую от времени «Крейцерову сонату» Льва Толстого. Раскрыв книгу, он с удивлением увидел на первой странице подпись своего отца. Этой книги не было среди тех, которые оставались после Максима Максимовича. Но однажды Максим Максимович сказал сыну, что у прежнего хозяина было немало его книг. Как могла эта книга попасть в руки к Низаметдинову? Махсум долго ломал себе голову, но ни до чего не мог додуматься. Сунув книгу в боковой карман, он принялся перелистывать другие. Во многих из них первые страницы были вырваны.

Меж тем Низаметдинов, выйдя от Азимбая, медленно шагал в темноте к своему дому. Увидев в окне свет, он остановился. У него захватило дыхание и сердце, казалось, перестало биться. «Все кончено!» — подумал он. Ему представилось, что в доме его уже ждут работники ГПУ. Он хотел повернуть назад, но в это время его окликнули с другой стороны арка:

— Эфенди!

Это был голос чайханщика.

— Батыр-ака послал вам еду, я занес ее вам. Вы уже гуляете? Значит, вам лучше?

— Да, спасибо, теперь стало лучше! — ответил Низаметдинов.

Голос его дрожал, последние слова он произнес невнятно.

— Там вас дожидается Махсум! — сообщил чайханщик.

У Низаметдинова снова дрогнуло и замерло сердце. Когда он вошел в комнату, Махсум очищал спичкой фитиль лампы от нагара.

— Куда вы запропастились, товарищ Низаметдинов? — спросил он, продолжая чистить фитиль, отчего лампа еле светила, и колеблющиеся тени бегали по стенам. В этой полутьме Низаметдинов почувствовал себя спокойнее.

— Да вот, лежал, лежал, даже тоска взяла. Решил немного подышать свежим воздухом.

Махсум, заправив лампу, взглянул на Низаметдинова: на нем, действительно, лица не было. Махсум развернул посланную Бектемировым еду.

— Проголодались, наверно, товарищ Низаметдинов. Ешьте, пока не остыло.

Низаметдинов поморщился.

— Аппетита нет, братишка.

Желая отвязаться от докучливого гостя, он притворно зевнул.

Махсум еще некоторое время внимательно смотрел на него и затем ушел, сказав, что навестит завтра.

13

После того как Бутабай вернулся из района, на душе у него стало еще тяжелее. Когда его отстранили от работы, он был твердо уверен, что через несколько дней дело разъяснится и он сможет доказать свою невиновность. Но время шло, а все оставалось по-прежнему. Он томился бездельем. Его дом ему опротивел.

Однажды, сам не зная зачем, он пошел в правление колхоза. Но сторож сказал, что там идет собрание. Бутабай в нерешительности остановился у порога — зайти или не зайти? «Вот до чего дожил! Не смею войти в правление!»

Он глубоко вздохнул.

— Прибыл милиционер Разак и о чем-то толкует там с активом.

Слова сторожа приободрили Бутабая. Подойдя к дверям, он стал прислушиваться.

Был слышен голос Бектемирова. Он говорил громко, иногда упоминал имя Буты.

— Слышали, почтенный, наш эфенди сильно занемог. Слег бедняжка... — сказал сторож. — Уж два дня не выходит на работу.

Решив, что совещание в правлении окончится не скоро, Бута-бай пошел навестить Низаметдинова.

У Низаметдинова сидел Назиркул. С приходом Буты Низаметдинов, что-то горячо доказывавший, сразу умолк. Он лежал на кровати, покуривая папиросу, и заискивающе, словно провинился в чем-то, улыбнулся Бутабаю.

— Мог ли я ожидать, что вы совсем меня забудете, дружище! — заговорил он. — Хоть бы навестили: как, мол, дышит ли еще мой старый помощник. У меня же здесь, кроме вас, никого нет. Хорошо, что хоть Бектемиров вчера зашел с Махсумом...

— Только сейчас услышал о вашей болезни. Я ведь был в районе, — искренне извинился Бутабай.

Низаметдинов посмотрел на Назиркула.

— Назирджан, сходите, пожалуйста, за чаем...

Назиркул, взяв жестяной чайник, вышел.

— Хорошо еще, что Назирджан не оставляет меня. Придется завтра в район перебраться. А то без доктора, похоже, свалюсь совсем.

— Конечно, лучше захватить болезнь вначале.

— Ну, а как ваши дела? Выяснилось ли что-нибудь?

Бута покачал головой.

— Ничего не выяснилось.

— Плохо, плохо! Но напрасно, по-моему. Батыр-ака сообщил о вашем деле в райком. Ну что из того, что в дело вмешаются высокие люди? Что может поделать райком? Самое простое было бы вызвать ишан-ая и сказать: «Не надо устраивать скандал, Бута расканивается!» — и все кончилось бы миром. А что теперь? — Низаметдинов мгновение помолчал. — Похоже, что Бектемиров просто хочет выслужиться перед начальством.

— Это неверно! — строго сказал Бута. — Батыр-ака не такой человек. Он честный коммунист.

Низаметдинов понял, что сделал ошибку. В это время, на его счастье, Назиркул принес чай, и пока он его разливал, Низаметдинов перевел разговор на другое.

— И надо же было мне слечь в самый разгар работ! Вот уж правду говорят, что болезнь всегда приходит не вовремя. А как подумаешь, сколько еще дел у нас... Да, кстати, учительница приехала?

— Нет еще. Должно быть, сегодня приедет, — ответил Бута.

— Надо было послать арбу, она...

Низаметдинов схватился за грудь, заметался и изогнулся, как змея.

— Опять приступ начинается! — охнул Назиркул и принялся растирать больному спину. Намочив тряпку, он положил ее на

люб Низаметдинову: Через некоторое время Низаметдинов, тараща глаза, вытянул ноги.

— Слава богу, отошла проклятая, — объявил Назиркул.

Когда Низаметдинов «пришел в себя», Бута накрыл его одеялом и вышел в цыпочках из комнаты.

— Обязательно покажите его доктору! — сказал он Назиркулу и отправился в правление, чтобы переговорить с Бектемировым.

Как только Назиркул вернулся, Низаметдинов отшвырнул одеяло и вскочил на ноги.

— Ну, что скажешь? Согласен? Нет?

Назиркул посматрел на него широко открытыми глазами, затем уселся на край кровати. Не зная, что ответить, он стал вертеть в руках тубетейку. Он был похож на затравленного зверя. Низаметдинов нетерпеливо ждал ответа.

— Ты забыл, что был джигитом Халходжи? Не ты ли похитил Саломат и ускакал с ней? Не ты ли подарил ее курбаши? Может быть, не ты? Эх, дурень ты эдакий, ведь я о тебе же забочусь! Как только Саломат увидит тебя, все будет кончено. Приедут из ГПУ — и поминай как звали. Хлопнут тебя в самый лоб, только и всего. Мне-то все равно. Я ведь нахожусь у власти. Но если ты попадешь им в руки, то к моему авторитету повредишь. Что я скажу, если меня спросят: «Почему ты скрывал басмачество Назиркула?»

Назиркул встал. Его била дрожь. Низаметдинов казался ему единственным человеком во всем мире, который мог его спасти.

— Эх, дурень, дурень! И почему я не сдал тебя в ГПУ? Сам не знаю. Может, потому, что полюбил тебя. Был у меня братишка, ну точь-в-точь на тебя похож. Глаза, рост, стать — все твое. Когда я увидел тебя впервые, ну словно его увидел. Потому ты и понравился мне. Один день не увижу тебя — и на душе как-то пусто. А его, бедняжку, такие же, как и ты, басмачи расстреляли. Партизан был, член партии.

Низаметдинов отвернулся и, вытащив из кармана брюк платок, вытер глаза.

— Ну, что скажешь?

Назиркул, глубоко вздохнув, с трудом заговорил:

— Я тоже признал в вас брата. Я теперь — кусок теста в ваших руках. Хотите — делайте из меня пельмени, хотите — лепешки! Только ради аллаха избавьте меня от беды. Ведь я еще молод! Мне жить хочется!

— Вот теперь дело говоришь! Сегодня к ночи выходи на Ходжаабадскую дорогу. Но будь осторожен!

Оба вышли из комнаты.

— Найди старика Турсунбая, скажи, чтобы явился к правлению. Я его буду ждать.

Низаметдинов, опираясь на палку, не спеша отправился к правлению. Назиркул ушел по дороге, пролегавшей через сады.

Солнце шло к закату. В воздухе было не по-весеннему душно. Завтра можно было ждать дождя.

В правлении, кроме Бектемирова, Бутабая и Махсума, сидел незнакомый полный усатый человек.

— Ия-йя, что это вы, больной, расхаживаете, вам надо лежать! — сказал Бектемиров, протягивая Низаметдинову руку.

— Мне, видно, завтра придется ехать в район к доктору, вот я и решил повидаться с вами.

— Да я бы сам пришел! Идите-ка лучше и ложитесь!

— Сейчас пойду, товарищ Бектемиров. Возьмите ключ, а то понадобятся какие-нибудь бумаги...

Низаметдинов вытащил из заднего кармана брюк ключ и передал Бектемирову.

В дверях появился Турсунбай. Низаметдинов повернулся к нему.

— Ата, запрягите арбу, надо съездить в район. Вы знаете, где отдел народного образования?

— Знаю, сынок, знаю!

— Скажите, что приехали из Заркишлака. Там вас уже ожидают. Привезете к нам учительницу.

Старик вышел. Низаметдинов поморщился, словно от острой боли.

— Что, снова приступ? — посочувствовал Бутабай.

Низаметдинов притворился, что не может ответить. Кивнув головой, он схватился за грудь. Бектемиров открыл дверь и позвал сторожа.

— Ата, отвезите товарища Низаметдинова домой!

Старик, поддерживая Низаметдинова, помог ему встать.

Когда Низаметдинов вышел, Разак, на этот раз приехавший без формы и сидевший все время молча, взглянул на Бектемирова.

— Где я мог видеть этого человека?

— Не знаю, — ответил Бектемиров. — Вот уже полтора года, как он работает у нас.

— А где он работал раньше?

— Сам он как будто из Ташкента. Перед революцией за распространение листовок арестован и даже побывал в Сибири. В Сибири он и научился русскому языку, а после революции работал там же в советских учреждениях. Потом по болезни переехал в наши края,

Разак перестал расспрашивать. Сославшись на то, что у него важное дело в Кумушсае, он распростился. Бектемиров пригласил Буту поужинать. Махсум, словно вспомнив что-то, побежал за Разаком, но, видимо, раздумав, отстал.

Солнце давно скрылось. Неясные сумерки окутывали все вокруг. На небе не было звезд.

Назиркул, выйдя от Низаметдинова, направился по тропе меж холмами на Ходжаабадскую дорогу.

Тенью крадясь в темноте, спотыкаясь и путаясь в колючих кустарниках, он добрался наконец до места.

По большаку проехали двое конных. Наступила тишина. Невдалеке, в чьем-то дворе, мигал огонек, лаяла собака. Назиркул спрятался в кустах возле моста, выбрав такое место, чтобы хорошо видеть дорогу из города, и стал ждать.

Он невольно задумался над своей жизнью, которая в конце концов привела его сюда, в засаду.

Еще мальчишкой Назиркул попал в Заркишлак. Отец его занимался мелочной торговлей и держал лавчонку в Булакбаши. Выручки едва хватало на то, чтобы прокормить семью. Дети умирали один за другим. Первый ребенок умер семи лет, второй — трех. Третий родился мертвым. Не было в окрестных кишлаках знахаря, которому отец Назиркула не принес бы дани. Он совершил паломничество в Шахмардан и подарил святым отцам большого барана, за которого отдал сбережения многих лет. Низко склонившись перед служителями святого места, своими руками надел дорогой чапан на их шейха и перевязал большущим платком ствол древнего чинара, выросшего у «мошей» всеисцеляющего подвижника. Когда родился четвертый ребенок, он принес его в дар Саиду Джалалхону. Сам ишан срезал у мальчика с макушки выращенную на счастье косичку. Назиркул стал жить у ишана. Вскоре отец, не в силах перенести разлуку с единственным оставшимся в живых ребенком, продал дом и лавку и переехал в Заркишлак. Десяти лет Назиркул лишился матери, тринадцати — отца. Теперь он стал полной собственностью ишана, который признал его «своим сыном» и определил ему место у дверей молитвенного дома. Назиркул верой и правдой служил своему благодетелю. Ишан-ая не прятала от него лицо, тоже признав его «своим». Летом Назиркул уходил в степь пасти скот и возвращался осенью к сбору урожая, почерневший, худой; он принимался убирать поля, ссылая в закрома амбара золотую пшеницу. Зимой рубил дрова, таскал воду. Когда ишан уходил в соседние кишлаки, чтобы поддержать свое влияние среди верующих, Назиркул стерег дом и хозяйство. Ишан-ая занимала место в фаэтоне под нарядным зонтом-навесом, и он развозил ее

по тоям и с визитами в богатые дома кишлака, а то и в город.

Те дни были для Назиркула самыми счастливыми. Затем благодатное время скрылось под волнами, словно путь Назиркула пересек поток. Революция лишила ишана всех благ. Он стал заметно терять свое влияние. Так как ему теперь не с кем было беседовать, кроме Азимбая, он подолгу сиживал с Назиркулом, жалуясь на упадок веры и наставляя юношу в правилах корана. Когда вокруг кишлака начал рыскать Халходжа со своими джигитами, ишан призвал к себе Назиркула.

— Верблюжонок мой, кто я для тебя? — спросил он, перебирая четки и не отрывая от них глаз.

— Вы — мой отец, наставник!

— Да дарует тебе аллах долгие лета. Воистину так. А знаешь ли ты обязанности сына перед своим отцом, верблюжонок мой?

Назиркул не знал, что ответить. Но уроки не прошли даром, и он смиренно сказал:

— Если сына своего благословит отец, тогда его благословит и бог. Так говорит коран, наставник. Что бы вы ни сказали, ваш раб к вашим услугам.

— Хвала! — ишан погладил голову опустившегося на колени Назиркула. — Все мы дети пророка, да повинуемся же воле и указанию святого отца нашего!

— Да будет так, наставник!

Ишан, перебиравший четки, забормогал молитву. Наконец он исторопливо спрятал четки в складках поясного платка, поднял голову и взглянул на Назиркула.

— Воины ислама объявили священную войну неверным и оседлали коней. Ты должен быть среди воинов.

Назиркул слышал о джигитах Халходжи. Он понял, что благочестивый ишан повелевает ему идти в отряд курбаши.

— Мое благословение с тобой, отправляйся в эту же ночь!

Сердце Назиркула тоскливо сжалось. С давних пор он любил служанку ишана Саломат. Девушка отвергла его притязания. Душа ее была занята Бутабаем. Но девушка была рядом, и Назиркул не терял надежды покорить ее. Страшно было противиться поведению духовидца-наставника, но еще тяжелее было покинуть Саломат. В этот момент, преклонив колени, он взвешивал на чаше весов влечение к девушке и слова ишана. И повеление ишана оказалось сильнее, так как голова, да и душа Назиркула были забиты правилами и притчами мусульманства и страхом божьего суда.

Назиркул ушел в горы.

Подобно всем воинам цслама, считая «умрешь, так за веру, убьешь, так аллах наградит!», он с пятазарядкой за плечами совершал вместе с бандами налеты на кишлаки. Но Саломат все не забывалась. Только теперь любовь была вытеснена из его сердца гневом и желанием мести. Он уже думал только об одном: сорвать свое зло на девушке, отомстить, стать преградой между ней и Бутабаем.

Во время налета на Заркишлак Назиркул с несколькими товарищами явился во двор Азимбая. Он и раньше часто тайком приезжал сюда и забирал добытые баем пули и порох. Так случилось и на этот раз. Наложив в переметные сумы своих всадников боеприпасы, он отправил их вперед, а сам, воспользовавшись смятением, припустил коня по кишлачной улице и осадил его около глиняного забора, уже осыпавшегося под весенним дождем. Спешившись, он кошкой перемахнул через забор. Вскоре он появился снова, сжимая в своих объятиях Саломат. Рот ее был заткнут тубетейкой. Не выпуская ношу из рук, он вскочил на коня, перекинул пленницу поперек седла и огрел коня плеткой. Через мгновение ночной мрак поглотил всадника.

Но Саломат так и не досталась ему. Красавица-девушка приглянулась самому курбаши, и Назиркул был вынужден уступить ее.

Сначала он погоревал, но вбитая с детства дисциплина и послушание превозмогли гнев. «Ни мне, ни Бутабаю!» — мстительно думал он. Было много других девушек, похищенных из кишлаков. С ними и находил утешение Назиркул... «Саломат не лучше, чем они!» — успокаивал он себя.

Когда Халходжа был разбит, Назиркулу удалось вернуться в кишлак и сохранить все в тайне. О том, что он был басмачом, знали только Азимбай, ишан и Низаметдинов. Низаметдинов занимает большую должность и многое может сделать. Вот Назиркул полюбился ему, и Низаметдинов выручает его. ●

Низаметдинов и раньше делал для него много хорошего. Делает хорошее и сейчас. Если Саломат прибудет в кишлак, то Назиркулу придет конец. Низаметдинов указал ему верный путь к избавлению.

Но какой это был страшный путь! Он любил эту женщину и разбил ее счастье, разлучив с Буткой и отдав на поругание Халходже, а теперь собирался убить ее, чтобы спасти свою жизнь.

Как хорошо было бы уйти с этого пути! Назиркул уже начал забывать прошлое, он и думать не мог, что когда-нибудь придется снова вернуться к убийству. А сейчас он опять, подобно разбойнику, лежит среди ночи у дороги и подкарауливает

жертву. Рука дрожит на рукоятке ножа. Неужели снова придется проливать кровь?

Горячий, обжигающий горло вздох вырвался из его груди. Во рту пересохло, он проглотил слюну.

Издали донесся конский топот. Назиркул прильнул к земле.

14

Пока Саломат прощалась с подругами, Турсунбай-ата, повесив на шею лошади торбу с кормом, успел прочитать вечерний намаз. Саломат, положив чемодан на арбу, ждала его.

— Ну, ты готова, доченька? Можно ехать?

— Можно, атахон.

Старик легонько взмахнул плеткой. Арба, колеса которой давно уже тосковали по смазке, со скрипом и визгом тронулась с места. Долго она тарахтела, подпрыгивая по камням на шоссейной дороге. Но вот она свернула, наконец, на пыльный проселок, и грохот прекратился. В потемках уже не видно огненно-красных тюльпанов, растущих на крышах низеньких домиков вдоль дороги. Только озаренные светом ламп, свешивающихся с потолков веранд, белеют цветущие ветви айвовых деревьев и яблонь.

Турсунбай, нанаскось усевшись в седле, затянул заунывную песню. Лошадь шла легкой рысцой. Иногда она словно в такт песни вскидывала голову и громко фыркала.

Тоскливо было на душе у Саломат. Не хотелось, очень не хотелось ей снова возвращаться в эти края.

«Куда угодно,— думала она,— хоть в самую глушь, только бы не в Заркишлак!» И вот именно туда ведет ее судьба!

Каждая улица, каждый дом будут напоминать ей детство, ту пору, когда, как колокольчик, звенел ее голос в садах ишана.

Разве не навсегда покинула она милые сердцу места?

Да, бывали мгновения, когда ею овладевали воспоминания и хотелось хоть на крыльях прилететь сюда! Но затем в памяти вставали те страшные дни, когда она стала рабой, не найдя силы уйти из жизни. А с этим пятном на душе она не хотела возвращаться в Заркишлак.

И все же, когда она училась в Ташкенте, ее не покидала тоска по кишлаку. Вдруг вспомнится джигит, заронивший в ее сердце любовь, и сердце сожмется от боли. Ничего, кроме страданий, не приносили эти воспоминания.

«Какими глазами я посмотрю на него? Простит ли он меня? Наверно, не простит! Ведь я была в плену у собаки!»

72

Арба, все так же скрипя, катилась в ночи по проселочной дороге. А на Саломат нахлынули воспоминания детства. Она выросла в доме крупного землевладельца — дочь слуги и всеобщая прислужница. Когда ее мать умерла, Саломат было тринадцать лет. Жены хозяина возненавидели сироту, так как хозяин начал слишком ласково заговаривать с маленькой служанкой.

Ишан Саид Джалалхон, прибывший в имение в поисках мюридов, оказал услугу ревнивым женам. Благочестивый аксакал, угождая богу, подарил девочку ишану.

Саломат покинула родной кишлак. Жизнь ее в семье ишана мало чем отличалась от жизни в доме аксакала. И только джигит, дерзко и весело принудивший ее к знакомству, внес в эту жизнь светлый луч.

И с тех пор в гранатовом саду ишана стали звенеть песни Саломат. Молодой кузнец, благодаря песне открывший дорогу в запретный сад, готов был слушать их бесконечно, все больше привязываясь к одинокой тоскующей девушке.

В это время признался ей в любви и мюрид ишана Назиркул. Но Бутабай был для нее самым лучшим, самым красивым в мире, и никто и ничто, казалось, не могло разлучить их.

Однако в одну страшную ночь все кончилось... И с той поры Саломат уже не могла вспоминать Заркишлак без слез...

Думы Саломат были прерваны крепким толчком: арба переползала через арык. Турсунбай обернулся.

— Что ты все молчишь, доченька? Наверное, спать хочется?

Все еще погруженная в свои мысли, Саломат ответила невпопад, и старик снова затянул свою песенку.

В эту светлую ночь при луне
Брови-дуги увижу во сне.
Прислонюсь я к холодному камню,
Сердце-камень припомнится мне.

Дугобровая с каменным сердцем,
Ты ответь, суждена ли ты мне?
Иль в разлуке я должен согнуться,
Как те брови, что видел во сне?

Песня напомнила Саломат сад Азимбая. Азимбай каждую пятницу собирал гостей. Возле пруда, под свесившимися к самой воде ветвями плакучей ивы, расстилали дорогие ковры. Непрерывно играл граммофон. Певцы, приглашенные из города, пели, развлекая хозяина до самого рассвета. Саломат слушала песни, заглядывая вместе с другими девочками в сад через низкий

дувал. А если ей приходилось нести узелок вина ая, сопровождая ее на пир к Азимбаю, она останавливалась у калитки и любовалась танцами.

...Арба продолжала катиться, пугая тишину ночи скрипом. Старик опять умолк.

— Не понравилась тебе моя песня, доченька? Почему молчишь?

— Слушаю, ата.

— Ну, если слушаешь, тогда я спою еще одну старую песню.

Есть в Намангане яблоки и груши, есть сады!

Есть среди сада заросли джиды...

Эту песню пела у нас одна девушка... Басмачи погубили ее.

Сердце у Саломат сжалось. Песня напомнила ей гранатовый сад, напомнила Бутабая.

Да, ее погубили басмачи. Теперь она стала чужой самым близким людям.

Глазам Саломат представились дни, проведенные в страхе и мучительном унижении в плену у басмачей.

Бутабай! И в те страшные дни она не забыла его... «Бутабай спасет меня!» — думала она. Но однажды она увидела Бутабая среди этих пьяных головорезов, и жизнь стала для нее невыносимой. Оказалось, что единственный человек, на которого она надеялась, достоин только презрения.

В тот день Саломат окончательно решила умереть. Бутабай и Максим-ата перешли к бандитам, издевавшимся над нею. Саломат, увидев среди них своего любимого, отвернулась от него. Казалось, огонь, пылавший в ее груди, мгновенно потух. Бутабая — ее мечты и надежды — не стало.

Но в тот же день Бутабай снова занял свое место в сердце Саломат: она видела, как он ускакал на карабаре Халходжи. Максим-ата погиб, но как дорого стоила басмачам его смерти! И Саломат впервые подумала:

«Бутабай сумел бежать, почему же я не могу?»

После этого все мысли ее сосредоточились на побеге.

Однажды она отправилась вместе с другими женщинами полоскать белье. Выбрав момент, когда охранявший их басмач ушел купаться, Саломат, крадучись среди камней, вползла в камыши. Она ползла так осторожно, что камыши даже не зашуршали. Затем, шагая по колено в болоте, она перешла на другую сторону камышовой заросли. Когда ни женщины, полоскавшие белье, ни стражник, купавшийся в речке, не могли ее увидеть, она, собрав все свои силы, бросилась бежать к горам. И горы

приютили ее. Пусть колючки терзали ей ноги, пусть ветки деревьев и кустарники рвали ее одежду, муки, оскорбления, насилие остались позади.

Приближаясь к мечети Кумуш-сая, она услышала звук далекого выстрела. Он прозвучал слабо, и Саломат, отдышавшись, пошла дальше. Не доходя до мечети, она остановилась. Верующие, прочитав полуденную молитву, расходились по домам. В гнезде на верхушке минарета дремал на одной ноге аист.

Остановившись около колодца, Саломат жадно прильнула к мутной воде в деревянной колоде для лошадей. Приведя в порядок растрепавшиеся волосы, она глубоко вздохнула. Радостные слезы наполнили ее глаза.

Но затем страх снова сжал ей горло.

Куда идти? Даст ли Бутабай ей приют в своем доме? Какими глазами она посмотрит на него? Значит — снова к ишану?

Теперь она плакала слезами такими же горькими, как и в неволе. Никогда она не забывала Бутабая. Только мысль о нем помогала ей переносить муки и унижения. Она не задумывалась над тем, сможет ли она после страшных и позорных в ее жизни дней стать его женой? И вот теперь эта мысль пришла ей в голову.

Да, она стала чужой для Бутабая, ей незачем являться в Заркишлак. Она обошла кишлак полями и направилась в город.

...Прошло одиннадцать лет. Сегодня она, бывшая служанка ишана, бывшая рабыня Халходжи, возвращалась в Заркишлак, чтобы обучать грамоте детей.

Арба остановилась перед деревянным мостиком у въезда в кишлак. «Кто тут?» — крикнул Турсунбай, натянув поводья. Выскочивший из кустарника человек схватил его за горло и стащил с седла. Турсунбай захрипел. Саломат спрыгнула с арбы. Человек оттащил старика в сторону и ударом ноги сбил его с ног.

Старик, согнувшись от боли, упал ничком. Человек одним прыжком догнал пытавшуюся убежать Саломат и схватил ее за волосы.

Турсунбай поднялся и бросился к ней на помощь. Человек, держа Саломат за волосы и занеся над ней нож, ударил старика ногой в живот. Старик снова упал.

В это мгновение Саломат вырвалась и побежала к забору крайнего дома. Человек, вполголоса выругавшись, погнался за ней. Она уцепилась уже за забор, когда он настиг ее и несколько раз вонзил ей нож в спину.

Саломат повисла на заборе, но руки ее соскользнули, и она упала на землю лицом вниз. Она лежала неподвижно, только пальцы рук сжимались и разжимались в предсмертной судороге.

Ударом ноги убийца перевернул ее вверх лицом и дважды вонзил в грудь окровавленный нож. Затем оглянулся по сторонам и, перескочив через забор, исчез.

15

Только лай собак нарушал безмолвие ночи. Замерли в неподвижности деревья, все живое и неживое погрузилось в сон. Один Назиркул бежит среди ночи. Его руки — в крови. Тяжелый камень, придавивший сердце, не дает ему дышать. Ему все мерещится окровавленное тело Саломат. Он то ускоряет шаг, то останавливается, словно спрашивая себя: «Что я наделал?» Не находя ответа, он в ужасе бросается дальше, будто пытается догнать и растоптать свою тень.

Выбившись из сил, он хотел было присесть, но собака, грызшая кость под забором, залаяла на него. Назиркул снова бросился бежать. Крадучись среди деревьев, он подошел к дому Низаметдинова. Озираясь, посмотрел вокруг, затем тихо постучал в окошко. Ответа не было. Он снова постучал, теперь уже громко, так, что задрожало стекло. Убедившись, что в доме никого нет, он снова нырнул в тень деревьев, выбрался на клеверное поле и опять побежал. Остановился он только у калитки Азимбая. Запыхавшись, обессилев от бега, он постоял, тяжело дыша, затем, даже не оглянувшись по сторонам, бешено застучал в калитку. Через некоторое время сквозь щель калитки на землю упал луч света и послышался голос женщины.

— Кто там?

— Это я, Назир. Мне нужен хозяин, скорей.

— Он ушел к ишану, — ответила женщина.

Назиркул задумался. Чтобы войти к ишану, надо возвращаться по своему следу. Но проходить мимо окровавленной жертвы ему было страшно. Однако другого пути не было, идти по улице было опасно: одежда его и руки в крови. Что будет, если кто-нибудь увидит его?

Когда он подходил к дому ишана, в глазах у него потемнело, голова кружилась. Собака, что напугала его, когда он бежал к Низаметдинову, теперь лежала посреди дороги, вытянув передние лапы и подняв голову. Услышав шаги, она зарычала. Назиркул остановился. Он хотел пройти через наружный двор Мусы, но собака вскочила и яростно кинулась на него. Он быстро перепрыгнул через забор и нырнул под арбу. Собака продолжала лаять. На улице вышел человек в накинутом на плечи чапане. Собака подбежала к нему и начала ласкаться.

77

— Хватит, хватит, Каплан! Ложись!

Назиркул узнал голос Мусы. Безбородый поймал собаку за обрывок веревки и втащил ее во внутренний двор.

— Ах, поганый пес, опять оборвал веревку!

Наступила тишина. Назиркул вылез из-под арбы и повернул обратно.

Он шел среди улицы, и ему казалось, что Саломат, окровавленная, с растрепанными волосами, вот-вот преградит ему дорогу. Он хотел бы бежать, но ноги едва слушались его. Только у калитки Саида Джалалхона он опомнился. Он тяжело дышал и озирался, словно кто-то гнался за ним. Калитку открыла ишан-ая.

— Где тебя носит ночью?

Назиркул вошел, ничего не ответив. В комнате с занавешенными окнами горела лампа. Низаметдинов, ишан и Азимбай сидели вокруг низкого столика. Увидев его окровавленные руки, они переглянулись.

Низаметдинова стала бить дрожь. Чай в пиале, которую он держал в руках, расплескался.

— Тебя никто не видел? — спросил он дрожащим голосом.

Назиркул, не в силах ответить, стоял, тараща глаза. Вдруг он сжал окровавленные пальцы в кулак и стал отчаянно бить себя по голове.

— Все пропало, все! Пришел мой конец! Теперь меня расстреляют! — громко причитал он, плача навзрыд.

— Говори, что там случилось? — закричал вскочивший с места Азимбай.

— Старик, кажется, узнал меня.

— Дурак! — сказал Низаметдинов. — Говорил же я тебе, что его тоже надо прикончить!

Назиркул бился головой о стену и плакал.

— Садись!

Низаметдинов, взяв его за руки, усадил на ковер рядом с собой.

— Плохи твои дела, братец. Если ты попадешься, тебя обязательно расстреляют. Надо бежать.

— Но куда? Куда я теперь скроюсь?

— Туда, где тебя не достанут длинные руки ГПУ.

— Никуда не пойду! — Назиркул встал и с угрозой добавил: — Лучше умереть, чем жить волком. Сейчас пойду в милицию и сдамся.

— Осел! — прикрикнул Азимбай. — На что ты надеешься? Неужели ты думаешь, что тебя не расстреляют?

Назиркул, обессилев, снова сел.

Низаметдинов, переглянувшись с ишаном, ласково заговорил с Назиркулом, стараясь его успокоить.

— Дело сделано. Остается только бежать. И пойдешь ты не один, с тобой пойдет сам наш наставник ишан. Надо немедленно отправляться в путь.

— Куда? — произнес Назиркул.

Ишан Саид Джалалхон, до сих пор сидевший молча и перебивавший четки, певуче сказал:

— Есть еще, верблюжонок мой, щедрые места мусульманского благочестия. До сих пор, оказывая тебе свою милость, деля с тобой хлеб, советуя тебе пути и деяния, я не причинял тебе вреда. Воистину, быть тому и далее. Ускачем в Кашгар.

— Да, вы отправитесь вместе, — сказал Низаметдинов, словно скрепляя договор. — Лошадь оседлана, в сумы уложено все нужное в дороге.

Назиркул слышал о Кашгаре. По этим рассказам он представлял себе край, где никогда не бывает зимы. Там всегда благоухает цветами весна, в реках с золотыми берегами вместо воды течет шербет. Там пасутся в степях тучные стада баранов, базары полны шелка и золота, на каждом шагу мечеть... Нет там числа мюридам, которые, преклонив колени, будут целовать полы халата ишана Саида Джалалхона. И нет на свете девушек прелестнее кашгарских.

В глазах Назиркула снова появилось какое-то подобие жизни. Теперь ему хотелось только, чтобы его отправили в обетованный край сейчас, сию же минуту...

— Когда мы поедем? — спросил он, глядя на Низаметдинова.

— Немедленно, сию же минуту! — ответил Низаметдинов.

Ишан-ая протянула через окошко блюдо с пловом, но никому не хотелось есть. Низаметдинов, взглянув на Азимбая, сказал:

— Пожелайте, уважаемый Азимбай, нашему наставнику благоденствия в пути!

Азимбай воздел руки для молитвы.

— Да будет безопасен его путь, да хранит его имя аллах.

Все произнесли «аминь» и провели ладонями по щекам.

Саид Джалалхон ушел проститься с женой, а Низаметдинов подсел к Назиркулу, чтобы сказать ему последние напутственные слова.

— Наш наставник ишан выедет на полчаса раньше тебя. Встретитесь у Бешикташа¹, запомни! Будьте осторожны. Постарайтесь до рассвета перевалить через горы.

¹ Бешикташ — Каменная колыбель.

Назиркул сидел, покорно опустив голову, и то и дело прѣизносил: «Хорошо, эфенди», «Будет исполнено, эфенди».

Подошел ишан. Брови его были хмуры, глаза печальны.

Во дворе уже стояла заседланная лошадь. Ишану помогли сесть в седло. Тихо, почти шепотом были сказаны последние прощальные слова. Ишан-ая плакала. Саид Джалалхон взмахнул плеткой, выехал, пригнувшись, через калитку на улицу и повернул коня к горам. Он вскоре скрылся в предутреннем тумане, но еще долго было слышно цоканье копыт.

— Назир! — сказал Низаметдинов. — Ты пойдешь сейчас к Азимбау, возьмешь на всякий случай оружие. Там же для тебя приготовлена лошадь. Прощай, аллах да будет тебе другом в пути! — Он положил руку на плечо Назиркула и прочувствованно добавил: — Богатырь мой, орленок мой!

Азимбай и Назиркул ушли.

Низаметдинов, словно сбросив с плеч тяжелый груз, облегченно вздохнул. Прислонившись к косяку двери, он долго глядел на угасавшие звезды, на светлое весеннее небо и гадал о том, что ждет его впереди.

16

Ишан Саид Джалалхон, оставив позади условленное место встречи, въехал в ущелье. Он находился сейчас на горе, называвшейся Найтепа¹. Надо было обогнуть крутой склон по скалистой тропинке, тянувшейся по самому краю пропасти.

Было темно. Подъехав к началу тропинки, ишан слез с лошади и взял ее за повод. Любой, вступающий на эту тропинку, рисковал не дойти до ее конца. Один неосторожный шаг мог погубить и пешехода и всадника. Ишану стало жутко. Затаив дыхание, он передвигался с величайшей осторожностью, все время шепча про себя: «И жизнь, и гибель моя в руках твоих, всевышний. Да сохранишь ты раба своего».

Но, увлекшись молитвой, ишан забыл о лошади. Она поскользнулась, несколько камней сорвались с тропинки и посыпались вниз. Испугавшись грохота падающих в пропасть камней, конь метнулся назад. Повод выскользнул из рук ишана. Ноги лошади поскользнулись, она села на круп, опрокинулась и сорвалась в пропасть.

Ишан, дрожа от страха, опустился на колени. Рев реки доносился со дна пропасти, по ущелью дул пронзительный ветер,

¹ Т е п а — возвышенное место.

Ишан взглянул на небо. Из-за облаков выплывала луна, начинали проясняться звезды.

С трудом передвигая ноги, ишан шел по тропинке. Он оказался у входа в большую пещеру. Две огромные птицы, спугнутые им, хлопая крыльями, вылетели из нее и, распластавшись, поплыли над бездной. Ишан невольно подался назад. Он поскользнулся, и острый камень распорол ему подошву левой ноги. Ишан упал и застонал от боли.

Было тихо. Только издалека, сквозь глухой рев реки, доносились завывание волков.

Саид Джалалхон лежал на спине, боясь взглянуть на небо, где, как ему казалось, кружились огромные хищные птицы. Он отлично понимал, что положение его почти безнадежно, но не хотел думать о смерти. Да, нога повреждена. Передвигаться он не может, а оставаться здесь — значит стать добычей волков. Оружье и пища, находившиеся в седельной суме, лежали на дне пропасти.

Преодолевая нестерпимую боль, он вполз в пещеру. В ней царил непроницаемый мрак. И вдруг ужас охватил ишана. В черной тьме блеснули два зеленых огонька. Они медленно приближались к нему.

Теряя рассудок, ишан Саид Джалалхон вцепился в шкатулку, засунутую в широкие складки поясного платка.

Огоньки приблизились вплотную. Что-то теплое и влажное коснулось его лица. Ишан потерял сознание.

Назиркул проснулся от того, что солнце нагрело ему спину. Не открывая глаз, он с наслаждением потянулся, затем встал. Блестели на солнце отвесные скалы, внизу зеленела еловая роща.

Назиркул удивленно вытаращил глаза, не понимая, как он тут очутился. Но в следующее же мгновение он вспомнил все. В глазах его появилось тревожное выражение. Где же лошадь? Взгляд его заметался вокруг. Перевалив через гору и не найдя в условленном месте ишана, он намотал повод лошади на кисть руки и прислонился к камню. Смертельно уставший за эти дни, он не совладал с собой и заснул. Лошадь начала щипать траву. Она дергала повод, но Назиркул не слышал. Потом повод размотался и выскользнул из его руки.

Теперь лошадь бродила неизвестно где, а может быть, и ушла назад, в кишлак.

Рядом зияла пропасть.

Назиркул знал, что без лошади он не сумеет добраться до Кашгара. Единственная надежда была на ишана Саида Джалалхона. Надо найти его и продолжать путь вдвоем на одной

лошади. Но где ишан? Неужели он обманул Назира, своего верного раба? Почему он не дожидался его в назначенном месте? Может ли быть, чтобы он, не дожидаясь Назира, отправился дальше? Нет, ишан так не поступит. Ведь они условились, а ишан боится бога. Наверно, он дожидается его где-нибудь неподалеку и уже проглядел все глаза. Во что бы то ни стало надо найти его. Без ишана Назир не может двинуться ни вперед, ни назад. Путь в Заркишлак отрезан навсегда, идти в Кашгар без ишана — пустая бессмысленная мечта.

Назиркул еще раз тревожно осмотрелся вокруг и, прыгая по камням, устремился к тропинке.

Маленькая тропка, по которой давно уже не ступала нога человека, заросла травой. В иных местах она была завалена камнями, скатившимися с горы во время обвалов.

Назиркул то бежал, то брел по этой тропке. Иногда он, приложив ладони ко рту, кричал. Никто не отвечал на его крик, только вдали перекатывалось гулкое эхо. Ишан исчез, словно сквозь землю провалился.

Солнце уже было в зените. Назиркул, находившийся в пути со вчерашнего дня, терял силы. Давал знать себя голод.

«Терпи, Назир! В глубине терпения, на самом дне чаши лежит награда! Держись, не сдавайся! Терпи до конца. Впереди тебя ждут благодатные дни!»

Утешая себя такими мыслями, Назиркул вышел на широкую площадку. Но голод был сильнее счастья, обещанного ишаном Саидом Джалалхоном. Устало опустившись на камень, он начал обдумывать, как быть дальше.

В кармане у него маузер. Можно застрелить какую-нибудь птицу.

Эта мысль ободрила его. Он медленно побрел дальше. В горах много птиц, встречаются и джейраны. Надо только выследить и подкрасться, а остальное сделает выстрел.

Приблизившись к узкому месту тропы над пропастью, он увидел стаю хищных птиц, которые с клетотом то взлетали вверх, то спускались к отверстию пещеры. Назиркул вытащил маузер и прицелился в одну из них, которая, сидя на большом камне, что-то клевала. Назир был хорошим стрелком. Участвуя в бандитских налетах на кишлаки вместе с джигитами Халходжи, он не знал промахов. Не промахнулся он и сейчас. Птица скатилась с камня и, дернувшись несколько раз, осталась лежать. Остальные, напуганные выстрелом, поднялись в воздух.

Назиркул, осторожно, ступая по тропинке, подошел к своей добыче, валявшейся на самом пороге пещеры. В ту же минуту он понял, что все его надежды на спасение обратились в прах.

У пещеры лежали обглоданные волками останки ишана Саида Джалалхона, обещавшего ему счастье и благоденствие. Ветер, сорвав чалму с головы ишана, намотал ее на колючки. Костлявые пальцы, скрючившись, сжимали какую-то шкатулку. Рядом яркой змейкой валялись четки.

Потрясенный этим зрелищем, Назиркул долго, как каменный, стоял возле скелета. Потом с поникшей головой опустился на колени. Птицы, лишившись своей добычи, каркая, кружились над ним.

Разжав скрюченные пальцы ишана, Назиркул взял шкатулку и взломал запор. Из шкатулки на камни со звоном посыпалось золото.

Назиркул забыл и про голод, и про ишана. Он видел только сверкающие монеты и слитки. Сердце его стучало, глаза блестели. Торопясь, словно кто-то мог отнять у него эти сокровища, он дрожащими руками сгребал золото и рассовывал по карманам. Потом, шатаясь, словно пьяный, шагнул на тропинку. Убитый им ворон лежал у его ног. Подняв его за крыло, Назиркул увидел в когтях у ворона что-то зеленое, похожее на сливу. Внезапно по телу его пробежала дрожь: из когтистой лапы ворона на него смотрел мертвый глаз ишана Саида Джалалхона.

Много крови и преступлений видел на своем веку Назиркул. В нем давно уже погасло чувство сострадания. Но, видно, даже в палаче, всю жизнь обгадряющем свои руки в крови, сохраняется слабая, подернутая пеплом искра, берящая его сердце...

17

Низаметдинов разделся и залез было под одеяло, как кто-то бешено забарабанил в окошко.

— Эфенди! Эфенди!

Низаметдинов вскочил. Прибавив фитиля в лампе, он подошел к окошку и, прижавшись лицом к стеклу, посмотрел на улицу.

— Эфенди! Бог наказал меня!

Это был голос Турсунбая. Низаметдинов торопливо загрел шелковой, открыл дверь. Старик, в пыли с ног до головы, трясясь, как в лихорадке, переступил через порог.

— Что такое? Что случилось? — взволнованно спросил Низаметдинов, подводя старика к свету, а сам оставаясь в тени.

— Учительницу убили! Там... — старик ткнул куда-то рукой и, не в силах продолжать, заплакал.

Низаметдинов налил остывшего чая в пиалу, протянул ему.

83

- Кто убил? Где? Когда?
- Около моста. Час назад.
- Почему вы не сообщили сразу?
- Я уже полчаса ищу вас, эфенди! Где вы были?
- Я был дома все это время.
- Но я так стучал, что чуть окошко не разбил.
- Видно, я крепко заснул после болезни.

Старик рассказал, как случилась беда. Низаметдинов не перебивал, но как будто ждал чего-то такого, что Турсунбай не желал рассказать или приберегал напоследок. Но вот старик сказал:

— Если бы этот подлец не в живот меня ударил, я бы успел пырнуть его ножом.— Глаза его опять наполнились слезами. Вдруг он вытер глаза, жестко сказал: — Но он от меня не уйдет, я его все равно найду. Он, видно, хотел еще кое-кого убить. Я шел за ним следом. Он еще стучался к вам.

— Что?

— Да, да, эфенди. Я хотел кого-нибудь позвать, да боялся потерять его из виду. Сам бог уберег вас. Если бы вы проснулись и открыли ему, он прирезал бы и вас. Я уж молился про себя, чтобы вас не было дома. Слава великому аллаху, что вы спали и не услышали. Тогда он подошел к калитке Азимбая, потом перепрыгнул через забор Мусы. Ну, думаю, искромсает он теперь Мусу. Тут Каплан залаял и прогнал его. Тогда он побежал к дому ишана, и там скрылся. После этого я вернулся снова к вам. Стучал, стучал. Хорошо, что вы теперь проснулись.

Низаметдинов, пряча в тени лицо, на котором — он это чувствовал — был написан ужас, слушал этот рассказ. Под конец он, преодолевая страх, спросил:

— Кто же этот подлец?

— По походке, по росту, кажется мне, что Назиркул.

— Да не может быть! Он же и ягненка не обидит! Вы, наверно, ошибаетесь, отец!

— Кто его знает, сынок. Может быть, и ошибаюсь. Темно было, и, как нарочно, ни одной звездочки на небе. Лица его я разглядеть не смог.

Низаметдинов задумчиво заговорил:

— Большая беда пришла, отец! Тут надо знать, что говорить. Вот вы скажете, что это был Назиркул, и можете погубить невинного человека. Лучше всего сказать: «Не знаю». Скажешь «знаю» — и попался, скажи «не знаю» — и спроса нет! Чем людей оговаривать, лучше сказать «не знаю!» — и все. Вы не говорили товарищу Бектемирову?

— Нет, сынок, запомятовал,

— Сейчас же разбудите его, а я приду следом за вами. Встретимся возле правления.

Старик открыл дверь, но Низаметдинов остановил его.

— А где Бутабай!

— Не знаю!

— Не Бута ли этот человек? Ведь давно уже говорят, что одну из девушек Заркишлака по имени Саломат погубил Бутабай.

— Не знаю, сынок. Я тоже слышал об этом, да откуда мне знать, кто среди людей пестрый, а кто белый...

— А вы не заметили — может, убийца был высокий, большеголовый?

— Нет, не приметил.

— Ну ладно, идите.

Старик вышел. Низаметдинов вздохнул свободнее.

— Слава богу, бестолковый старик ничего не сможет доказать, да ничего он толком и не видел...

Он неторопливо обулся, запер дверь на замок и, попыхивая папиросой, направился к правлению.

В чайхане было темно и пусто. От рева реки и от шелеста деревьев Низаметдинову почему-то стало жутко, мурашки забегали по спине. Перед глазами его возникали мертвецы, окутанные в саваны. Увидев двух человек, приближавшихся к нему, он преодолел свою робость. Это были Бектемиров со стариком.

Низаметдинов, отбросив папиросу и ускорив шаги, подошел к ним.

— Пойдемте! — коротко сказал Бектемиров и повернул в сторону моста.

Арба все еще стояла на середине дороги. Лошадь, почуяв людей, заржала. Старик повел своих спутников к забору. Бектемиров зажег спичку и осветил лежавшее на земле тело. При слабом мерцающем свете кровь на трупе казалась черной.

Низаметдинов поднял труп и понес к арбе. Старик уже успел подстелить свой чапан. Бектемиров влез на арбу, принял из рук Низаметдинова Саломат и осторожно уложил ее. Старик повел лошадь в поводу.

Шагали молча. Только слышался скрип колес.

Низаметдинов полез в карман за папиросами. Рука попала во что-то липкое, и пальцы склеились.

Это была кровь Саломат. Низаметдинов почувствовал тошноту.

Когда арба въезжала на улицу кишлака, небо за холмами заалело. Низаметдинов, подойдя к арбе, посмотрел на труп. Свет зари падал на лицо Саломат. Волосы ее, растрепавшись, закрыли один глаз. Руки были в крови, смешавшейся с землей.

Низаметдинов не отрывал от нее взгляда. Он шел за арбой, наступая на кровь, все еще сочившуюся из груди Саломат.

Саломат похоронили на кладбище за окраиной Заркишлака под огромным чинаром. Для храброго Турсунбая пинки убийцы не прошли даром, и он слег. О похоронах рассказывал ему внук, проводивший учительницу до самой могилы.

— Дед, а дед, а какую речь сказал Низаметдинов-ака над могилой! Говорил, говорил — и заплакал.

Дед вздохнул.

— Оказывается, учительница была из нашего кишлака, дед. Звали ее Саломат. Раньше она была служанкой в доме ишана, а потом басмачи схватили ее и увезли. А зачем они увезли ее, дед?

Старик, приподнявшись на подушке, погладил голову внука.

— Басмачи были плохие люди!

Старик снова начал раздумывать о том, что произошло на его глазах.

Человек, зарезавший учительницу, пошел прямо к Низаметдинову. Постучал в окошко. Потом пошел к Азимбаю. В саду бая возле калитки кто-то зажег спичку. После этого убийца пошел к дому ишана. Он зашел туда и через некоторое время снова вышел. А где был в это время Низаметдинов? Турсунбай трижды стучался к нему, и хотя Низаметдинов говорит, что спал, но это неправда: его не было дома. Ведь Турсунбай стучал так, что и мертвый бы проснулся. В последний раз Турсунбай пришел к Низаметдинову почти через полчаса и только тогда застал! Так что же, убийца хотел зарезать и Низаметдинова?

Старик лежал, нахмурив брови, забрав бороду в кулак.

Где же все-таки был Низаметдинов?

Не находя ответа на этот вопрос, Турсунбай все снова и снова восстанавливал в памяти каждый шаг убийцы. В это время внук ввел к нему высокого усатого человека. Это был следователь милиции Разак Хайдаров.

— Ассалам алейкум, ата! Вам лучше? Вы уж простите, что я беспокою вас.

Старик что-то пробормотал.

— Не волнуйтесь, пожалуйста. Я задам только несколько вопросов.

— А вы, собственно, кто, сынок?

— Я работник милиции, атахон. Расскажите мне с самого начала, как все это произошло?

В голове старика мелькнули слова, сказанные Низаметдинов-

вым. «Скажешь «не знаю», и избавишься, а беда к нам пришла большая!»

Хайдаров открыл папку и достал из нагрудного кармана карандаш.

— А что я скажу, сынок? Я человек бедный, если вы посадите меня, моим птенцам придется плохо!

— А зачем мы вас посадим, если вы ни в чем не виноваты? Вам только надо рассказать, как произошло убийство. Вас хотели вызвать в правление, но я услышал, что вы заболели, и пришел сам. Рассказывайте, атахон!

— С чего же начать, сынок? Еще ни один петух не прокричал, когда мы подъехали к мосту. Я напевал песню, а гостя наша сидела на арбе. Она всю дорогу молчала, все думала о чем-то. Вдруг прямо на нас пошел какой-то человек. Рассмотреть его я не мог: темно было. Он схватил меня за ворот и свалил с седла. Несколько раз ударил меня в спину ногой и оттащил в сторону. Потом я услышал, как позади меня захрипела гостья. Кинулся я, а он, проклятый, ударил меня в живот. От этого удара я опять упал. А потом, так вот, схватившись за живот, и ходил за ним.

Вдруг старик замолчал. Ведь Низаметдинов говорил, что не надо рассказывать все, не надо говорить и про то, как тот человек подходил к окошку Низаметдинова. Теперь он сбился. Сказал «ходил за ним», — а что же теперь говорить дальше?

— Вот и все, сынок! — и старик попытался отвернуться к стене.

— До какого места вы шли за убийцей? — спросил Хайдаров, записывавший слова старика.

— Эфенди говорил, чтобы я не рассказывал об этом. Не будет ли он сердиться, если я послушаюсь его?

Хайдаров сразу же спросил:

— А кто этот эфенди?

— Наш эфенди, Низаметдинов — очень хороший человек и мне много раз помогал. Когда я проработал шесть лет у Азимбая, и потом заболел ревматизмом, Азимбай не хотел мне отдать мой заработок. Тогда я сходил с жалобой к господину хакиму, и Низаметдинов помог мне объясниться с хакимом. Ведь Низаметдинов был тогда толмачом у господина хакима. Видать, угоден он богу — и сейчас при больших делах находится.

Хайдаров не просто слушал и записывал слова старика, а как бы впитывал их в себя, запоминая каждое слово. Старик, по своей простоте, сам того не подозревая, помог найти главное звено в большом запутанном деле. Хайдаров вспомнил про вчерашние слова Махсума, который сказал, что у Низаметдинова находятся книги его отца и что сам он похож чем-то на бывшего хозяина за-

вода, на котором работал отец Махсума. Этих фактов было достаточно, чтобы взять Низаметдинова под подозрение. Он был толмачом! А не говорил ли он Бутабаю, Бектемирову и другим, что выучился русскому в сибирской ссылке. Хорош революционер!

— Ата, я же сказал вам, что работаю в милиции. Вы можете говорить мне все, даже и то, что запретил рассказывать Низаметдинов.

— Ладно,— согласился старик,— раз вы разрешаете, буду говорить. Я хотел узнать, кому нужна была жизнь учительницы, и пошел за человеком, который ее зарезал. Он пришел прямо-хонько к Низаметдинову. Постучал к нему в окошко. Так как никто ему не открыл, то он, прятаясь под деревьями, пошел к Азимбаю.

— К какому Азимбаю?

— Ну, тот самый Азимбай, который съел мои деньги. Его тоже не было дома, жена что-то ответила через дверь, тогда он пошел и перепрыгнул через забор Мусы.

— Какого Мусы?

— Да наш бригадир Муса-куса. Разве вы не знаете его? Собака Мусы кинулась на него, тогда он бросился бежать и добежал до дома ишана. Тут я потерял его. Подумал, что надо известить эфенди Низаметдинова, но он на стук не ответил. Я пошел снова разыскивать убийцу, но его больше не увидел. После вторых петухов я опять пришел к эфенди. На этот раз, когда я постучался, он открыл мне дверь, и я рассказал ему все.

— И Низаметдинов просил не рассказывать об этом?

— Да-а, он сказал, чтобы я лучше не говорил про человека, который стучался к нему. А когда я сказал, что тот человек похож на Назиркула, эфенди поправил меня, что, может, он похож на Бутабая? Говорили в народе, что этот Бутабай погубил бедняжку Саломат, а она вот вернулась и тут нашла свою смерть! — вдруг старик взволнованно спросил: — А у нашего эфенди не будет неприятности из-за моих слов? Хороший он человек, не хочу, чтобы его обидели.

Старик опять разговорился и выложил Хайдарову всю свою жизнь, не упустив ничего, рассказав даже, как Низаметдинов назвал его козла Чемберленом.

— Бедняжка эфенди занемог в эти дни. Нежного склада он. И ко всему прочему, ему еще в женитьбе не повезло. Бесчестный аксакал отнял у него свою дочь и отдал ишану.

Для Хайдарова каждое слово старика было новым звеном в цепи улик. Поэтому он, боясь пропустить что-нибудь, строчил изо всех сил.

— Какому ишану? — поднял он голову.

— Да духовнику нашему. Ведь ишан-ая была раньше женой Низаметдинова. Ну, та самая, к которой приставал Бута. Вы слышали, что за шутку выкинул этот сын греха? Заигрывать с такой праведной женщиной, дурак!

Турсунбай-ата сморщил лицо, застонал.

— Болит, ата? — посочувствовал Хайдаров, растирая химическим карандашом большой увлажненный палец старика, чтобы тот поставил отпечаток под своими показаниями.

— Сильно болит, сынок. Боюсь, как бы не помереть. И жена больная, не знаю, что станет с моими птенцами...

— Не бойтесь, ата! Мы повезем вас к доктору. За одну неделю вылечат, как будто и не болели.

— Дай бог вам здоровья, да исполнятся все ваши желания, сынок. Но как я теперь посмотрю в глаза народу? Бедняжку невинную... Низаметдинов переживает, я переживаю, эх, аллах, как ты допустил такое?!

Хайдаров выглянул в окошко и крикнул со двора мальчика, рубившего дрова.

— Пойди в правление и скажи, чтобы мой извозчик приехал сюда. Скажи, что ата повезут в больницу. Беги!

Мальчик, отшвырнув топор в сторону, побежал исполнять приказание. Хайдаров сунул папку за широкий ремень гимнастерки, сверху хорошенько прикрыл лапами чапана и крепко перевязался платком. Шагая по комнате, он размышлял над показаниями старика.

Итак, Низаметдинов — толмач, зять аксакала, муж ишан-ая... Убийца явился к нему и постучался в дверь. Низаметдинова не оказалось дома...

Чувство охотника, идущего по следу, охватило Хайдарова. Никогда еще он не заполучал в руки таких неопровержимых улик.

Но самое трудное еще впереди! Надо не выпускать Низаметдинова. И проверить, правду ли сказал старик? Может быть, он по старости лет болтает, что в голову придет? Каждое его слово надо подтвердить документами.

Старик застонал. Хайдаров нагнулся и поправил соскользнувший с него чапан.

В день, когда произошло убийство, Бутабай был в городе, чтобы встретиться с Каландаровым. Они долго вспоминали свои военные годы. Каландаров был в то время комиссаром отряда по борьбе с басмачеством, в который вступил Бутабай после побега от Халходжи на его же карабауре,

Когда басмачи были разгромлены, Каландаров стал работать в окружке. За это время он еще лучше узнал Бутабая. Бутабай, объединив беднейших дехкан, поделил между ними утаенные земли ишана Саида Джалалхона и Азимбая. В те же годы он вступил в партию. Каландаров сам дал ему рекомендацию.

— Вот какие, значит, дела, Чинак мой,— говорил Каландаров.— Бута — гроза басмачей — разбит в пух и прах. И кем же? Женой ишана! Печальная история! Ну, а с чем ты пришел ко мне? Защитите, мол, меня от клеветы, так, что ли? И не стыдно тебе? Не можешь сам защитить себя? Партия знает, что человек ты честный, справедливый, без кривинки. Но любой член партии может оказаться жертвой клеветы. И надо уметь не только убеждать от провокации, но и разоблачать провокаторов. А что делаешь ты? Повесил голову, сложил оружие. Правильно сделали, что сняли тебя с поста председателя! В годы гражданской войны мы надеялись на винтовку да на саблю. А теперь наше оружие — ум, проницательность, выдержка, умелая агитация. Учиться надо! Ведь мы с тобой хотим строить социализм. А без знаний социализма не построишь. Пошлем тебя учиться. А всю эту историю с женой ишана разберем сами.

— Учиться? — переспросил Бутабай.— Неужели я был плохим председателем колхоза?

— Председателем ты был хорошим. Но для сегодняшнего дня не годишься. Ты одолевал врага в открытом бою, а чтобы сражаться со скрытым врагом, нужны знания. Ты должен учиться, тогда мы с тобой еще немало послужим партии!

Каландаров взглянул на часы, встал.

— Иди, готовься к отъезду. И заходи ко мне, но только не с жалобой, а с делом. А сейчас зайди ко второму секретарю. Он тебе скажет, когда и в какую школу тебя отправят.

Бутабай после беседы почувствовал себя куда легче. В кабинет второго секретаря он вошел уже спокойным. Там сидели четверо мужчин и трое женщин.

— Вы были у товарища Каландарова? — спросил секретарь.— Вот познакомьтесь. Эти товарищи также поедут учиться. В Фергане открываются шестимесячные курсы по повышению квалификации председателей колхозов. Учеба начнется с пятнадцатого.

Секретарь вытащил из ящика стопку книг и распределил их между будущими курсантами.

— Почитайте, подготовьтесь хорошенько. Мы сообщим, когда надо отправляться. Завтра приходите оформлять документы.

Только на другой день к вечеру Бутабай вернулся из района в Заркишлак. Зайдя в чайхану, он спросил чаю. Чайханщик, об-

радованный тем, что нашелся новый слушатель, начал рассказывать об убийстве. Рассказав о похоронах, он вспомнил и о том, что учительница оказалась бывшей служанкой ишана...

Бута сидел пораженный, онемевший. Чайханщик, взглянув на него, испуганно вскрикнул:

— Что с вами, Бутабай?

Бутабай был бледен как смерть, один глаз его подергивался.

— Как ты сказал? Кто она?

— Саломат, которая жила в нашем кишлаке и которую похитили басмачи...

— Кто убил ее?

— Никто не знает. И Турсунбая тоже покалечили. Его увезли на извозчике к доктору.

Бутабай выронил пиалу, сжал пальцы в кулак, закричал зубами. Спрыгнув с помоста, он побежал на кладбище.

Могильщик показал ему свежую могилу под ветвями чинара.

Бутабай, подбежав к могильному холмику, упал перед ним на колени.

Сердце плакало.

Под этим холмиком лежала его любовь, та, которая в далекой юности была его мечтой и радостью, которая была им любима все эти годы и которую он любил и сейчас. Вот уже много лет, как Бутабай потерял ее. Но ни одно воспоминание о ней не покрылось тенью. Она стала ближе, роднее, любимее, чем прежде.

Возможно, она ехала сюда в поисках Бутабая. О, если бы она на мгновение подняла голову из могилы, чтобы он мог увидеть ее черные задумчивые и живые глаза...

Бутабай плакал, навалившись грудью на могилу. Внезапно он вскочил на ноги, выбежал через калитку кладбища и побежал по улице. Он бежал, не замечая встречных.

Бектемиров, разговаривавший с кем-то около правления, с удивлением и тревогой взглянул на промчавшегося мимо него Бутабая. Мгновение он смотрел вслед ему, затем крикнул людям, с разинутыми ртами смотревшим на удалявшегося Бутабая:

— Держите его!

Подбежав к калитке ишана, Бутабай толкнул дверь. Она была заперта изнутри. Отступив назад, он с бешеной силой ударил в дверь ногой. Цепочка оборвалась, дверь распахнулась.

В комнате ишан-ая, попивая чаек, сидел Низаметдинов. При первом же сильном толчке в дверь он вскочил с места и спрятался за загородкой для омовения. В комнату ворвался Бутабай. Ишан-ая задрожала, от ужаса. Бутабай, схватив ее за горло, выволок во двор. Она хрипела, пыталась кричать. Бута, все сильнее сжимая ей горло, тащил ее на улицу. Собралась толпа, Муса кое-

как оторвал Бутабая от ишан-ая. Бута, позеленевший от гнева, кричал:

— Саломат убита! Убита! Вот эта проститутка убила ее. Зачем! Что тебе надо было от меня?

Он снова бросился на женщину. Его едва удержали.

Между тем опомнившаяся ишан-ая заголосила:

— Люди! Вай! Вай! Что это за клевета на меня? Проклятый Чинак сошел с ума!

— Ты не очень-то кричи! — угрюмо остановил ее Муса. — Мы ведь помним твои проделки! — и обернулся к Буте. — А ты в своем уме? Хватит, уходи! А вам что надо! — закричал он на собравшихся людей. — Даровое зрелище нашли? Ступайте отсюда!

Пропустив вперед Буту и то и дело подталкивая его, Муса направился с ним к правлению.

— Стыдись, на женщину руку поднял!

Бутабай все еще дрожал.

18

Следователь Разак Хайдаров увез Турсунбая на извозчике в районную больницу. В этот же день вечером он подробно рассказал начальнику раймилиции об убийстве.

— Мне бы, товарищ начальник, надо теперь дня на два съездить в Андижан.

— А что ты там будешь делать? — удивился начальник.

— Хочу проверить слова старика. Там должны знать эту историю.

— Раз надо. поезжай. Не забудь взять с собой фотографию этого Низаметдинова.

Хайдаров в тот же день отправился верхом в Андижан. Он добрался туда к десяти часам вечера. Доехав до кирпичного моста, он повернул коня к старому городу.

В чайхане около виноградного базара Разак спросил у чайханщика, не видал ли тот милиционера Миразиза.

— Да, он только что выпил чайник чаю и ушел. Он сегодня дежурит на Сайгузаре.

Хайдаров, ведя лошадь в поводу, направился в сторону Сайгузара.

Вскоре он увидел Миразиза, сидевшего в чайхане с дугаром на коленях. Усы его были лихо закручены, он держался со своей всегдашней начальственной важностью. Недаром про него в шутку говорили, что даже когда он пьет чай, у него в углу рта торчит свисток.

Он был грозой ночных сторожей квартала. Горе тому из них, кто забыл с утра подмести и полить свою улицу. Миразиз славился еще и тем, что знал в лицо буквально всех жителей города от восьми и до восьмидесяти лет.

Разака Миразиз признал издали.

— Что за человек ходит так поздно? — грозно крикнул он.

— Ошно!¹ — засмеялся Хайдаров.

Оба тепло поздоровались.

— Каким ветром тебя занесло к нам?

— Да вот решил проветриться, посмотреть, как вы тут живете.

Расслабив струны дутара, Миразиз прислонил его к стене.

— А мы с Ямаком² часто вспоминаем тебя. Думаем, куда это провалился наш старый фасонщик!

— А Ямак как поживает?

— Все такой же. В органах теперь не работает: левая рука плохо действует. Люблю я его! Прекрасный человек, открытая душа. Поэты, артисты, музыканты — все его друзья. Да и писатели, приезжающие из Ташкента, обязательно заходят в его лавчонку.

— Какая же у него лавчонка? — поинтересовался Хайдаров.

— Чайхана на Талзаре³.

— Знаешь, Миразиз-ака, зайдем-ка к нему, поьем у него чаю! Мне бы надо поговорить с ним.

— Согласен. На пост мне надо к двенадцати ночи. Времени хватит. Пошли.

В крытой циновкой чайхане Талзара народу было немного, Ямак, человек лет пятидесяти, безбородый, старательно вытирал самовар.

— Что, Ямак, чистишь свою желтую корову?

— Йя-йя, — опешил Абдукарим Ямак, увидев поздних гостей. — Разак-фасонщик, тебя ли вижу?

— Он самый! — ответил Миразиз.

Старые друзья обнялись. Абдукарим Ямак подтолкнул гостей к кошме, постланной на сиденье.

— Как это ты догадался приехать? Ну и молодец же! — сказал он, разглядывая Разака. — Да ты совсем не изменился! Ну, как дела?

— Дела в порядке, друг. Нарочно приехал навестить вас.

— Молодец! Молодец! — еще восклицал Ямак, а сам всматривался в гостей.

¹ Ошно — друг.

² Ямак — прозвище, значит «латаный».

³ Талзар — таловая роща.

ривался острыми глазами в озабоченное лицо друга и затем спросил: — А может, у тебя ко мне дело есть?

— Да, надо бы кое-что спросить у вас, — признался Разак. — Скажи, ты знал зятя старосты?

— Какого старосты? В Андижане их было много, чтоб им никогда не возвратиться из ада, в который они, надо думать, попали!

— Ну, того самого, который был толмачом у хакима?

— А-а, вон кто тебя интересуется! — усмехнулся Ямак. — Зять последнего старосты Андижана, который проиграл свою жену! Конечно, знаю.

— А в чем дело? — заинтересовался и Мирализ. — Этот подлец остался под снежным обвалом, когда бежал вместе с Халходжой в Кашгар.

Хайдаров опешил. Он растерянно взглянул на своего приятеля. Если зять старосты погиб под снежным обвалом, значит, Низаметдинов совсем не тот человек, за которого его принимает Турсунбай. Вся цепь улик, которой так гордился Разак, разлетелась вдребезги. Он, опытный следователь, поверил бредням выжившего из ума старика. Следствие придется начинать заново. Но, может быть, ошибается не Турсунбай, а Мирализ?

— А вы не помните, как звали этого толмача? — спросил Разак у Абдукарима Ямака.

Абдукарим Ямак задумался.

— Нет, не помню! — с досадой сказал он. — Так и вертится на языке, а вспомнить не могу. Называли его все «толмач», а имя вышло из памяти. Но какой же он был пройдоха! У старосты был завод, так он сумел переписать его на свое имя. Потом староста отнял у него свою дочь и пожертвовал ее какому-то ишану. А вернуть завод уже не мог, и кончилось тем, что староста просто-напросто поджег его. Так ты из-за этого только и приехал? — беря в руки дутар, спросил он.

— Да. Мне нужно узнать имя этого человека.

Тут снова вмешался Мирализ.

— Придется тебе порасспросить у наших стариков.

Абдукарим настроил дутар и начал наигрывать тановар¹. Закрыв глаза, он покачивался в такт мелодии и о чем-то думал. Внезапно он перестал играть.

— Послушай, Разак! — сказал он, положив дутар на колени. — Если хочешь узнать имя и фамилию толмача, то сходи к нотарнусу. Просмотри дореволюционные купчин. За кем записан

¹ Тановар — название классической мелодии.

этот завод, тот и есть толмач. Контора нотариуса откроется завтра в девять. А сегодня заночуй здесь, поболтаем по душам.

Разак решил довести дело до конца и принял предложение Абдукарима.

Миразиз ушел. Абдукарим, поручив чайхану мальчику, повел Хайдарова домой. Он жил в узкой улочке по соседству с медным рядом.

Разак, уставший с дороги, сразу же заснул. Однако к девяти часам он уже был в нотариальной конторе. Но там ему не повезло: нотариус куда-то уехал. Досадуя на невезение, Разак вернулся к Абдукариму. Ямак, готовивший плов, ожидал гостя.

Только теперь Хайдаров подробно рассказал о причине своего приезда в Андижан.

— Вот чудак, ты так бы и сказал! Если я взгляну на вашего эфенди одним глазом, и то узнаю. Возьми меня с собой, я только издали погляжу на него и сразу скажу тебе — да или нет. А хочешь, я сведу тебя с одним человеком. Он артист, зовут его Кадырджан. Это брат председателя артели извозчиков Эргаш-бая Зулунова. Когда-то он был рабочим на заводе толмача. Сейчас я приведу его.

Ямак, засыпав рис в котел, крикнул: «Накрой сам», — и убежал.

Кумган кипел уже всюду, когда Ямак привел с собой высококого человека в новенькой чувстской тубетейке и в костюме, сшитом из старой черной шинели.

— Правильно я придумал! Кадырджан помнит толмача. Его звали Гиясиддин.

Разак, забыв поздороваться с гостем, поспешно вытащил из бокового кармана стопку бумаг. Порывшись в них, он протянул гостю фотографию.

— Вы знаете этого человека?

Кадырджан пристально посмотрел на фото и кивнул.

— Да, это он, толмач Гиясиддин.

— Спасибо, дружище! Большое спасибо! — воскликнул обрадованный Хайдаров.

— Спасибо-то спасибо, но я хочу кое-что добавить. Толмачу, когда я его видел в последний раз, было сорок лет. Года через два он погиб под обвалом, значит, тогда ему было примерно сорок два. А этот человек кажется куда старше!

— Но если вы сейчас увидите его, узнаете?

— Думаю, что узнаю.

Едва сели за плов, подоспел и Миразиз.

— Ну, Разак, раскошеливайся на пол-литра, — крикнул он с порога. — Я облегчил твои хлопоты. Сегодня я был у начальника

и сказал ему, что ты находишься здесь. Сначала он обиделся на тебя, что ты не зашел к нему, но я рассказал, по какому делу ты приехал, и он послал меня к оперуполномоченному спросить, не знает ли он что-нибудь о твоём человеке. Оперуполномоченный открыл железный сундук и показал мне фотографию. Смотрю я, на фотографии стоит наш толмач рядом с каким-то человеком в папаче. Оперуполномоченный пообещал приготовить для тебя копию.

Обрадованный Разак проглотил свой плов чуть ли не кипящим и, успев только сказать, что забежит перед отъездом, ушел.

Оперуполномоченный действительно уже приготовил копию. Разак, взяв еще влажную фотографию, так и устоялся в знакомое лицо.

— А кто этот, в папаче?

— Турецкий офицер Тавфик-эфенди, учитель толмача. Умер от лихорадки в горах. Говорят, что он погиб под снежным обвалом, но это твердо не установлено.

— А как точная фамилия толмача? — нетерпеливо спросил Хайдаров.

— Гиясиддин, сын Низаметдина. Был лазутчиком Халходжи.

Сложный узел внезапно развязался. Теперь все было ясно. Положив фотографию в карман, Разак направился к выходу, но оперуполномоченный остановил его:

— А расписка в получении фотографии?!

Хайдаров написал расписку и поспешно вышел. Ему не терпелось вернуться поскорее в Заркишлак и закончить следствие.

19

Низаметдинов был совершенно спокоен. Саломат, существование которой подвергало опасности его жизнь, умерла. И убил ее не он сам, а шалопай Назиркул. Сегодня покинет Заркишлак и Азимбай, в надежде найти счастье в том же Кашгаре...

Единственным человеком, знающим его прошлое, осталась ишан-ая. Теперь он раздумывал над этим.

На обратном пути с кладбища Низаметдинов, отстав от всех, возвращался один и, погруженный в свои мысли, напевал про себя стихи какого-то турецкого поэта:

Глаза, глаза,
твой глаза,
Они жгут сердце, как гроза,
Они — как неба бирюза,

Но почему они погасли,
Мея сжигавшие глаза?

Эта песня напоминала ему те годы, когда он учился в Ташкенте в русско-туземной школе и каждую пятницу приходил на пирушку в дом эфенди Тавфика на Шайхантауре.

Эфенди Тавфик ходил всегда в зеленого цвета военной форме из сукна. На его падахе было наколото изображение полумесяца и шестигранной звезды. Упирая в грудь палец с бриллиантовым перстнем, он говорил:

— Я — сын всеединой Турецкой империи! Живи, сын Турции, и пусть никогда не погаснет огонь твоих глаз!

Затем, зажмурившись, он начинал читать стихи, покачивая в такт головой:

Ночами от разлуки горит моя душа,
Кровь вместо слез из глаз — мертва моя душа...

Низаметдинов, окончив школу, пересехал в Андижан. Он больше не встречал эфенди Тавфика. Слышал как-то от бывших одноклассников, что тот убит во время смуты, поднятой за автономию Коканда. Но слух оказался ложным. После революции Тавфик-эфенди учительствовал в начальной школе в Фергане и растолковывал своим ученикам, что такое водород и что такое кислород. То было время, когда обнаглевшие басмаческие банды, нагоняя ужас на население, носились по всей Ферганской долине. Тавфик-эфенди, решив, что пришло время создавать великую Турцию, явился к Мадаминбеку. Мадамин с распростертыми объятиями встретил Тавфика-эфенди, человека, сведущего в военной науке.

Но через несколько месяцев Мадаминбек высказал на тайном военном совещании своих отрядов намерение помириться с Советской властью и присоединиться к Красной Армии. Тавфик-эфенди, присутствовавший на совещании, выдал замысел Мадамина его смертельному врагу Халходже. Халходжа при помощи Тавфика захватил Мадамина. Тавфик-эфенди за свое предательство получил у Халходжи титул военного советника. Халходжа еще долго возил за полосатым зеленым знаменем насаженную на пику голову Мадаминбека. Так Низаметдинов, бывший в то время лазутчиком Халходжи в Андижане, снова встретился с Тавфиком — своим бывшим учителем.

Халходжа, после окончательного разгрома его войск, скрылся в горном ущелье у хребта Аравон. Туда был вызван и Низаметдинов. Халходжа, закутавшись в шубу, в мохнатой падахе,

опущенной на самые брови, сидел в палатке и, грея руки над тлеющими в медном тазу угольками, о чем-то думал. В стороне, словно злорадствуя на нем, торчала посаженная на пику голова Мадаминбека. На старой кошме, в ногах у Халходжи, лежал его верный советник Тавфик-эфенди и негромко стонал. Он простудился в горных снегах и еле дышал. Халходжа гневно посмотрел на голову Мадамина, потом повернулся к Тавфику-эфенди.

— Ну, эфенди, что ты посоветуешь теперь? Я решил уйти в Кашгар.

Тавфик-эфенди, приподнявшись, посмотрел на курбаши.

— Вечно знамя ислама!

Халходжа, обозленный этой неуместной риторикой, только махнул рукой.

В ту же ночь Халходжа, поручив заботу о больном Тавфике Низаметдинову, отправился в путь.

В палатке остались два старых приятеля. Вдали слышались выстрелы. Иногда ветер доносил цоканье конских копыт: красноармейцы преследовали разбитую банду Халходжи.

Погасли угольки в медном тазу. Низаметдинов пробормотал:

— Все ушли, со всеми покончено. И этот патриот без отечества скоро подойдет!

Задерживаться было опасно. Низаметдинов обдумывал, куда теперь податься.

Тавфик-эфенди издал короткий стон. Низаметдинов зажег спичку и осветил его лицо. Тавфик-эфенди умирал. Он умирал вдали от кофеен Стамбула, от шумных морских портов, утопающих в солнечных лучах, от целующихся с небесной синевой минаретов. Бывший эфенди и учитель умирал, лежа на изъеденной молью кошме, уставившись на мигающие в небе звезды через продырявленный пулями полог старой палатки. Низаметдинов вышел из палатки. Теплый весенний ветерок словно слизывал снег, обнажая скалы. Тускло-прозрачный ободок вокруг луны обещал хорошую погоду.

...Через несколько дней после возвращения в Андижан Низаметдинов услышал, что Халходжа со своими джигитами погиб под снежным обвалом.

Вот это вспомнил Низаметдинов, возвращаясь с кладбища после похорон Саломат. Как опытный игрок, он еще раз проверял расположение фигур на шахматной доске. Он успел отвести от себя даже малейшее подозрение, отправив в Кашгар всех, кто мог быть опасным для него. Низаметдинов никогда не рисковал своей жизнью без нужды. И всякий раз, когда казалось, что все кончено и дороги к спасению нет, ловко уклонялся от беспощадных когтей судьбы.

Но он не прекращал борьбы. Сначала его толкала надежда вернуть потерянное богатство, залатать и поднять разорванное зеленое знамя ислама. Теперь он уже забыл об этих надеждах, но продолжал подвергать опасности свою жизнь и проливать кровь других из одной ненависти.

Иногда он и сам ловил себя на том, что похож на барана, который бодает головой крепкую стену, надеясь проломить ее. Стена по-прежнему стоит, а голова Низаметдинова после каждого такого удара болит и трещит все сильнее. Но говорят, что привычка — вторая натура. И, верный своей привычке, он не переставал бодать стену.

Он хотел бы уподобиться той крысе, которая в одиночку прогрызла и утопила судно святого Нуха.

Подойдя к чайхане, Низаметдинов увидел, как человек с пышными усами, которого он заметил еще вчера в правлении, увозил на извозчике Турсунбая.

— Куда это повезли старика? — спросил он у чайханщика.

— К доктору повезли! — с соболезнованием ответил чайханщик. — Негодяй, убивший Саломат, и его, оказывается, покалечил.

Холодный пот выступил на лбу Низаметдинова. «А вдруг проклятый старик проболтается?» — подумал он.

Он смотрел вслед извозчику до тех пор, пока тот не скрылся за поворотом, затем, приняв какое-то решение, смело направился к правлению.

Сторож, чинивший на пороге свои ичиги, сказал, что почтенный Бектемиров только что ушел.

— Ата, разыщите мне Кучкара!

— Будет исполнено, эфенди, будет исполнено!

Сторож открыл дверь конторы и ушел. Низаметдинов стоял около окошка и размышлял.

«Кажется, все сделано так легко, как будто я выдернул волосок из теста. Бектемирову попало в райкоме, теперь с ним там не станут особенно считаться. Если его толкнуть еще разок, он и совсем свалится со своего насеста. Бута изгнан не только из колхоза, он, наверно, уйдет и из кишлака. Саломат мертва. Можно спокойно работать. Вот только Махсум!»

Низаметдинов, скорчив гримасу, отошел от окошка. Перед его глазами возник отец Махсума. Тогда его сыну было лет пять-шесть. Низаметдинов надеялся, что мальчишка совсем не помнил его. Но... Вчера Махсум вдруг пристал с расспросами! И Низаметдинов думал, правильно ли он ответил этому парню, или ответ его был необидительным...

Махсум сказал: «Как будто я когда-то видел вас, а в вашей комнате лежат книги моего отца». Низаметдинов не растерялся и ответил ему, не моргнув глазом:

— Да, Махсум, твой отец был настоящим революционером. В Ташкенте, накануне революции, когда власти проводили набор в армию, мы с ним были членами одной подпольной организации. Тогда он работал в паровозо-ремонтных мастерских. Я был сослан, а отец твой бежал в Андижан, и мы не смогли увидеться. Я и не думал, что у него есть сын и что я встречу этого сына. Гордись своим отцом, Махсум!

Да, он нашел правильный выход. Махсум поверил его словам. Да и какой молокосос не поверит, если его отца расхваливают, как святого!

Мысли его прервал появившийся в дверях Кучкарбай.

— А, это ты, садись сюда! — довольно сухо встретил его Низаметдинов.

— Я спешу, эфенди, в поле меня ждет работа.

Низаметдинов прикрыл поплотнее дверь и сел на стул, закинув ногу на ногу.

— Плохи твои дела, Кучкарбай! Разве можно было бить члена партии? А тут еще оказывается, что ты был басмачом! Из города уже приезжал работник ГПУ и расспрашивал о тебе.

В глазах Кучкарбая появилась тревога. Еще вчера, увидав в чайхане милиционера Разака, да еще переодетого, он так напугался, что не спал всю ночь. И сейчас, как ни подавлял он страх, голос его дрогнул:

— Ах, дорогой ака, ведь то, что я был в басмачах, давно всем известно, и меня простили.

Низаметдинов показал ему кукиш.

— Вот как тебя простили! От них хорошего не жди! Ты ударил члена партии? Ударил! Ну и получишь пять лет.

— Но Бектемиров сказал, что не держит на меня зла...

— Да ты, я вижу, совсем простачок! Бектемиров давно уже знает вкус змеиного яда! Неужели ты думаешь, что он спокойно снесет твои побои? Как бы не так! Он же сам и вызвал этого агента из ГПУ.

Кучкарбай окончательно растерялся. Низаметдинов несколько не сомневался, что в его руках оказался новый Назиркул.

— Но ведь я, товарищ Низаметдинов, честно, не жалея своих сил, работаю в колхозе. Неужели это не идет в счет?! — чуть не со слезами заговорил Кучкарбай,

Низаметдинов зло засмеялся,

— А ты все еще не поумнел?

— Так скажите же, что мне делать? Вы человек ученый, с понятием, посоветуйте же!

— Я и сам не знаю, что тут можно посоветовать, братец. Тут дело тонкое! — задумчиво сказал Низаметдинов, испытывающе посматривая на перепуганного усача. «Выйдет из него толк или нет?» — вот что можно было прочитать в этом взгляде. Потом он продолжил, вкладывая в свой голос неподдельную жалость: — ГПУ и раньше несколько раз поднимало вопрос о тебе. Но я за тебя заступался как мог, выручал. Не знаю, говорили тебе об этом или нет? Пока что меня слушали, а теперь ты снова попал на заметку... Есть, правда, один путь, но не знаю, сможешь ли ты пройти по ножу над пропастью... — Он, видимо, не решаясь высказать свой совет прямо, замаялся.

— Пожалейте же меня, эфенди, говорите!

— Ладно, скажу. Только, если что случится, не сваливай на меня, что такой, мол, совет дал Низаметдинов. Сказать я скажу, но только потому, что вижу в этом твое единственное спасение. Тебе надо заявить, что Бектемиров потребовал у тебя взятку в триста рублей, обещал за это скрыть твое прошлое, а ты этих денег не дал, вот почему и вышел скандал...

Кучкарбай медленно попятился, не сводя с Низаметдинова изумленных глаз.

— Но он же у меня никогда ни копейки не просил!

— Это неважно, просил или не просил. Я говорю то, что тебе надо сказать, чтобы от тюрьмы избавиться.

Кучкарбай развернулся и вlepил Низаметдинову такую оплеуху, что тот свалился со стула. Стоя над ним, Кучкарбай закричал:

— Ты что, думаешь, мне своих грехов не хватает? Видишь, как я из-за одного непотребного поступка, — он стукнул кулаком себя в грудь, — исстрадался, измучился. А ты что советуешь? Люди начали меня уважать за хорошую работу, а ты хочешь, чтобы я снова опозорился? Только вчера я послушался такого советчика и ударил Бектемирова, оскорбил Советскую власть, которая простила меня.

Низаметдинов поднялся бледный, с трясущимися губами. и Кучкарбай снова занес руку для удара.

— Ну, что ты еще скажешь? Что ты еще мне посоветуешь, падаль ты эдакая? А сам-то ты кто? Советский человек или контра проклятая?

Низаметдинов, стирая спиной пыль со стены, проскользнул к двери и пулей выскочил на улицу. Кучкарбай крепко выругался вслед ему.

Вот уже тринадцатый день Назиркул бродит по горным ущельям. Одежда висит на нем ключьями, спутавшиеся волосы на голове, щетина, отросшая на лице и на подбородке, придают ему вид дервиша. От палящих лучей солнца, от ночевок среди камней кожа на лице и шее сморщилась и побурела, как виноградная лоза. Назиркул мечется без цели, словно затравленный зверь. Впереди еще много километров крутых гор и глубоких ущелий. Как преодолеть их без лошади и продуктов? И что он будет делать в Кашгаре?

Но и вернуться назад он не может. В родном кишлаке его ждет беспощадная кара.

Иногда он садится на камень и часами сидит неподвижно — думает. Срывает травинку, жует. Горька трава, выросшая в бесплодных камнях, и он выплевывает ее. Мучит жажда, вот уже несколько дней во рту у него не было ни капли воды. Не с кем перемолвиться словом. Извечно немые камни не посочувствуют, не услышат стона, вырванного безнадежным отчаянием.

...Солнце стояло высоко. Назиркул, сорвав в овраге какую-то сладкую траву, жадно сосал ее, когда в отдалении прозвучал чей-то голос:

— Эй, человек, кто ты такой?

Назиркул вскочил на ноги. На другом краю оврага, где никогда не ступала нога человека, он увидел всадника. Всадник сделал ему знак рукой. Назиркул, словно заколдованный, стоял неподвижно. Придя, наконец, в себя, он прыгнул вниз, пересек, налетая на камни и колючки, овраг и, цепляясь руками за выступы скал, вскарабкался наверх. Сидя на лошади, за ним наблюдал Азимбай.

— Эй, дервиш, где дорога на Гулшин?

Назиркул вместо ответа обнял его ногу, вдетую в стремя.

— Хозяин, сам бог ниспослал вас!

Азимбай задрожал.

— Назир?!

Назиркул вместо ответа заплакал. Азимбай слез с лошади.

— Что случилось? Где ишан?

— Ишан наш погиб в зубах у волков. Я сбился с пути, потерял лошадь. Хлеба! Дайте хлеба! Возьмите меня с собой!

Азимбай вытащил из сумы лепешку и подал ему.

Назиркул с жадностью накинулся на хлеб. Азимбай посмотрел на его искаженное лицо, затем вдел ногу в стремя и вскочил в седло. Назиркул схватил лошадь за поводья.

— Возьмите меня с собой!

Бай потянул поводья к себе. Конь, изогнув шею, порывался тронуться, но Назиркул не дал ему сдвинуться с места. Озлобившийся бай дважды ударил его плеткой по лицу. Назиркул не выпустил поводья. Он дико тарашил глаза, лицо его было страшно.

— Бесчестный! Негодяй! Я всю свою жизнь, всю молодость у твоего порога растратил. Так сдохни и ты! Не пушу! Пусть и твои глаза вороны выклюют!

Бай изо всех сил ударил коня плетью. Конь взвился на дыбы, подняв на поводьях Назиркула. Поводья вырвались у него из рук, и он ничком упал на землю.

Когда он поднялся, бай был уже шагах в тридцати от него.

Глаза Назиркула стали страшными. Какая-то молния осветила их, и он вдруг увидел всю свою жизнь, и жизнь людей, бывших его наставниками. Он был обманут. Азимбай, Низаметдинов, Саид Джалалхон загребали жар его руками, проливали его руками кровь. Теперь они отшвырнули его, как обглоданную кость. Гнев, кипевший в его груди, свел его пальцы, как крючья. Затем они разжались и выхватили маузер. Верной рукой он взял на прицел Азимбая, уже пустившего лошадь вскачь. Раздался выстрел, бай закачался в седле. Он сделал было движение, чтобы обернуться назад, но раздался второй выстрел. Бай опрокинулся на круп коня и сполз на землю. Конь остановился. Назиркул неторопливо подошел к лежавшему ничком Азимбаю и нагнулся к нему. Бай что-то пробормотал.

Назиркул взял лошадь за повод и вывел ее на тропинку. Сняв переметную суму, вывернул ее наизнанку. Из нее выпали два десятка лепешек. Со дна сумы выскользнул длинный кошель. Назиркул вывернул и его. Золотые монеты со звоном посыпались на камни и раскатились во все стороны. Назиркул принялся топтать их. Он был голоден, но даже не взглянул на валявшиеся у ног лепешки.

Забыв о коне, о еде, о золоте, Назиркул пошел назад по направлению к Заркишлаку. Он шел, не останавливаясь, день и ночь.

Что ждет его в кишлаке? Назиркул не думал об этом. В глазах было темно, голова кружилась от слабости, когда он карабкался на последний хребет перед Заркишлаком. Стертые ноги нестерпимо болели и оставляли на камнях кровавые следы, но Назиркул все шел. Он был почти без сознания, когда добрался до вершины последнего перевала.

...В садах Заркишлака распустились цветы, по-весеннему легкий ветер веет над полями, берега арыков пахнут мятой. Птицы с травинкой или соломинкой в клюве подлетают к чина-

ру и исчезают в его густой листве. Курицы, нахохлившись, копают ямки под заборами и сидят в них, греясь на солнышке. У молодых девушек из-под тюбетеек свисают фиалки, подснежники, колокольчики.

Из садов доносится перестук тяпок и топориков. Садоводы срезают прямые прутья талов для виноградных подпорок.

Пришла весна... Весь кишлак наполнен благоуханием. Слышно жужжание пчел, щебетание птиц. Весеннее солнышко льет на землю ласковое тепло. Кругом радость — радуются люди, радуется природа.

Только один человек лишен этой радости. Он сидит на вершине перевала. Укутавшись в лохмотья чапана, худой, черный, он сидит, уперев в ладони обросшее лицо, и с безнадежным отчаянием смотрит на широкое раздолье полей, на потонувший в солнечных лучах кишлак.

В этом кишлаке прошли его детство и юность. Люди, с песнями работающие там, внизу, в своих садах и огородах, были когда-то его друзьями. Он предал их, уйдя к басмачам. Он обманывал их долгие годы, скрывал свое преступление и продолжал верно служить ишану. Он сам обрек себя на изгнание.

Неподвижный, оцепеневший, он не чувствовал ни ветра, ни обжигающего спину солнца. От мучительных, неотвязных мыслей мутилось в голове. Он видел себя таким, каким был в юности — прямодушным, с добрым сердцем, с веселым смехом. Он видел себя таким, каким стал сейчас — с печатью кровавых преступлений на увядшем лице, с тревогой, стыдом и раскаянием в душе... Пришла пора держать ответ за все, что он сделал.

Назиркул, спотыкаясь о камни, падая, стал спускаться с перевала. Он шел в каком-то забытьи, не замечая ничего вокруг себя. Он подошел к мосту у въезда в кишлак. Казалось, сама судьба привела его туда, где он совершил свое последнее преступление.

Потом он оказался на кладбище. Кто-то читал молитву по умершим, и печальный голос плыл над могилами. Назиркул тихо шел среди могильных холмиков. Очутившись под тополем, он внезапно остановился, затем потрясенный отступил на несколько шагов.

У свежей могилы в глубоком молчании стоял Бутабай. Лицо его было бледно, как воск.

Назиркул понял — это была могила Саломат. Он вздрогнул и попятился назад.

Да, под этим могильным холмом лежала та, которую он зарезал вот этими руками. Зачем? Зачем он ее убил?

Он вдруг шагнул к могиле и упал на нее.

Бутабай отшатнулся. Он не узнал этого человека, худого, черного, обросшего бородой, в лохмотьях, с судорожно вздрагивающими плечами. Нагнувшись, он заглянул ему в лицо и все же не узнал.

Наконец Назиркул поднялся. Только теперь Бутабай понял, кто стоит перед ним.

— Назир! — воскликнул он.

Назиркул выхватил свой маузер и кинул его к ногам Бутабая.

— Застрели меня! Застрели меня своей рукой. Тебе будет легче! Стреляй! Я заслужил это.

Он стоял на могиле, распахнув на груди чапан, и кричал:

— Застрели меня! Застрели меня своей рукой!

21

Низаметдинов проснулся в каком-то муторном настроении. Ему приснился Тавфик-эфенди. Будто бы они сидели, покуривая сигары, в одной из людных кофеен Стамбула. Тавфик-эфенди протянул ему какое-то письмо. Письмо было от Халходжи. Халходжа писал, что он собрал большое войско из уйгуров и ждет в горах за Ошем дальнейших указаний.

И Тавфик-эфенди, уставившись на бриллиантовый перстень на пальце, говорит:

— Патриоты всеединой Турции дожидаются вас.

Детвора, отправлявшаяся в школу, разбудила Низаметдинова шумом и криками. Лежа в постели, он вспомнил дни, проведенные вместе с Тавфиком-эфенди. Вспомнил последнюю встречу с ним в пробитой пулями палатке, где сын Турции отдал богу душу, валяясь на дырявой кошме. Вспомнил также и Халходжу, который садился в седло, чтобы отправиться навстречу своей гибели. Вспоминая прошлое, он словно испытывал зубную боль. Многих погубил он. Вышедший живым из-под града пуль, гулявший среди пожарищ и уцелевший, он остался теперь в полном одиночестве.

— Постарел я, что ли? Неужто я уже слишком слаб для борьбы?

Нет, он ощущал еще достаточно сил, чтобы опять бороться под зеленым знаменем ислама.

Но где это знамя? Где войны ислама, шедшие за ним? Много

105

Раз обрезали Низаметдинову крылья, но каждый раз они отрасти снова. В последний раз ему помог взлететь Саид Джалалхон. Но не стало и его. И остался Низаметдинов один, как перст. Вспомнив, что мертвецы снятся не к добру, он глубоко вздохнул. Халходжа зовет его в письме. Что это значит, когда во сне зовет мертвец?

Чтобы освободиться от неприятных мыслей, лезших в голову, Низаметдинов решил позавтракать в чайхане.

У поворота на главную улицу стояли Турсунбай-ата, усатый незнакомец и Бектемиров и смотрели в сторону его дома.

Низаметдинов спрятался за тал, низко пригнувшись, добежал до забора и перепрыгнул через него. Перелезая через дувалы, перепрыгивая через арыки, он пробирался садами к окраине кишлака. Пересек клеверное поле, выскочил на пыльную улицу и побежал к кладбищу.

Он уже подбегал к калитке кладбища, когда оттуда вышел Бутабай с каким-то человеком в лохмотьях. На Низаметдинова нашел столбняк. Пока он опомнился, они уже приблизились.

Человек в лохмотьях бросился на него и схватил его за горло.

Это был Назиркул. Низаметдинов в ужасе отпрянул назад, вырвался из рук Назиркула и побежал. Назиркул выхватил нож и погнался за ним.

Страх придал Низаметдинову сил, он стремительно мчался по улице, стараясь спастись от Назиркула, гнавшего за ним. Увидев, что Назиркул догоняет его, он нырнул под помост чайханы, Турсунбай-ата выгнал его оттуда своим посохом.

— Что, негодяй, клоп вонючий? Ты сам оказался Чемберленом? Я теперь все знаю! Тебя надо не просто убить, а закидать камнями.

Назиркул вцепился в горло Низаметдинова, Низаметдинов снова вырвался и оттолкнул его; обессилевший Назиркул зашатался и упал. Он увидел над собой голубое небо, весело кружившихся голубей и потерял сознание.

Отовсюду сбежался народ. Чайханщик ударил Низаметдинова чайником по голове. От заварки, прилипшей к спине и шее, шел пар. Муса-куса, выждав момент, тоже ударил его. Из носа Низаметдинова брызнула кровь. Он с облегчением услышал голос усача, увещевавшего народ:

— Стойте, товарищи! Не трогайте его,— он арестован!

— Из клопа брызнула кровь, пусть теперь воняет,— с ненавистью произнес чайханщик.

Бектемиров понимал, что, если Низаметдинова сейчас же не увести, его могут растерзать, поэтому он кивнул Хайдарову.

Кучкарбай, сняв с себя пояс, связал Низаметдинову руки за спиной.

— А ну, марш! Сам буду толмачом для тебя.

Низаметдинов, кажется, только и ждал этого приказа. Он быстро побежал впереди Кучкарбая. Кто-то закричал: «Держи вора!» Муса-куса, чтобы припугнуть его, нарочно крикнул: «Бей!» Низаметдинов бежал посреди улицы. Он не смотрел на людей, которые улюлюкали ему вслед, не смотрел на женщин, грозивших ему кулаками из-за заборов, на детей, кидавших в него камнями. Как волк, пытающийся вырваться из капкана, он только скрежетал зубами...

Впереди, скрипя колесами, ехала арба. Четырнадцать дней назад на ней была привезена в кишлак убитая Саломат. Теперь на этой же арбе везли Назиркула: Он все еще был без сознания, грязный, черный, в лохмотьях. Его бородатое лицо было видно шагающему позади Низаметдинову. Точно так же шагал он за арбой, въезжавшей в кишлак с мертвой Саломат.

Низаметдинов не в силах был смотреть на свою последнюю жертву. Он отвернулся и приподнял голову. Лучи заходящего солнца, сверкавшие в верхушках тополей, ослепили его глаза. Низаметдинов вздохнул. «Лучи солнца сейчас потухнут,— подумал он,— потухнут, но завтра засверкают снова. А я? Неужели я потухну навеки?»

Где-то далеко среди разноцветных лучей заката мелькнул на мгновение зеленый луч, напомнив ему зеленое знамя пророка, которое он хотел поднять своими окровавленными руками. И все погасло. Наступила ночь. Последняя ночь Низаметдинова...